

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДУМА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

РОССИЙСКИЙ

[Metadata, citation and similar](#)

iversity Repository

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Материалы III Всероссийской конференции
с международным участием,
посвященной 20-летию Законодательной Думы
Томской области

Издательство Томского университета

2014

УДК 328/533

ББК 66

Р76

*Печатается по решению Совета Законодательной Думы
Томской области в соответствии с планами научной работы РАПН
на 2014 г. и НОЦ «Институт политических исследований»
Национального исследовательского Томского государственного
университета на 2014 г.*

Редакторы:

д-р полит. наук *А.И. Щербинин,*

д-р полит. наук *Н.Г. Щербинина*

Российский парламентаризм: региональное измерение: материалы
Р76 III Всероссийской конференции с международным участием / под
ред. А.И. Щербинина, Н.Г. Щербининой. – Томск: Изд-во Том. гос.
ун-та, 2014. – 192 с.

ISBN 978-5-7511-2270-6

В сборнике представлены материалы, отражающие актуальную проблематику международного и отечественного парламентаризма, его регионального уровня. Отражены темы генезиса, эффективного функционирования и основных тенденций представительной власти.

Для политологов, историков, правоведов, практиков парламентаризма.

УДК 328/533

ББК 66

ISBN 978-5-7511-2270-6

© Национальный исследовательский
Томский государственный университет, 2014
© Законодательная Дума Томской области, 2014

О.Ю. Малинова

ТЕОРИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ ПАРЛАМЕНТА В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

На примере российского парламентаризма в статье анализируется его символическое наполнение в отношении представительных функций парламента и парламентариев. Теоретические аспекты политического символизма и моделей представительства подкрепляются анализом дискурсивных практик парламентариев.

Ключевые слова: *политический символизм, российский парламентаризм, представительство.*

Несмотря на свой двадцатилетний стаж, современный российский парламентаризм по-прежнему остается сравнительно новым политическим явлением. Для понимания особенностей его развития нужно изучать не только практику формирования и функционирования законодательной и представительной власти на федеральном и региональном уровне, но и ее восприятие обществом. Эта задача может решаться в рамках различных подходов. Продемонстрируем некоторые возможности анализа символической стороны политики. Охарактеризуем особенности данного подхода и проанализируем символическое наполнение парламентаризма в российском контексте на примере восприятия элитой и обществом его *представительных функций*.

Отцом-основателем изучения символических аспектов политики по праву считается американский исследователь Мюррей Эдельман, утверждавший, что адекватное объяснение политического поведения не может не учитывать «формирование общих смыслов и их изменение в процессе символического постижения группами людей интересов, бремени обстоятельств, угроз и возможностей» [1. Р. 2]. В книге «Символическое использование политики» (1964) он попытался объяснить существенный разрыв между теоретическими предположениями относительно функционирования политических институтов и тем, как они работают в действительности, выявленный к тому времени эмпирическими исследованиями его коллег, с помо-

щью анализа смыслов, которые привычно вкладываются в те или иные политические действия, роли и институты [2]. В этой и других работах в числе прочего он исследовал роль символической коммуникации в функционировании административных и законодательных органов власти.

Подход, предложенный Эдельманом, не породил научной школы; однако к настоящему времени существует солидное количество исследований, посвященных изучению символической составляющей политики, понятийный аппарат и методологический арсенал которых отличается заметным разнообразием.

В частности, следует упомянуть две монографии австралийского политолога Грема Гилла [3, 4], посвященные анализу символизма советской и российской политики. Рассматривая «символизм политической арены» в качестве важного фактора постсоветского транзита, Гилл анализирует новую систему политических институтов с точки зрения порождаемой ими институциональной культуры. По его мысли, политические системы порождают свою собственную «институциональную культуру», отражающуюся в наборах символов и образов, с которыми она ассоциируется. На этапе трансформации политического режима контуры этой институциональной культуры возникают как результат коллективных действий игроков на соответствующих политических аренах [4. Р. 79–80]. В конечном счете автор приходит к выводу, что институциональная культура постсоветских политических арен в 1990–2000-х гг. находилась в очевидном противоречии с официальной демократической риторикой, что порождало символическую непоследовательность, препятствовавшую формированию новой смысловой схемы, способной заменить советский метанарратив [4. Р. 133].

Изучение символической составляющей политики может опираться на эмпирические данные, требующие разных методов анализа. Весьма популярным является изучение политической риторики, основанное на всевозможных методах исследования текстов (контент-анализ, дискурс-анализ, интент-анализ и т.п.) и анализ репрезентаций политических объектов в СМИ (в том числе и с применением визуальных методов). Значительное количество работ сконцентрированы на реконструкции символических «импульсов» политических институтов; при этом используются различные теоретические парадигмы, от структурного функционализма и рационального выбора до социального конструктивизма и неинституционализма

(разумеется, здесь возможны различные комбинации). Наконец, важной составляющей политико-символического анализа является изучение социально-разделяемых представлений, связанное с интерпретацией данных опросов, глубинных интервью, фокус-групп, контента социальных сетей и т.п. Я буду использовать последний из перечисленных подходов.

Несмотря на наличие исторических «предшественников» (см.: [5]), возникший в 1993 г. институт парламента является для России сравнительно новым; он предполагает новое качество законодательной власти, которое нуждается в осмыслении и освоении. Как известно, парламента – это выборный высший законодательный и представительный орган власти, который контролирует правительство (а в ряде стран и формирует его), принимает бюджет, служит ареной для обсуждения проблем общества и направлений развития, а также механизмом согласования интересов различных социальных и политических сил. Кроме того, парламента является важным каналом рекрутирования политических элит. Все эти функции сопряжены с формированием сложного набора смыслов и образов. В статье я сосредоточусь лишь на одном аспекте символизма парламента – его представительном характере. Опираясь на анализ высказываний членов федеральной политической элиты и данные недавних опросов общественного мнения, я попытаюсь проследить, каким образом это качество парламента осмысливается элитой и обществом, продемонстрировав некоторые возможности рассматриваемого здесь подхода.

Следует заметить, что смысл представительства можно понимать по-разному. Как известно, в политической теории существует несколько нормативных моделей, разработанных на разных этапах развития европейского и североамериканского парламентаризма.

Модель доверенного лица, которую часто связывают с именем Э. Бёрка, рассматривает представительство как моральную обязанность: предполагается, что избиратели выбирают тех, чьей способности суждения они доверяют, и представители действуют от их лица, как считают нужным. Эта модель предполагает сугубо элитистский поход; она фактически отождествляет образованность с развитым чувством социальной ответственности, за что небезосновательно подвергается критике. В рамках этой модели представительство ассоциируется с высокими моральными и интеллектуальными спо-

собностями, которые ставят народных избранников в особое положение.

Являющаяся ее антиподом *модель делегата* рассматривает представителя как рупор для выражения мнений избирателей; предполагается, что делегаты не должны следовать собственным суждениям и склонностям. Как и предыдущая, эта модель сконструирована теоретически и не применяется в политической практике в чистом виде, но реализуется в некоторых принципах дизайна представительных институтов (регулярные выборы, короткий срок властных полномочий, право отзыва депутата, использование референдумов в качестве дополнения к обычному законодательному процессу и т.п.). В данном случае смысл представительства видится в лояльности по отношению к избирателям и способности точно выражать их интересы.

В отличие от первых двух моделей *модель мандата* отражает реальную практику партийного представительства: выигрывая выборы, партия получает мандат, уполномочивающий ее на реализацию политики, соответствующей предвыборным обещаниям. Впрочем, эта модель тоже не вполне точна, ибо безосновательно предполагает, что избиратели голосуют за программы, причем делают это рационально. Получается, что представительство связано с лояльностью партии и способностью последней выполнять предвыборные обещания (хотя это не всегда от нее зависит).

Существуют и другие модели представительства. Например, некоторые радикальные теоретики предлагают рассматривать представительный орган как копию общества в миниатюре, *микрокосм*. С точки зрения этой модели представительство ассоциируется с принадлежностью к представляемой социальной группе и «знанием» ее опыта. Будучи весьма уязвимой для критики, эта модель дает о себе знать в некоторых избирательных практиках (например, квотировании), которые обсуждаются и в российском контексте. Не рассматривая этот набор моделей как исчерпывающий, я использую его как инструмент для различения смыслов, вкладываемых в отношения представительства членами политической элиты и массовых групп.

Для анализа дискурса элиты я воспользуюсь наблюдениями, сделанными в ходе коллективного исследования человеческого капитала российских политических элит [6]. В рамках этого проекта были проанализированы более 150 интервью представителей федеральной политической элиты, данные СМИ 2008–2009 гг. В этом случае я

опираюсь на интервью 12 депутатов Государственной Думы, представлявших разные фракции.

Обращает на себя внимание, что объект своей заботы российские политики чаще всего определяют словом «люди»; иногда – «население»; гораздо реже – «граждане» или «народ». Таким образом, основным визави власти оказываются «люди», т.е. масса индивидов, не обладающая коллективной субъектностью. Отношения с нею мыслятся скорее в категориях морального долженствования (*власть должна «решать проблемы людей», обеспечивать их «потребности»* (но не интересы!), нежели права и прав. Причем большинство политиков говорят о своей обязанности помогать «людям» вообще, избегая прямых обращений к конкретным адресным группам. Некоторое исключение на этом фоне составляет риторика депутатов-коммунистов, которые подчеркнуто апеллируют к «массе трудящихся». Однако и в их выступлениях упоминания о «людях» вообще – не редкость. На мой взгляд, такое восприятие отношения между властью и теми, кого она представляет, ближе к элитистской модели доверенного лица.

В проанализированных публичных выступлениях депутатов, безусловно, доминирует патерналистская линия отеческой заботы о «людях», которая подкрепляется представлениями о пассивности населения (примечательно, что оппозиционными политиками она воспринимаются как качество, которое в перспективе следует менять). При этом «воспитание» масс тоже мыслится в категориях патерналистской заботы со стороны власти: *«Неужели сейчас... мы не можем прозреть, перестать быть слепыми и глухонемыми и обеспечить нормальное развитие нашим гражданам? Научиться им все разъяснять, растолковывать, не молчать?»* (Жириновский, 19.05.2009); *«...основная часть (общества. – О.М.) ищет в повседневной жизни материальных выгод для себя. Мы зря упускаем из вида прагматическую основу сознания масс, не умеем использовать ее в высоких политических целях»* (Зюганов, 31.10.2009). Таким образом, возникает перевернутое отношение: народные избранники не только говорят от имени народа, потому что лучше его самого понимают его истинные нужды, но и претендуют на роль его воспитателей.

Интересно также посмотреть, какие собственные качества члены политической элиты стремятся подчеркивать в своих публичных выступлениях. Общий принцип саморепрезентации можно выразить

словами из интервью Б. Грызлова: *«Люди должны всегда видеть, что народные избранники делают все для профессионального решения задач развития России»* (Грызлов, 25.12.2009). При этом представители исполнительной власти делают упор на демонстрацию собственной компетентности, а нуждающиеся в электоральной поддержке депутаты больше концентрируются на теме «помощи людям», нежели на «скучных» подробностях своей законодательной деятельности (хороший пример – аргументы В.В. Володина по поводу поспешности, с которой принимался бюджет 2009 г.: *«Так надо быстрее помогать людям. Человеку надо помогать или бумаги гонять по кабинетам?»*) (Володин, 28.04.2009). В подобном стремлении представить заботу о «людях» в качестве главной профессиональной обязанности представителя можно увидеть черты модели делегата – правда, скорее на риторическом, нежели на деятельностном уровне.

Что касается модели партийного мандата, вопреки стремлению связать представительство с партиями, выразившемуся в замене смешанной избирательной системы пропорциональной, она слабо прослеживается в рассуждениях депутатов. И это неудивительно, поскольку в силу безусловного доминирования исполнительной власти, формируемой по внепартийному принципу, модель мандата не соответствует российской политической практике. С большой натяжкой ее следы можно обнаружить в выступлениях представителей «Единой России»: *«Впервые лидер партии парламентского большинства стал Председателем Правительства. Тем самым закладывается важная политическая традиция...»* (Грызлов, 05.07.2008); *«Сегодня в столице эффективно решаются социальные вопросы, многое сделано для защиты старшего поколения, оказывается поддержка малому бизнесу. Люди это видят и отдают голоса той партии, которая сможет и дальше находить решение проблем»* (Володин, 13.10.2009). Вместе с тем любопытно, что партийная модель представительства в условиях доминирования одной партии рождает негативные ассоциации с «монополией КПСС».

Таким образом, на основе проанализированных текстов можно сделать вывод, что понимание представительства членами российского законодательного корпуса ближе к модели доверенного лица. Преимущественно в этой логике они изображают данную политическую роль в выступлениях, адресованных широкой публике. Напомним, что эта модель предполагает доверие, основанное на выдающих-

ся моральных и интеллектуальных качествах народных избранников. Соответствует ли изображение представительства самими представителями его восприятию гражданами?

Данные опросов общественного мнения скорее свидетельствуют об обратном. Согласно проведенному в апреле 2013 г. опросу ВЦИОМ, говоря о «депутатах Госдумы», избиратели чаще всего испытывают негативные эмоции. Их считают образованными профессионалами, но нечестными, своекорыстными и оторванными от населения. Относительное большинство россиян (37%) видят суть работы депутатов в принятии законов. 18% считают, что их призвание – заботиться о народе, 5% – заниматься государственными делами, 4% – обсуждать важные вопросы. С другой стороны, 12% полагают, что они бездельничают, 6% – что они решают свои личные вопросы, 4% – стремятся к обогащению [7].

Доля тех, кто «превратно» понимает роль народных представителей, еще выше в опросе Левада-Центра, проведенном в феврале 2014 г. По его результатам, лишь 13% россиян полагают, что отечественный парламент нацелен на формирование правовых условий для реального развития страны, 27% уверены, что деятельность Госдумы сводится в основном к тому, чтобы одобрять разработанные в правительстве законы, 37% полагают, что для народных избранников пребывание в парламенте – способ решить свои личные проблемы, 15% ничего не знают о работе Думы, 8% затруднились с ответом [8]. При этом по данным, полученным в ноябре 2013 г., лишь 45% респондентов заявили, что они в общих чертах осведомлены о том, чем занимаются депутаты, каковы их политические цели и предпочтения, 3% считают себя хорошо осведомленными, а 49% – совершенно неосведомленными [9].

Другими словами, массовые слои общества плохо информированы о деятельности народных представителей, что, казалось бы, дает им свободу действий, предполагаемую моделью доверенного лица. Однако представления сограждан об исполнении ими своих ролей слабо соответствуют характерным для данной модели высоким требованиям к моральным и интеллектуальным качествам депутатов. В результате возникает символический диссонанс, иллюстрацией которого могут служить многочисленные сатирические фотографии, коллажи и карикатуры, высмеивающие поведение народных избранников.

Вместе с тем нельзя сказать, что в российском обществе не существует запрос на иной символизм представительства. Об этом свидетельствует протестное движение 2011–2012 гг. в Москве и ряде крупных городов, вызванное фальсификациями результатов выборов в Государственную Думу. Анализ визуального материала протестных акций может дать интересный материал для понимания содержания этого запроса.

Литература

1. *Edelman M.* Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham Publishing Company, 1971. IX, 188 p.
2. *Edelman M.* The symbolic uses of politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 p.
3. *Gill G.* Symbols and legitimacy in Soviet politics. – Cambridge: Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – VI, 356 p.
4. *Gill G.* Symbolism and regime change: Russia. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. VIII, 246 p.
5. *Парламентаризм в России и Германии: история и современность* / отв. ред. Я.А. Пляйс, О.В. Гаман-Голутвина. М.: РОССПЭН, 2006. 582 с.
6. *Человеческий капитал российских политических элит: Политико-психологический анализ* / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезновой. М.: РАПН, РОССПЭН, 2012. 342 с.
7. Депутат Госдумы: Образ идеальный и реальный // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 2289. 25.04.2013. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113991> (дата обращения: 05.04.2014).
8. *Деятельность* Общественной палаты и Госдумы // Пресс-выпуск Левада-Центра. 24.02.2014. Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-02-2014/deyatelnost-obshchestvennoi-palaty-i-gosdumy> (дата обращения: 05.04.2014).
9. *Общественное мнение о деятельности Госдумы и депутатах* // Пресс-выпуск Левада-Центра. 26.11.2013. Режим доступа: <http://www.levada.ru/26-11-2013/obshchestvennoe-mnenie-o-deyatelnosti-gosdumy-i-deputatakh> (дата обращения: 05.04.2014).

А.Ю. Сунгуров

ДЕПУТАТСКИЕ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ КАК ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПАРЛАМЕНТА

В статье анализируется российский опыт реализации контрольной функции парламентов на примере депутатских комиссий по расследованию Съезда народных депутатов СССР и Ленсовета 1989–1991 гг. Рассматриваются обстоятельства принятия в 2005 г. Закона РФ «О парламентском расследовании» и его влияние на опыт проведения депутатских расследований в субъектах РФ.

Ключевые слова: *контрольная функция парламентов, парламентское расследование.*

Важным направлением анализа работы российских парламентов является рассмотрение эффективности реализации их основных функций. При этом основное внимание уделяется исследованию таких функций парламентов, как законотворческая и представительная, контрольная функция законодательных ассамблей привлекает существенно меньше внимания. Из недавних работ в этом направлении отметим кандидатские диссертации по конституционному и муниципальному праву Е.А. Коровниковой [1], А.А. Спиридонова [2], В.А. Тюльпанова [3] и Ю.Г. Федотовой [4]. Целью настоящей работы является рассмотрение опыта реализации контрольной функции российских парламентов на примере одной из форм такого контроля.

Под парламентским контролем мы будем понимать, в согласии с М.М. Утяшевым и А.А. Корнилаевой [5], осуществляемый высшим законодательным (представительным) органом государственной власти комплекс различных мер по постоянному наблюдению и проверке деятельности системы, а также по устранению выявленных в результате такой проверки нарушений и предупреждению возможных несоответствий. В первом приближении можно выделить два основных типа реализации парламентского контроля: контроль, реализуемый самими депутатами, и контроль, реализуемый с помощью специальных, созданных депутатами органов и структур.

Первый тип депутатского контроля реализуется с помощью специальных процедур, среди которых основное место занимают такие процедуры, как депутатские запросы, заслушивание на сессии отчетов руководителей основных ведомств исполнительной власти, соз-

дание специальных депутатских комиссий по расследованию наиболее резонансных событий в общественно-политической жизни страны, включая и случаи грубых и массовых нарушений прав человека, и, как крайняя форма, выражение недоверия правительству и президенту (губернатору), а на уровне Государственной Думы – импичмент Президенту РФ. Второй тип депутатского контроля связан с созданием специальных, постоянно действующих органов, структур или институтов. В российской практике такими структурами являются Счетная палата Федерального Собрания РФ и контрольно-счетные палаты на уровне субъектов РФ, как орган финансового контроля, с одной стороны, и институт Уполномоченного по правам человека как разновидность института парламентского омбудсмена – с другой. В данной работе мы кратко рассмотрим развитие в современной России и ее регионах одной из форм депутатского контроля – *депутатских комиссий по расследованию*.

Эта форма реагирования депутатов региональных парламентов на наиболее значимые события общественно-политической жизни страны возникла уже в процессе работы советов разных уровней, избранных еще в последний период существования СССР, в 1989 г. – на Съезде народных депутатов СССР и в 1990 г., после избрания народных депутатов РСФСР, городских и областных Советов. Серьезной нормативной базы для появления таких комиссий не было, парламентские комиссии по расследованию возникали *ad hoc*, т.е. как реакция на резонансные события бурной политической и общественной жизни. Ярким примером на общесоюзном уровне может быть депутатская комиссия по расследованию событий в Тбилиси 9 апреля 1989 г., когда после силового разгона массового митинга жителей грузинской столицы погибли 15 человек. Председателем этой комиссии бы избран Анатолий Собчак, секретарем – Сергей Станкевич, в состав комиссии вошло 24 народных депутата СССР. Комиссия выезжала в Тбилиси, выясняла обстоятельства событий апреля 1989 г., и подготовила Заключение, представленное на Втором съезде народных депутатов в ноябре 1989 г. Важным выводом этой комиссии было заключение о неправомерном использовании роты Воздушно-десантных войск, применявших для разгона митинга саперные лопатки, а также об использовании газа «Черемуха» [6].

Примером депутатской комиссии по расследованию, созданной и действовавшей на региональном уровне, была Комиссия по депутатскому расследованию обстоятельств государственного переворота

на территории Ленинграда, созданная решением президиума Ленинградского горсовета 23.08.1991 г., т.е. сразу после провала ГКЧП. В состав этой комиссии вошли тринадцать депутатов Ленсовета и два депутата Ленинградского областного Совета, ее председателем был назначен заместитель председателя Ленсовета Б.А. Моисеев.

В составе комиссии было создано семь рабочих групп по различным аспектам деятельности ГКЧП и реакции на него органов власти и общественных организаций города. В состав этих групп наряду с депутатами Ленсовета вошли также представители демократических движений и научного сообщества Ленинграда, так, в состав последней рабочей группы входило двадцать человек, из них семеро были депутатами Ленсовета. Итоговый отчет комиссии был подготовлен и доложен на президиуме Ленсовета и затем опубликован [7].

После принятия новой Конституции РФ в декабре 1993 г., в которой контрольная функция российского парламента не получила серьезного закрепления, комиссии по парламентскому или депутатскому расследованию в течение почти двенадцати лет не имели нормативного закрепления. В это время на уровне субъектов РФ началась работа по созданию нормативных основ для деятельности подобных комиссий. Первый такой закон появился в 2002 г. – закон «О депутатских расследованиях на территории Калининградской области». Существенную роль в его появлении сыграл фонд «Региональная стратегия». Спустя два года аналогичный закон появился в Московской области. На федеральном же уровне закон «О парламентском расследовании» был принят только в 2005 г., после проведения созданной adhoc парламентской комиссией расследования обстоятельств теракта в г. Беслане. Как известно, наряду с общим заключением комиссии о том, что все антитеррористические действия силовиков были полностью обоснованны, по материалам депутатского расследования было подготовлено Особое мнение члена комиссии, депутата Государственной Думы Юрия Савельева, из которого следует, что взрывы в захваченной боевиками школе были вызваны действиями силовиков [8].

Так или иначе, Федеральный закон «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» был принят в декабре 2005 г., что давало возможность принятия подобных законов и в большинстве субъектов РФ. Такие законы были приняты в Брянской области (2006 г.), в Чеченской Республике, Пермском крае,

Воронежской и Курской областях и Еврейской автономной области (2007 г.); «О депутатском расследовании» и закон Чеченской Республики «О парламентском расследовании», в Кабардино-Балкарской Республике и Томской области (2008 г.). в Нижегородской (2010 г.) и Астраханской (2011 г.) областях.

Однако наличие принятого закона еще не означает, что он постоянно используется. Так, на федеральном уровне после принятия такого закона была создана всего одна комиссия парламентского расследования – после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. В феврале 2014 г. в Государственной Думе после появления информации, что бывший министр обороны Анатолий Сердюков «попал под амнистию», по инициативе фракции КПрФ была предпринята попытка создания парламентской комиссии в отношении А. Сердюкова. Эта инициатива была поддержана фракциями Справедливой России и ЛДПР, за нее проголосовали и два члена «Единой России», в итоге за создание комиссии высказались 214 депутатов Государственной Думы, т.е. решение не было принято [9].

На региональном уровне ситуация зависит от конкретного региона. Например, в Калининградской областной Думе, где соответствующий закон был принят еще в 2002 г., накоплен большой опыт создания депутатских комиссий по расследованию. Так, например, в марте 2014 г. проводилось депутатское расследование на территории Багратионовского района Калининградской области по поводу хищения средств, предназначенных на создание мелиоративной системы¹. В других случаях, например в Законодательном собрании Томской области, комиссия по депутатскому расследованию не создавалась ни разу.

Литература

1. *Коровникова Е.А.* Контрольная функция Федерального Собрания Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

2. *Спирidonov А.А.* Институт парламентских расследований в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

3. *Тюльпанов В.А.* Контрольная функция Законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации (на примере города

¹ Интервью с С.И. Гинзбургом, депутатом Калининградской областной думы, 14.03.2014.

федерального значения Санкт-Петербург): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012.

4. *Федотова Ю.Г.* Парламентское расследование как форма парламентского контроля в Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

5. *Утяшев М.М., Корнилаева А.А.* Контрольные функции региональных парламентов: сравнительный анализ // Право и политика. 2001. №1.

6. *Заключение* Комиссии Съезда народных депутатов СССР по расследованию событий, имевших место в г. Тбилиси 9 апреля 1989 года. [http:// sobchak.org/rus/docs/zakluchenie.htm](http://sobchak.org/rus/docs/zakluchenie.htm)

7. *Сунгуров А.* О Комиссии по депутатскому расследованию обстоятельств государственного переворота на территории Ленинграда // Публичная политика. 2009: сб. ст. СПб., 2010. С. 27–32.

8. *Воронов В.* Тайна Беслана. Информ. агентство Stringer, 12 сентября 2006, <http://stringer-news.com/publication.mhtml?Part=50&PubID=6415>

9. «Единая Россия» в Госдуме отказалась проводить парламентское расследование деятельности эксминистра обороны Сердюкова. Веб-сайт КИРФ [http:// kprf.ru/dep/gosduma/activities/128736.html](http://kprf.ru/dep/gosduma/activities/128736.html)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ИЗБИРАЕМОСТИ ГРАЖДАН В СВЯЗИ С НАЛИЧИЕМ СУДИМОСТИ

В статье рассматриваются конституционно-правовые ограничения избираемости граждан на примере оснований, связанных с наличием судимости. Статья основывается на положении о праве демократического строя на защиту. Раскрываются электоральные практики применения данных ограничений.

Ключевые слова: конституция, избирательное право, воинствующая демократия, парламент, выборы, ограничения.

Конституция Российской Федерации предоставила законодательству свободу усмотрения по ограничению прав и свобод граждан и одновременно запрещает издавать законы, отменяющие и умаляющие права и свободы человека (ст. 55, ч. 2, 3).

Иначе говоря, Основной закон разрешает ограничивать и запрещает умалять избирательные права российских граждан. Поэтому необходимо разграничивать два конституционных понятия: «ограничение прав» и «умаление прав».

В конституционно-правовом смысле ограничение прав и свобод человека – это допускаемые Конституцией и установленные федеральным законом изъятия из конституционного статуса личности. В качестве ограничения прав может рассматриваться изъятие из круга правомочий, составляющих нормативное содержание прав и свобод человека. В свою очередь, умаление связано с уменьшением (лишением) материального содержания прав, социальных, политических и иных благ, причитающихся личности, минимизацией гарантий конституционных прав и свобод (см.: [1. С. 191–192]). Умаление означает фактическую отмену признаваемого Конституцией права.

Конституция Российской Федерации не определяет также пределы допустимого ограничения прав человека. Поэтому ограничение прав и свобод человека должно быть соразмерным и пропорциональным конституционно-определенным целям, из-за которых оно осуществлено и, самое главное, не должно приводить к умалению (лишению) юридического содержания прав и свобод личности.

В соответствии с этим универсальным принципом Конституционный Суд России постановлением от 10 октября 2013 г. признал неконституционным «криминальный фильтр», который ввел пожизненный запрет на реализацию конституционного права быть

избранным в любые органы власти для граждан, осужденных когда-либо за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Суд пришел к выводу, что «криминальный фильтр» вне связи с какими-либо конституционно значимыми целями устанавливает пожизненное и безусловное лишение пассивного избирательного права граждан, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, и тем самым вводит дополнительную и непропорциональную содеянному ответственность.

В этой связи «криминальный фильтр» следует признать безусловным примером умаления (лишения) права быть избранными в органы публичной власти. По этой причине Конституционный Суд России признал несоответствующим Конституции РФ подпункт «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Вместе с тем Конституционный Суд сформулировал, что «правовая демократия, чтобы быть устойчивой, нуждается в эффективных правовых механизмах, способных охранять ее от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии общества». Поэтому федеральный законодатель вправе устанавливать повышенные, более строгие требования к репутации граждан, занимающих публичные должности в органах власти.

Это необходимо, чтобы у граждан не рождались сомнения в их морально-нравственных и этических качествах, а также в законности и бескорыстности их деятельности как носителей публичной власти. Для достижения этих целей можно вводить определенные ограничения пассивного избирательного права (см.: [2. Ст. 5622]).

По своему содержанию пассивное избирательное право представляет собой форму решения вопроса о свойствах лица, которому избиратели оказывают доверие. Поэтому пассивное избирательное право является незыблемым принципом демократии. В советский период отечественной государственности ограничение права быть избранным в органы власти рассматривалось как санкция в отношении отдельных групп граждан с целью их отстранения от участия в формировании и деятельности органов государственной власти (см.: [3. С. 121–122]).

Дореволюционная юридическая мысль в России и за рубежом признавала право быть избранным исключительной привилегией

сознательных граждан и предлагала наделить этим правом после принятия присяги на верность Конституции (см.: [4, 5, 6]).

В конституционно-правовой науке указывается, что Конституционный Суд России в данном решении сформулировал судебную доктрину обороноспособной демократии (см.: [7. С. 113–123]). Представляется, что такое мнение следует поддержать, а также согласиться с аргументами, подтверждающими такой вывод.

Идея обороноспособной демократии была высказана известным конституционалистом К. Лёвенштайном еще в 30-е гг. прошлого века. В своей работе о воинствующей демократии К. Лёвенштайн основное внимание уделил реальной опасности европейского фашизма в 30-е гг. XX в., но он обосновывал цель воинствующей демократии в контексте отношения к «политическому экстремизму» и криминализации власти (см.: [8. С. 49]).

В дополнение к этим мнениям известный немецкий мыслитель К. Мангейм высказал мысль о том, что демократия должна стать воинствующей, если она хочет выжить. В то же время есть различие между воинствующим диктатором и воинствующим духом демократии, способным защищать ценности, которые являются основой функционирования социального порядка (см.: [9. С. 419–420]).

Воинствующая демократия, согласно мнению А. Шайо, прежде всего, затрагивает проблему ограничения политических прав и допускает применение особых правил контроля в отношении государственных служащих (см.: [10. С. 64–70]). Анализируя интеллектуальную политическую историю Европы XX в., Я.В. Мюллер приходит к выводу, что маргинальные и криминальные группы в условиях либеральной демократии политизируются при близорукоем пренебрежении властей. Такое поведение власти является смертельным средством уничтожения демократии (см.: [11]).

В современных условиях ограничение политических прав в отношении тех, кто намеривается злоупотреблять ими, также называют управляемой демократией. В литературе специально указывается, что современные демократии характеризуются наличием существенных элементов управляемости. Подобное состояние признается серьезным шагом по пути возвращения веры в эффективность демократии (см.: [12–15]).

Конституция Российской Федерации содержит упоминание о демократии в Преамбуле и в положениях статьи 1, которые определяют Россию как демократическое государство. В Основном законе

нет другого понятия, содержание которого подвергалось бы многочисленным интерпретациям. Не вдаваясь в анализ более двухсот различных концепций демократии, следует подчеркнуть, что в Конституции речь идет о демократии как совокупности приемов и способов формирования и функционирования органов власти. Иначе говоря, речь идет о рациональной организации политического процесса и обеспечении политического единства народа в условиях многопартийности и плюрализма. В наше время очень много суждений о демократии с явным утопическим подтекстом и смыслом, как будто она самое совершенное творение человеческого разума. Именно такое понимание, основывающееся на отказе понимания демократии как господства народа в смысле идентичной демократии, нашло выражение в постановлении Конституционного Суда России от 21 марта 2007 г. № 3-П. Прямое народовластие не может и не должно подменять народное представительство или использоваться в противовес ему (см.: [16. С. 322–323]).

Подобное процедурное понимание демократии как осуществления власти народа не согласовывается с традиционной апелляцией к народной воле как мистическому единству (см.: [17. С. 94–95]). Демократия, если образно выразиться, – это не Божий дар, ниспосланный нам, и не открытие небес. Демократия требует ежедневной результативной работы и качественного улучшения в течение всей истории общественного развития.

Следовательно, демократия в ее конституционном смысле вполне сочетается с разумными и пропорциональными ограничениями пассивного избирательного права. Сужение пределов избираемости в органы публичной власти с целью исключения возможности доступа к выборным должностям гражданам, способным нанести ущерб демократическому строю, следует признать конституционно-правовой процедурой самозащиты демократии. В практике Конституционного Суда России сформулирована устойчивая правовая позиция, согласно которой в целях противодействия экстремизму, коррупции, безнравственности и популизму федеральным законом может быть ограничено пассивное избирательное право, если ограничения по своему существу и объему не отрицают высшую ценность прав и свобод человека (см.: [18]).

Для сохранения конституционной ценности избирательное право нуждается в правовых средствах и институтах, способных преодолевать недостатки, отвечать на актуальные вызовы, обусловленные

общественным развитием. Следовательно, нет оснований сомневаться, что правовые ограничения пассивного избирательного права являются самозащитой демократии.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации не имеют права быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Это ограничение следует признать конституционной ответственностью, которая юридически дополняет уголовное наказание. Не имеют права быть избранными также граждане, признанные судом недееспособными (часть 3 статьи 32 Конституции РФ).

Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» были введены дополнительные законодательные ограничения пассивного избирательного права, в соответствии с которыми при наличии правовых оснований граждане не имеют права быть избранными (статья 4). Это означает, что не имеют права быть избранными граждане, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления; осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления; подвергнутые административному наказанию за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или массовое распространение экстремистских материалов. Не имеют права быть избранными граждане, в отношении которых вступившим в законную силу решением суда установлено, что во время выборов они призывали к совершению экстремистских деяний, оправдывали или обосновывали экстремизм, социальную, расовую, национальную или религиозную рознь.

Действующее федеральное законодательство ограничивает право для замещения должностей на государственной службе в связи с судимостью, и в общей сложности ограничения связаны с несколькими десятками видов деятельности. В постановлении Конституционного Суда России от 10 октября 2013 г. № 20-П подчеркивается конституционность запрета на занятие должностей в сфере государственной деятельности в связи с имеющейся или имевшейся судимостью в отношении судей, работников прокуратуры, полиции, Следственного комитета.

В этом же постановлении указывается, что запрет действует и для лиц, осуществляющих трудовую деятельность в сфере воспитания, развития несовершеннолетних, организации отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, если такие лица имеют судимость за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности личности. Введение данного запрета, обусловленное спецификой указанной деятельности, как подчеркивает Конституционный Суд Российской Федерации, не отменяет права на занятие трудовой деятельности в иных сферах. В свою очередь, ограничение пассивного избирательного права в связи с судимостью, как подчеркивает Конституция Российской Федерации, должно осуществляться с учетом необходимости защиты вытекающего из Конституции публичного интереса.

Многие ограничения пассивного избирательного права были введены в результате реформы 2005–2006 гг. и в дальнейшем были существенно расширены. Вышеуказанный перечень оснований ограничения права быть избранным актуализирует угрозу проникновения в органы публичной власти лиц, имеющих судимость. Проблема допустимости граждан, имеющих судимость, принимать участие на выборах в качестве кандидата на выборные должности в последние несколько лет приобрела еще большую актуальность. Этот вывод подтверждается данными электоральной статистики об участии лиц с криминальным прошлым в избирательных кампаниях различного уровня. В единый день голосования 8 сентября 2013 г. и на основании решений судов различных инстанций 399 человек утратили статус кандидата в ходе избирательной кампании в связи с судимостью за совершение тяжких (особо тяжких) преступлений. Из 54 политических партий, принимавших участие в выборах, 33 партии выдвинули 247 кандидатов, которые попадали под ограничения, установленные законом. Самовыдвиженцев с криминальным прошлым было 152 человека. Избирательные комиссии постоянно выражают обеспокоенность в связи с возрастающим количеством кандидатов, имеющих судимость. Эти опасения весьма обоснованны и подтверждаются динамикой показателей. Так, если в 2009 г. было выдвинуто 132 кандидата с криминальным прошлым, то в 2011 г. – 194.

Для широкой общественности должен быть интересен факт ограничения пассивного избирательного права гражданина Т. на выбо-

рах главы Александровского района Томской области. Решением избирательной комиссии муниципального образования «Александровский район» гражданин Т. был зарегистрирован кандидатом на должность главы района. В результате проверки полученных из правоохранительных органов достоверных сведений о наличии непогашенной и неснятой судимости избирательная комиссия приняла решение об аннулировании данной регистрации. Основанием для аннулирования была признана утрата лицом пассивного избирательного права (п. 3 ст. 76 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Заявитель Т. обратился в суд с требованием об отмене решения комиссии, считая его незаконным. Во время публичного судебного разбирательства наличие у гражданина Т. непогашенной судимости за тяжкие преступления нашло свое полное подтверждение. Установив, что на момент принятия избирательной комиссией решения о регистрации Т. в качестве кандидата на должность главы Александровского района последний в связи с имеющейся непогашенной судимостью за тяжкие преступления утратил пассивное избирательное право ко дню голосования, суд признал решение об аннулировании регистрации кандидата Т. законным и обоснованным.

Судебное решение дает основание говорить о наличии в действиях гражданина Т. признаков злоупотребления избирательными правами на стадии выдвижения в качестве кандидата. В настоящее время федеральному законодателю необходимо сформулировать единые принципы и подходы к определению методов правового противодействия злоупотреблению избирательными правами (см.: [19. С. 183–184]).

Правовые ограничения, закрепленные в федеральном законе об основных гарантиях избирательных прав, являются индивидуальными и применяются во множестве случаев. В свою очередь, процессуальными формами ограничения права быть избранными в органы публичной власти выступают отмена судом решения о регистрации, решение избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата или исключении его из списка кандидатов, аннулирование избирательной комиссией ранее принятого решения о регистрации и отмена вышестоящей избирательной комиссией решения о регистрации кандидата.

Таким образом, можно заключить, что демократия и избирательное право остро нуждаются в правовых средствах защиты. Спорными и дискуссионными остаются пределы и содержание такой защиты, которые должны решаться в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Литература

1. *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Проспект, 2013.
2. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // *Собрание законодательства РФ*. 28.10.2013. № 43.
3. *Ким А.И.* Советское избирательное право. М.: Юрид. лит., 1965.
4. *Ковалевский М.М.* Общий ход развития политической мысли во II половине XIX века. СПб., 1905.
5. *Пицфферун О.* Европейские избирательные системы. СПб., 1905.
6. *Припель Г.* Избирательное право и избирательная обязанность. Одесса: Трибуна, 1906.
7. *Джагарян А.А.* Основания и пределы воинствующей демократии в свете ограничения избираемости лиц с криминальным прошлым // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2013. № 6 (97).
8. *Кент Р.* Антитерроризм и воинствующая демократия // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2004. № 2 (47).
9. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. Третий путь. М.: Юристь, 1994.
10. *Шайо А.* Самоограничение власти. М.: Юристь, 2001.
11. *Мюллер Я.В.* Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2014.
12. *Пиццова С.Н.* Можно ли управлять демократией // *Полис*. 2014. № 1.
13. *Поляков Л.В.* Закат плебисцитарной демократии? // *Полис*. 2014. №2.
14. *Лукин А.В.* Возможна ли другая демократия? // *Полис*. 2014. № 1.
15. *Глигич-Золотарева М.В.* Метаморфозы демократии и тупики целеположения // *Федерализм*. 2014. № 1.
16. *Эбзеев Б.С.* Введение в Конституцию России. М.: Норма, 2013.
17. *Электоральные процессы в Алтайской крае (1993–2008 гг.)*. Барнаул: Азбука, 2012.
18. *Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (2008–2012)*. Т. 3. М., 2013.
19. *Макарецев А.В.* Избирательный режим в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2013.

С.В. Кущенко

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ

В статье анализируются такие проблемы парламентаризма в России, как отсутствие явно выраженной стратегической цели развития России; отсутствие системы гарантированной защиты страны от угроз для национальной безопасности; тенденция падения доверия избирателей к парламенту. Рассматривается история парламентаризма в России, подчеркиваются особенности российского парламентаризма.

Ключевые слова: парламентаризм, исторический опыт России.

Парламентаризм в современной России находится в состоянии поиска наиболее эффективных форм осуществления властных полномочий. Это можно объяснить, в частности, тем, что в России еще не в полной мере закончился переход от старой формы правления – советской – к новой форме правления – президентской. Этот переходный период хотя и требует довольно длительного времени в силу больших масштабов России, тем не менее очевидно затянулся, так как продолжается уже более двадцати лет. Незавершенность данного переходного периода неизбежно порождает множество проблем, влияющих на стабильность российской государственности, в том числе на развитие парламентаризма в России. История России богата подобными переходами, часто называемыми Смутным временем. Можно отметить в связи с этим, что все Смуты в России продолжались примерно 20–25 лет. Если эта закономерность сохранилась, то можно предположить, что окончание нынешней Смуты в России возможно уже в ближайшие годы. Однако пока в российской государственности, в том числе в российском парламентаризме, остается множество нерешенных в полной мере проблем.

К таким проблемам относятся следующие: 1) отсутствие явно выраженной и строго обоснованной стратегической цели развития России; 2) отсутствие стабильной системы гарантированной защиты страны от многочисленных и многоуровневых угроз для национальной безопасности; 3) тенденция падения доверия избирателей к парламенту. Перечень проблем современного российского парламентаризма можно продолжить, однако и перечисленных достаточно, на наш взгляд, для того, чтобы подчеркнуть необходимость их научного политологического анализа.

Не претендуя на бесспорность, можно сказать, что первая проблема – отсутствие явно выраженной стратегической цели развития России – является наиболее важной, включает в себя в той или иной мере все остальные проблемы российского парламентаризма. Как известно, названная проблема целеполагания возникла сразу после крушения советской системы власти. Эту проблему выражали многие и в различной форме – от научных трудов до уровня обыденного сознания. На уровне обыденного сознания эту проблему выразил один из избирателей, сумевший задать через газету вопрос Президенту РФ Б.Н. Ельцину: «Какова конечная цель проводимых Вами реформ?» На этот вопрос публично ответил Председатель Правительства РФ В.С. Черномырдин: «Ни капитализм, ни социализм мы строить не будем, но реформы будем продолжать». Очевидно, что такой ответ лишь обостряет проблему стратегического целеполагания и ни в коей мере не способствует её решению. Более того, курс на проведение «реформ ради реформ» неизбежно приводит к обострению конфликтных ситуаций, всегда возникающих в переходные периоды развития государственности, что мы и видим в современной России.

Необходимо отметить, что попытки решения этой фундаментальной политической проблемы предпринимались и предпринимаются на различных уровнях власти в РФ. В частности, в 2005 г. Президент РФ В.В. Путин в ставшей знаменитой «Мюнхенской» речи сформулировал цель развития России как самостоятельной мировой державы. В сентябре 2013 г. Президент РФ В.В. Путин в «Валдайская» речи, тоже ставшей знаменитой, конкретизировал цель развития России, получившей название «Валдайская доктрина В.В. Путина». Основное содержание этой доктрины, как известно, сводится к следующему. 1. Движение России вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе Россия не сможет противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможет добиться успеха в условиях глобальной конкуренции. 2. Россия должна быть сильной в военном, технологическом, экономическом отношении. 3. Главное, что будет определять успех России, – это качество людей, интеллектуальное, духовное, моральное качество общества. 4. Смысл обретения и укрепления национальной идентичности заключается в том, насколько граждане России чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в своей истории, в

ценностях и традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность.

Применительно к развитию парламентаризма в России необходимо выделить следующую задачу, поставленную В.В. Путиным в Валдайской доктрине: необходимы историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием того, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а живой организм. Как подчеркнул В.В. Путин, решение этих задач носит для России фундаментальный характер [1]. Эта фундаментальная проблема со всей очевидностью требует скорейшего решения, однако поиск этого решения пока не завершен.

Поиск решения названных проблем российского парламентаризма идет и на других уровнях власти, в частности в Государственной Думе. Автор данной статьи проанализировал ситуацию, связанную с выработкой доктрины национальной безопасности России, и пришел к следующим выводам.

Сразу же после принятия Конституции РФ 12 декабря 1993 г. и создания новой структуры государственной власти комитет по безопасности Госдумы РФ начал подготовку проекта закона «О доктрине национальной безопасности России». 12 октября 1995 г. Совет Госдумы РФ рассмотрел этот подготовленный проект и принял решение внести его на рассмотрение Госдумы 18 октября 1995 г. (протокол № 170). Однако указанное постановление Совета Госдумы не было выполнено. Вместо закона, принятие которого обязательно предполагает его широкое обсуждение как населением, так и парламентом, в РФ появились три варианта концепции национальной безопасности, утвержденные указами трех президентов – Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, Д.А. Медведева. По нашему мнению, отсутствие процедуры обсуждения данной концепции негативно отразилось на её содержании. В частности, можно отметить явно выраженную декларативность этих трех документов. В них в основном декларируются принципы защиты государственных (т.е. национальных, что одно и то же) интересов, однако не обозначено самое главное – политико-правовой механизм обеспечения национальной безопасности РФ. Это приводит к тому, что указанная проблема не решается в полной мере [2. С. 325, 326].

Отмеченная нерешенность первых двух названных проблем с неизбежностью приводит к тому, что все более явно проявляется

тенденция падения доверия избирателей к российскому парламенту. Для дальнейшей судьбы российского парламентаризма эта тенденция имеет важнейшее значение. Без преодоления этой негативной тенденции будет невозможно эффективное функционирование российского парламента.

Вариант решения этой проблемы можно найти в истории российской государственности. Как известно, парламентаризм в России имеет уникальную особенность: с одной стороны, элементы парламентаризма в России возникли в древнейшие времена в органическом сочетании с монархической традицией (вече и князь); с другой стороны, парламентаризм западного типа возник лишь в начале XX в., но не получил развития. Сейчас, спустя 100 лет, предпринимается вторая попытка создать в России парламент западного типа. Процесс этот идет сложно. Восприятие роли парламента в общественном сознании России остается особым, отличным от его восприятия в общественном сознании Запада. Это отличие невольно выразил бывший Председатель Госдумы РФ Б.В. Грызлов в своем ставшем знаменитом высказывании: «Парламент – не место для дискуссий». Это высказывание можно считать рубежным, символизирующим восприятие парламента в общественном сознании России. Не претендуя на бесспорность, можно высказать дискуссионный тезис: парламент в России – не место для дискуссий, а место для органического, эффективного взаимодействия многовековых республиканской и монархической традиций. Под республиканской традицией имеются в виду её различные формы, существовавшие в России: Земские соборы, дворянские собрания, земские собрания, Советы. Под монархической традицией имеется в виду власть великого князя, царя, императора, генерального секретаря ЦК КПСС, президента. Это во многом парадоксальное, не всегда рационально объяснимое единство монархической и республиканской традиций можно считать одной из главных, во многом уникальной особенностью российского парламентаризма, которую необходимо учитывать в процессе укрепления российской государственности. По нашему мнению, одной из наиболее эффективных форм российского парламентаризма была советская форма, основанная на принципе демократического централизма. Сейчас в России проявляется объективно обусловленное движение политологической мысли к реставрации в новых условиях, к новому осмыслению этого принципа в различных

формах, иногда экзотических (в частности, в форме социал-монархизма и тому подобного).

В качестве общего вывода можно сказать следующее. Перспективы парламентаризма в России непосредственно зависят от глубокого, объективного анализа исторического опыта России в области парламентаризма. Парламентаризм в России будет эффективен только с российской спецификой. Анализ этой специфики – актуальная задача для научных исследований.

Литература

1. *Российская газета*. 2013. 19 сент.
2. *Куценко С.В.* Информационные проблемы безопасности и независимости России // Геополитика, международные отношения, государственная безопасность: Фундаментальные и прикладные исследования: сб. ст. 5-й Междунар. науч.-практ. конф. «Фундаментальные и прикладные проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений». СПб., 2011.

В.И. Постол

О КОНСТРУИРОВАНИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

В статье анализируется концептуальная проблематика парламентаризма. Показана роль дискурса в конструировании репрезентативной демократии. Основной акцент сделан на проблеме реализации принципа разделения властей. Показаны барьеры, предотвращающие появление тирании.

Ключевые слова: *структура концепта, репрезентативная демократия, американский парламентаризм.*

Научная полемика о месте и роли парламента в системе разделения властей, развернувшаяся в связи с 20-летием Конституции РФ, направлена на поиск оптимальной модели российского парламентаризма. В связи с этим особое значение имеет изучение содержания концепта «парламентаризм». Ю.С. Степанов определяет концепт как «слоистое» образование, имеющее три компонента: «(1) основной, актуальный признак; (2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»; (3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме» [1. С. 46]. Далее мы обратимся к выявлению исходной, или «внутренней», формы как основы для всех остальных значений концепта.

Следует сказать, что в свое время Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона отказал Соединенным Штатам в парламентаризме [2]. Недооценка политической теории отцов-основателей американской конституции вполне объяснима: «Современные историки, изучавшие руководящие идеи при формировании нашей системы правления, – пишет М. Даймонд, – сходились на том, что Конституция США воплощала собой реакцию против демократических принципов Декларации независимости. С этим взглядом в основном соглашались политологи, что имело важные последствия при изучении американского политического развития» [3. С. 589].

Недооцененной остается и роль дискурсивных практик в деле зарождения демократии. В перечне условий, благоприятствующих демократии, можно встретить и уровень социально-экономического развития, и набор культурных норм, и соотношение политических сил, а вот дискурсивная демократия долгое время оставалась на периферии демократического транзита. Между тем, хотя и «в истории,

и в жизни человека большую роль играют реальные обстоятельства, то, что именуется судьбой (*fortuna*)... они лишь частично властны над человеком, воздействуя на ход и исход событий. Человек может и должен бороться с окружающими его обстоятельствами, с судьбой, противопоставляя ей энергию, умение, талант...» (цит. по: [4. С. 71–72]). Именно так и поступили отцы-основатели США: «Предводители юной страны смело провозгласили дотоле неслыханные принципы устройства дел человеческих, бросая вызов Старому Свету» [5. С. 5].

Познакомим читателя с той политической ситуацией, которая сложилась в Америке во второй половине 80-х гг. XVIII в. Первая конституция США, разработанная Континентальным конгрессом в 1776–1777 гг., была создана в интересах войны и не выдержала испытания миром – начался парад суверенитетов. «Патриоты по инерции твердили, что «дух 76-го года» вызвал к жизни великую нацию; они с большими основаниями могли бы заявить: тот самый дух породил целый выводок – тринадцать крошечных враждующих наций, готовых вцепиться друг другу в глотки» [5. С. 18]. Ньюйоркцы, к примеру, называли жителей штата Массачусетс «готами и вандалами», а южане ненавидели уроженцев Новой Англии, считая их «торговцами и религиозными ханжами». В условиях катастрофического положения страны в мае 1787 г. был созван конституционный конвент для пересмотра Статей конфедерации. Участники конвента сошлись в том, что Статьи конфедерации исправить нельзя, и в острых спорах сочинили новую конституцию. В дальнейшем предстояла ее ратификация штатами конфедерации (конституция вступала в силу после ее ратификации не менее чем девятью штатами).

Однако противники конституции обвиняли ее создателей и в покушении на основу Американской революции – Декларацию независимости. Гамильтон, Мэдисон и Джей решили объяснить жителям своего штата Нью-Йорк преимущества новой конституции. Укрывшись под псевдонимом Публий, за полгода они написали 85 статей для газет своего штата. Статьи этих трех авторов в совокупности и составили «Федералист». Поскольку в предлагаемой конституции был принят принцип федерализма, ее авторы называли себя федералистами, а их оппоненты получили название «антифедералисты».

Открывая серию политических дебатов, А. Гамильтон заявляет: «...народу нашей страны суждено своим поведением и примером решить важнейший вопрос: способны ли сообщества людей в ре-

зультате раздумий и по собственному выбору действительно учреждать хорошее правление или они навсегда обречены волей случая или насилия получать свои политические конституции?» [6. С. 29]. Узловой точкой, организующей национальный политический дискурс, стал термин «республиканизм». Речь шла о двух концепциях республиканизма: «Одна концепция (условно ее можно назвать «флорентийской») заключалась в том, что само устройство республики должно быть таково, чтобы позволить доблести и другим республиканским добродетелям в полной мере служить политическому сообществу. Другая (условно — «венетская») состояла в том, что республиканские институты должны нейтрализовать человеческие пороки и сделать действия людей необходимо полезными для политического сообщества» [7].

Флорентийская концепция оставила ее приверженцев на позициях классического республиканизма. «Антифедералисты» были вынуждены с величайшим прилежанием цитировать и распространять суждения Монтескье. Так, в третьем письме, опубликованном в «Нью-Йорк джорнэл» под псевдонимом Катон, читаем: «Для республики естественно иметь небольшую территорию, в противном случае она долго не просуществует. В большой республике есть люди, обладающие крупными состояниями и, следовательно, определенной умеренностью, существуют слишком большие средства, чтобы вверить их в одни руки, честолюбец скоро осознает, что может быть счастлив, велик и славен, угнетая своих сограждан, и может подняться к величию на руинах своей страны. В больших республиках общественное благо приносится в жертву тысяче мнений, в небольшой — интересы народа легче усматриваются, понимаются и становятся достоянием каждого гражданина, злоупотребления невелики и, конечно, более уязвимы» [3. С. 572–573].

Федералисты поступили иначе. Они противопоставили демократию республике, что имело свои преимущества. Редуцирование политической проблематики до «судьбоносного выбора» между правильным и неправильным завершилось победой федералистов. Так, «Федералист» № 14 приводит следующий аргумент: «...при демократии народ собирается купно и осуществляет правление лично, тогда как в республике съезжаются и управляют страной его представители и уполномоченные на то лица. Демократическое правление, стало быть, ограничено небольшим клочком. Республиканское может простирается на значительную территорию» [6. С. 104].

Утверждение о том, что республиканское правление может функционировать на обширной территории, по праву можно назвать теоретическим озарением Мэдисона, ибо оно противоречило тогда основам политической науки. После избрания президентом Т. Джефферсон писал британскому философу Дж. Пристли: «Больше нельзя утверждать, что нет ничего нового под солнцем. Случившееся – новая глава в истории человечества. Новое – громадные размеры нашей республики... Это дает новейшее подтверждение ложности доктрины Монтескье о том, что республика может существовать только на небольшой территории. Правильно противоположное. Если территория нашей страны составляла бы только треть от нынешней, мы бы пропали. Ведь дело в том, что, если безумие и заблуждения как эпидемия охватывает те или иные районы, в оставшихся царит здравый смысл, они не затронуты и продержатся такими, пока их соотечественники не отправятся от временных нереальных представлений» [3. С. 587].

Однако политическая инерция еще долго заставляла федералистов упрямо противопоставлять республику демократии. Вот что писал, к примеру, известный американский лексикограф и политик Н. Уэбстер: «Под демократией понимается правление, при котором законодательная власть осуществляется непосредственно всеми гражданами, как в прежние времена в Афинах и Риме. В нашей стране эта власть находится в руках не народа, а его представителей. Власть народа, по существу, ограничена непосредственным использованием права голоса. Отсюда ясное различие между формой правления у нас и в древних демократиях. Наша форма правления получила название республики или, скорее, представительной республики». Но уже в 1819 г., размышляя о формуле Мэдисона, Дж. Адамс (второй президент США) пришел к выводу: «Различение республики и демократии мистером Мэдисоном не может быть оправдано. Демократия на деле и есть республика, как дуб является деревом, а храм – зданием» [7].

Далеко не всегда тот или иной процесс происходит осознанно. Случается, что люди разговаривают и договариваются об одном, а на самом деле получается, что они договорились о другом [8. С. 194]. Нечто подобное, на наш взгляд, произошло и в американской истории. Национальный политический дискурс, «узловой точкой» которого был «республиканизм», стал тем переломным моментом, который обусловил формирование парламентской репрезентативной де-

мократии. По оценке исследователей, «парламентаризм неправомерно рассматривать исключительно как определенную форму правления и (или) как определенный государственный режим. Содержание этого понятия включает в себя и некий чрезвычайно значимый идеолого-мировоззренческий аспект, систему представлений и убеждений, аксиологических установок, ценностных ориентаций относительно должной организации и должного функционирования государственного механизма», поэтому мы вправе говорить «и об американском, и о французском, и об английском, и о российском парламентаризме» [9].

Когда мы пытаемся понять природу политической системы, необходимо выявить ту социальную или политическую проблему, на решение которой она была нацелена изначально: «первичный импульс... в очень большой мере определяет – и будет определять – особенности функционирования, характер реакций и, условно говоря, «политическую психологию» рассматриваемой системы» [10]. Американская политическая система изначально устанавливалась как способ, позволяющий использовать «честолюбие против честолюбия», в силу чего она оказалась наилучшим образом приспособленной к компромиссу. Так, Мэдисон и Гамильтон рассматривали различные ветви власти как дороги для продвижения мощных амбиций. Система сдержек и противовесов гарантировала, что эти амбиции будут гасить друг друга и предотвратят возникновение тирании: «Американский политик может нести в душе честолюбие Цезаря или Наполеона, но система позволит ему не больше, чем позволяла какому-нибудь Джимми Картеру или Рональду Рейгану – со всех сторон стиснутым мощными институционными ограничениями и политическими силами, которые заставляют президента реализовывать свои амбиции в качестве «слуги» народа, а не его хозяина» [11].

Как свидетельствует история, именно «компромисс и репрезентативная демократия являются единственными средствами, дающими возможность избежать сползания к перманентной гражданской войне» [10]. Однако это не мешает проводникам американской политики навязывать «авторитарно-персональные» режимы на постсоветском пространстве. Судя по всему (гипотеза Э. де Сото), ведущие специалисты в развитых странах сами не знают, как их страны решали проблемы прошлого, потому что эти проблемы решались давно, и не этими поколениями [12. С. 123].

Литература

1. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42–67.
2. *Энциклопедический словарь* Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/77385 / Парламентаризм (дата обращения: 08.05.2014).
3. Комментарии // Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / пер. с англ. - М., 1993. С. 568–591.
4. *Рутенбург В.И.* Макьявелли и его время // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 70–72.
5. *Яковлев Н.Н.* Послание в будущее // Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / пер. с англ. М., 1993. С. 5–27.
6. *Федералист*: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / пер. с англ. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1993. 568 с.
7. *Ильин М.В.* Приключения демократии в Старом и Новом Свете. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/695/460/1217/007_Ilin.pdf (дата обращения: 07.05.2014).
8. *Беттел Т.* Собственность и процветание / пер. с англ. Б. Пискера. М., 2008. 480 с.
9. *Понимание* парламентаризма и перспективы его развития в России. URL: <http://legalinfo.pw/ponimanie-parlamentarizma-i-perspektivy-ego-razvitiya-v-rossii> (дата обращения: 11.05.2014).
10. *Фукуяма Ф.* Конец истории и Последний человек. URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/fukuama/> (дата обращения: 28.09.2013).
11. *Анкерсмит Ф.* Репрезентативная демократия: Эстетический подход к конфликту и компромиссу. URL: <http://all-politologija.ru/knigi/politologiya-uchebnoe-posobie/representativnaya-demokratiya> (дата обращения: 11.04.2013).
12. *Аузан А.А.* Три публичные лекции о гражданском обществе. М.: ОПИ, 2006. 288 с.

Ю.А. Пустовойт

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ ЛОКАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ¹

В статье рассматриваются роль и функции представительных органов власти как элемента локального политического режима, т.е. совокупности акторов, имеющих доступ к институционализированным ресурсам, связанных неформальными связями и реализующих общую «повестку дня». На примере исторического анализа формирования и деятельности Совета народных депутатов крупного индустриального центра показывается процесс потери законодательными структурами субъектности и статуса и ослабления местной автономии и демократии.

Ключевые слова: локальный политический режим, коалиция власти.

4 июня 2013 г. депутаты городского собрания одного из крупных промышленных городов России единогласно проголосовали за отставку главы города. Пикантность ситуации заключалась в том, что чуть ранее (28 мая) эти же самые депутаты, заслушав доклад главы, поставили ему традиционную оценку «удовлетворительно» и ритуально благодарили за проделанную работу. Несколькими годами ранее, 6 апреля 2011 г., депутатский корпус города заочно принял отставку одного из самых популярных в истории города мэров. Во всех случаях серьезных кадровых решений инициатива исходила отнюдь не от местных законодателей.

Как и в силу каких обстоятельств произошла потеря автономии и субъектности, какую роль сыграли в этих процессах региональные и федеральные структуры и как, предположительно, далее будут развиваться местные представительные органы власти – эти вопросы находятся в центре нашего внимания и задают познавательные рамки нашего исследования.

Теоретической базой нашего исследования служат концептуальный анализ власти (С. Льюкс) и результаты изучения городских политических режимов – коалиций политических акторов, имеющих доступ к институционализированным ресурсам и осуществляющих управление локальным сообществом на основе совместно выработанных приоритетов и норм (Кл. Стоун, Дж. Гэвента) [1. С. 150–177].

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-13-42001.

В российских исследованиях при описании властных групп и при акценте на приоритет неформальных взаимодействий чаще, чем коалиция, встречается понятие команды или неформальных сетей. Считаю, что на этом этапе исследования данные понятия можно использовать как синонимы, так как в коалициях власти, в командах и социальных сетях взаимодействие основано, прежде всего, на лояльности и доверии.

Какую роль в этих командах играют лица, входящие в представительные органы власти? В основе нашего исследования лежат данные, полученные путем свободных интервью, биографические сведения (в той или иной степени мы стремились проследить судьбы всех, кто каким-либо образом проявлял политическую активность), анализ публикаций, городская и отраслевая статистика.

Представительные органы власти, с одной стороны, являются элементом официального институционального дизайна и действуют на основании 4-уровневого законодательства, с другой – отражают расстановку сил различных групп интересов, борющихся за ресурсы территории. Результатом их деятельности, с одной стороны, выступает некоторая совокупность социальных и экономических эффектов, обычно обозначаемых понятием «общее благо», с другой – редистрибуция или перераспределение материальных и символических благ от одних групп к другим.

В ходе нашего исследования формирования и деятельности представительных органов власти как элемента локального политического режима мы выделили несколько периодов. В целом при выделении периодов мы руководствовались подходом, предложенным В. Гельманом [2. С. 45], где обозначено несколько «критических моментов» в сфере местного самоуправления. Каждый период, ограниченный «критическими моментами», задает определенные рамки деятельности акторов, расширяя или сужая их возможности.

1990–1993 гг. – «советский и ранний постсоветский» период.

1993–1997 гг. – «латентный» период.

1997–2010 гг. – период «формирования, расцвета и разрушения коалиции».

2010 г. до настоящего времени – период «назначений и вертикального управления».

С 1990 по 1993 г. огромные представительные органы власти (200 депутатов) выступают ареной борьбы между сторонниками коммунистической и антикоммунистической идеологии. С 1991 г.

кроме политических вопросов в фокусе внимания приватизация и разработка общих регламентов. С этого же времени полномочия представительной власти начинают сужаться в пользу администрации, проводившей радикальные экономические реформы. Конфликт между президентом и Советами в 1993 г. приводит к роспуску Советов.

В следующий период центр принятия решений перемещается в администрацию. В это время проходит уже масштабная приватизация крупных предприятий. Претензии нескольких групп на перспективную собственность приводят к формированию протокоалиций, одним из элементов которых выступают политико-административные сети. Люди, имеющие выход на федеральные и региональные административные структуры, способные влиять на механизмы перераспределения собственности, обеспечить силовую поддержку, к концу 1996 г. заявляют себя как самостоятельные политики, претендующие на место главы города.

Период с марта 1997 г. по апрель 2010 г. связан с деятельностью команды, объединённой вокруг мэра города. В это время сформированная и эффективная коалиция проходит все этапы от становления до разрушения. На первом этапе – победа в жёсткой конкурентной борьбе, на последнем – заочная отставка с последующими уголовными делами и судами. Представительные органы власти в этот период также претерпели не только структурные, но и качественные изменения. Если на выборах 1997 г. мы видим серьёзную электоральную конкуренцию между людьми, способными формулировать и отстаивать свои интересы, то последние выборы 2011 г. представляют собой некоторые очень ограниченные выступления в медиапространстве людей, идентифицирующих себя с какими-либо партиями или региональным лидером. Последняя конкурентная борьба развернулась на выборах 2001 г. между конфликтующими между собой кандидатами от уже сложившейся вокруг главы города коалиции и группы, ориентированной на депутата Государственной Думы и региональные власти.

Если лидеры режима на первых этапах персонально определялись с победителями на выборах, зачисляя их либо в свой «кадровый резерв», либо используя представительные структуры для усиления легитимности собственных, как правило, непопулярных решений, то далее представительные органы власти стали выполнять публично строго декларативные функции.

Общий вывод исследования о месте и роли представительной власти в локальном сообществе можно сформулировать следующим образом: добиваясь контроля над представительными органами власти, команда (ядро властной коалиции) утратила способность координации, что значительно ослабило ее легитимность и привело к ее разрушению. Если коротко, стремление доминировать, сосредоточение локального актора на практиках, представляющих «власть над», постепенно вытеснили из повестки дня приоритеты управления, осуществляющиеся с помощью «власти для».

Выделим некоторые гипотетические факторы потери автономии и субъектности:

- изменение федерального законодательства, сужающего возможности местного самоуправления и уменьшающего его самостоятельность в сборе и распределении налогов;
- изменение законодательства, определяющего порядок формирования местных органов власти и, в частности, обеспечивающих «контаминационный» (усиление недостатков) эффект при смешанной системе выборов [3. С. 124];
- смена эшелонов элит от политиков, имеющих опыт работы в номенклатурной системе, к элите производственных менеджеров [4].

В той или иной мере, по нашим наблюдениям, такая ситуация характерна практически для всех российских городов. Тем не менее в нашем случае есть элементы, которые позволяют рассматривать его в качестве критического, т.е. в нем отражен комплекс специфических обстоятельств, выделение которых способствует лучшему пониманию условий потери автономии и субъектности.

Основу власти в локальном сообществе составляет контроль доступа к территориальным, правовым и рыночным полям как экономических субъектов, так и населения. Эта система сложилась в середине 1990-х гг. практически первой в Федерации и имеет своим итогом господство в результате сочетания интересов административных и экономических субъектов. Юридическую основу доминирования составляют соглашения о социально-экономическом сотрудничестве [5. С. 231–272].

Увеличение вклада в экономику региона сырьевых и добывающих предприятий, доходы, получаемые ими, с одной стороны, позволяют иметь приличный по объему бюджет, с другой – уменьшают необходимость в создании и развитии более сложных в технологическом плане производств.

Совпадение по властной стилистике управления в локальном обществе и регионе, несмотря на смену приоритетов, по сути, ничего не изменило с уходом лидера коалиции в повседневной работе управленческого аппарата.

В настоящий момент локальный политический режим встроен в существующую вертикаль власти и на микроуровне вполне соответствует доминирующим политическим тенденциям (персонализм, авторитарный электоризм, демонстрация лояльности в обмен на административную ренту). Увеличение автономности и субъектности может произойти скорее от импульсов, идущих от федерального центра, основанных на изменении правил игры, сопоставимых с перестройкой.

Литература

1. *Ледяев В.Г.* Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.
2. *Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н.* Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008. 368 с.
3. *Голосов Г.В.* Демократия в России: инструкция по сборке. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 208 с.
4. *Сельцер Д.Г.* Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006.
5. *Олейник А.* Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.

О.А. Мамаева

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Перспективы развития современного российского парламентаризма представляют собой сложную проблему, так как существует вариативность его развития, и зависят от ряда факторов. С ростом либеральных ценностей, желанием граждан быть «включёнными» в политический процесс происходит рост требований к власти. Граждане становятся политически грамотными. Аспект развития парламентаризма можно напрямую связать с демократией и диалоговым процессом между властью и гражданами. Развитие парламентаризма должно быть связано с интернет-ресурсами. Представительная власть должна быть доступной и подразумевать диалоговый процесс.

Ключевые слова: *парламентаризм, демократия, коммуникация, стабильность.*

Дальнейшее развитие парламентаризма справедливо связать с категорией стабильности. С. Хантингтон полагал, что именно стабильность можно рассматривать как ключевую характеристику в демократической системе. Демократия задает и предопределяет вектор развития парламентаризма. Говоря о российской практике, можно отметить, что путь к политической стабильности в рамках демократического государства возможен через укрепление института народовластия. Б.Н. Чичерин отмечал, что «парламентское правление служит признаком политической стабильности» [1. С. 175].

В современных условиях требование к власти со стороны граждан растет, а значит, существует необходимость переосмысления взаимодействия между властью и обществом с учетом как имеющегося опыта, так и новых информационных технологий, которые помогают власти быть доступнее. «Функционирование властных структур напрямую зависит от реализации нововведений» [2. С. 575]. Справедливо говорить, что появились новые технологии в коммуникации, активно рассматривается проект по созданию электронного парламента, который предложила В.И. Матвиенко, а С.Е. Нарышкин неоднократно заявлял о том, что развитие законодательства и демократии связано с интернет-ресурсами и социальными сетями, которые предполагают виртуальный способ общения.

Благодаря интернет-ресурсам сокращается политическое пространство и возрастает доступность передачи информации между властью и гражданами. Особое значение это имеет для парламента, для которого необходима солидарность с гражданами. С.Е. Нарыш-

кин заявил: «Наверное, не очень правильно, если до органов власти проще достучаться через Twitter, чем обычным путем. Но сразу скажу, я склонен видеть в информационных и социальных сетях не угрозу, а новые возможности, в том числе для законодателей. Коммуникация через Интернет объективно расширяет базу для общественной экспертизы законопроектов и форматы онлайн-информирования граждан о жизни парламента» [3].

Важно учитывать стремление общества к большей свободе. Как отметил В.В. Путин: «Сегодня наше общество совсем другое, чем в начале 2000-х гг. Многие люди становятся более обеспеченными, более образованными и более требовательными» [4]. Таким образом, у парламента появился шанс привлечь внимание граждан к своей деятельности, в долгосрочной перспективе это приведет к конструктивному диалогу. Уже существуют основы как для развития законодательных инициатив, так и для участия граждан в законотворческом процессе.

Исследователь парламентаризма В.Н. Колесников полагает, что парламентская деятельность способствует стабилизации обстановки в государстве, где закреплены демократические условия. Гражданам важно не просто быть информированными о политической деятельности, но и самим являться полноправными участниками политического процесса. Эффективность парламентской деятельности обеспечивается «постоянной коммуникацией субъектов парламентских отношений между акторами политического процесса, в этом заложена направленность к стабилизации политических отношений путем реализации конструктивного диалога» [5]. В связи с этим нельзя недооценивать влияние парламентской культуры и взаимодействия на политическую стабилизацию как неинституционального фактора политики.

На фоне имеющихся проблем может создаться впечатление, что парламент «устал». Преодолеть такое состояние можно с помощью развития парламентаризма в процессе политической коммуникации, которая выражена парламентскими процедурами. Важным условием для успешной демократизации политической системы является наличие единства мнений по данному вопросу, а его обсуждение и утверждение возможно в рамках парламентских процедур, законодательного процесса.

В России возник режим, в котором практически нет политических сил, способных конкурировать с монополярной властью «Единой России», а монополия для демократии неприемлема. Предлага-

ются проекты и по совершенствованию Совета Федерации, например законодательство закрепить выборный характер данного органа наряду с Государственной Думой. Существует опасность того, что политический режим будет иметь характер президентской республики или быть демократией без парламента. Другими словами, путинский парламентаризм или президентская монархия, где существует значительный перекося полномочий в сторону президентской власти. В связи с этим должны присутствовать уравниательные полномочия, о чем говорят многие исследователи. Однако нельзя недооценивать роль парламента и возможность его скорой «реанимации» как самостоятельного органа власти.

Таким образом, объективно существует опасность того, что парламента будет восприниматься как «демократическая ширма». Развитие современного политического процесса указывает на то, что существующее сосредоточение власти в руках президента требует исправления сложившейся ситуации, к тому же на фоне возрастания либерально-демократических ценностей в обществе. Только парламента сможет решить оптимально политические задачи, исполнительная власть данной компетенцией не обладает. У граждан появилось много претензий и вопросов к власти, чтобы данные вопросы разрешить, необходимо вступить в конструктивный диалог с гражданами. Важно понимать, что демократия – это в первую очередь переговорный процесс, который должен быть направлен на поиск компромиссного решения. Б.Н. Мальцев отмечает: «Диалог важен для совершенствования политических отношений, в диалоге заключается суть в обеспечении возможностей для достижения общественного согласия» [6. С. 184–185]. Парламентаризм – это гарантия демократического пути развития, а также условие к тому, что стабилизация отношений между парламентаризмом и демократией не просто необходима, но и возможна. Парламентская демократия является хрупким организмом, который требует опеки как со стороны власти, так и со стороны самих граждан.

Опасность для дальнейшего развития парламентаризма связывается, во-первых, с сосредоточением весомых полномочий в руках президента; во-вторых, с неконструктивным и противоречивым взаимодействием парламентаризма и демократии; в-третьих, с неверным толкованием запросов на либерально-демократические ценности со стороны граждан. Развитие диалога между гражданами и властью является важным условием для дальнейшего развития стра-

ны. Можно предположить, что перспективы демократии будут зависеть от утверждения в обществе либерально-демократических ценностей. Парламент и демократия – это динамические системы, которые улавливают специфику политического режима. За 2009–2011 гг., как показывают данные Левада-Центра, уровень доверия к президенту снизился примерно на 16%, а доверие к институту представительства практически не меняется и остается на отметке 20%. Можно отметить, что за последние годы произошло укоренение в сознании граждан представления о парламенте, как институте власти, который осуществляет законотворческую и представительную функции, которые направлены на совершенствование и стабилизирование современной политической системы.

Распространение либеральных ценностей и укрепление демократии становятся важнейшей задачей, стоящей перед органами государственной власти. Парламент, несмотря на сосредоточение весомых полномочий в руках президента, что несомненно представляет проблему в развитии парламентаризма, в состоянии оказать существенное влияние на развитие политической обстановки в стране, так как именно на законодательном уровне можно добиться закрепления и гарантированного соблюдения прав и свобод граждан. Стабилизация политической обстановки будет в первую очередь зависеть от характера деятельности парламента как уникального государственного органа. Парламент имеет шанс заручиться поддержкой и доверием граждан, если сможет сократить имеющуюся дистанцию и вступить в диалог с гражданами, к чему с переменным успехом он стремится уже на протяжении двадцати лет.

Литература

1. *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М.: Би., 1899. 810 с.
2. *Представительная власть в России: История и современность* / под общ. ред. Л.К. Слиски. М.: РОССПЭН, 2004. 592 с.
3. *Нарышкин С.Е.* Соцсети способствуют развитию электронного парламента. [Электрон. ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2013/03/18/naryshkin-site-anons.html>
4. *Нарышкин С.Е.* Демократия и парламентаризм. Запрос на перемены – без политических кризисов [Электрон. ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/04/09/narishkin.html>
5. *Колесников В.Н.* Парламентская культура как моделирующая система политической стабильности [Электрон. ресурс] // Энциклопедия Ученые России. URL: <http://www.famous-scientists.ru/list/4952>
6. *Мальцев Б.А.* Парламентаризм как динамическое явление. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 188 с.

Н.В. Буковская

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ЭКСПЕРТИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Парламентаризм рассматривается в контексте проблемы рационализации принятия политических решений. Выделяются типы рационализации и эффективности парламентской деятельности с учетом коммуникативной рациональности. Показаны способы рационализации: демократизация экспертизы. Анализируется экспертная функция парламентариев.

Ключевые слова: коммуникативная рациональность, экспертиза политических решений, парламентаризм.

Рассмотрим проблемы парламентаризма в контексте трех взаимосвязанных вопросов: во-первых, каковы типы и способы рационализации парламентской деятельности и принятия решений; во-вторых, какую роль в рационализации играет экспертиза; в-третьих, как соотносится законодательная функция парламентариев с экспертной. Прежде всего, необходимо уточнить, что понимается под рационализацией. При этом будем опираться на демаркацию двух типов рационализации Хабермаса. Он решает задачу определения рационализации в рамках разделения коммуникации и системы целерационального действия, которые, в свою очередь, определяют и два типа рациональности: целерациональную и коммуникативную. В первом случае речь идет о рационализации на уровне субсистем целерационального действия с помощью научно-технического прогресса, во втором – о рационализации на уровне институциональных рамок, которая может осуществляться лишь в среде, в которой ликвидированы барьеры в коммуникации, а следовательно, возможна публичная, неограниченная и свободная от господства дискуссия [1. С. 110]. В результате рационализация может быть разделена по своей направленности: одна связана с «расширением технического распорядка», амбивалентным по своему нравственному содержанию, другая – с «расширением коммуникации, свободной от отношений господства и подчинения». Отсюда, реорганизация парламентской деятельности на основе научных технологий еще не есть истинная рационализация, так как может служить разным целям, например созданию «карманного» парламента. Является ли рационализацией только научно-техническая оснащенность работы парламента, внедрение новых технологий, в том числе информационно-

коммуникативных по типу электронного правительства? Это одна из сторон, так как совершенствование технологий принятия политических решений не обязательно связано с содержанием самих решений. Как показал опыт российских президентских выборов 2012 г., оборудование избирательных участков видеокамерами не решает полностью проблему злоупотреблений и недоверия.

Означает ли это приоритет какого-либо типа рационализации? И тот и другой необходим, они не исключают друг друга, а взаимодополняют, так же как и виды деятельности, которые их определяют. Однако именно коммуникативная рациональность ответственна за изменения, связанные с гуманизацией и демократизацией политики, с созданием условий для открытой дискуссии и экспертизы. Важно, чтобы технологический тип рационализации не становился тотальным, не замещал и не вытеснял публичные дискуссии. Рационализация коммуникативного действия на основе публичного дискурса направлена на отделение его от целерационального действия и устранение завуалированных искажений, негативных трансформаций, т.е. паталогических форм интеракций, основанных в той или иной степени на принуждении. Таким образом, эта рационализация связана с освобождением от господства и нуждается в политических шагах.

Дискуссия в концепции Хабермаса выступает, с одной стороны, как средство рационализации коммуникативной деятельности, формирования неискаженной интеракции, основанной на истинном, а не на ложном согласии, а с другой – как критерий рациональной коммуникации и эффективной публичной сферы. Рациональная дискуссия при этом должна обладать следующими признаками: быть публичной, неограниченной, свободной, аргументированной, нацеленной на согласие. Аргументированность дискуссии предполагает прежде всего опору на экспертное знание, как явное, так и неявное, которое, в свою очередь, может быть различных уровней и видов: научно-теоретическое (в своем дисциплинарном многообразии), специальное-технологическое, политико-идеологическое (не путать с политологическим), гражданское, обыденно-повседневное. Каждый уровень опирается на определенный опыт и дает свой ракурс видения проблемы. Такая трактовка не ограничивает круг акторов экспертократией, а также позволяет выйти за рамки юридикализации и бюрократизации политического дискурса. Экспертные и публичные дискуссии оказываются различными экспертными формами,

которые соотносятся с моделями ППР и экспертизы: технократической, экспертократической, партисипаторной.

Каким образом парламент аккумулирует различные уровни экспертных оценок, не только профессиональных и ангажированных, но и непрофессиональных, независимых? Хабермас критикует современную публичную сферу за то, что она ограничивается парламентскими дебатами, которые все более отчуждаются от представляемой ими общественности, от жизненного мира своих избирателей и превращаются в манипулятивное пространство. Отсюда реабилитация парламентаризма предполагает создание пространства, свободного от принуждения, т.е. сферы, не интегрированной административно-бюрократическим аппаратом, исполнительной властью, способной разворачивать как парламентские, так и общественные дискуссии, работать в режиме политического диалога. Парламент должен поглощать вспышки недовольства в обществе таким образом, чтобы перераспределять их ответственными акторам и интериоризировать в эффективные решения, снимающие напряжение в обществе. Это предполагает возможность экспертизы и общественного обсуждения уже принятых парламентских решений, в отличие от их догматизации. То есть экспертиза решения должна осуществляться, как на стадии его подготовки и продвижения, так и на стадии его реализации. Что выступает критерием эффективности парламентской деятельности? Только ли количество законов, принятых в определенный период? Эффективность ППР связана не только и не столько со временем процедуры подготовки и ПР, а с тем, насколько оно, во-первых, проработано с учетом всех точек зрения и обстоятельств, а во-вторых, дает возможность устранить возникшую проблему. Для этого нужна, с одной стороны, комплексная экспертиза, с другой – альтернативность проектов решения, из которых можно осуществлять выбор. Парламент выступает не только как площадка для обсуждения и принятия решений, он соединяет в себе законодательную и экспертную функции. При подготовке и обсуждении проектов закона включаются три основных экспертных актора. Во-первых, экспертно-аналитические, совещательно-консультативные органы при администрации и ведомствах; во-вторых, экспертные группы, комиссии, подкомиссии в самом парламенте и вокруг него; в-третьих, независимые группы, общественные организации, СМИ. Одни проекты предлагаются исполнительной властью, другие инициируют парламентарии. Соотношение внутрипарламентской и вне-

парламентской экспертизы может быть различным. Многое зависит от фактического политического режима и моделей экспертной оценки. Реальное разделение властей предполагает и разделение экспертных групп. Но, безусловно, парламент должен иметь приоритет. Конструктивную роль играют смешанные рабочие группы по подготовке проектов законов, в которые входят различные виды акторов, в том числе независимые эксперты. Они могут нейтрализовать ангажированность, сканировать проблему целостно с учетом интересов и запросов различных акторов.

Депутат, с одной стороны, законодатель, а с другой – эксперт. Советники, консультанты и эксперты не отчуждают полностью экспертную функцию у депутата, так как при выборе альтернативных проектов он выступает и как эксперт, опирающийся на свой опыт и знания. Экспертная функция депутата определяется несколькими составляющими: образованием, профессией, партийной принадлежностью и идеологической позицией, гражданским и жизненным опытом, свободным от политической конъюнктуры, избирателями. Каждая из этих позиций определяет его как эксперта в той или иной группе вопросов, с разной степенью компетенции. И эти позиции могут вступать в противоречие друг с другом, что ведет к ролевому конфликту депутата как гражданина, как профессионального политика, как специалиста. Чтобы соотнести уровень всеобщего блага с уровнем историй жизни и самопонимания граждан, депутат, прежде всего, обязан учитывать позицию своих избирателей. Безусловно, он изначально ангажирован ими и образ избирателя должен присутствовать в его голове. Однако следует учитывать и его собственные амбиции, а также участие во фракциях и коалициях. Депутаты могут перерезать пуповину, связывающую их с избирателями, и проводить позицию, согласующуюся с личными стратегиями, подменяя публичное частным.

Эксперты могут осуществлять свою деятельность независимо, а могут быть ангажированными определенными структурами и группами интересов. Выводы экспертной группы могут подстраиваться под заказчика, и в результате оптика проекта закона оказывается ограниченной и сканирует только один срез проблемы. Поэтому эффективны различные процедуры согласования (не только по вертикали) и открытые дискуссии. Роль депутата состоит в том числе и в согласовании интересов его избирателей. Таким образом, согласование идет, с одной стороны, на микроуровне, на уровне отдельного

депутата, его траекторий и взаимодействий с общественностью, которую он представляет, а с другой – на макроуровне, на уровне парламента в целом и взаимодействий депутатских фракций и коалиций. Затем этот результат реализуется в акте голосования. Таким образом, технологии принятия решений связаны с внутрипарламентским инжинирингом и рациональными подсчетами, они опираются на экспертные знания и негласные правила. Поэтому предметом экспертизы и публичной дискуссии должны выступать не только оценка решений, но также и технологии их принятия.

Парламент должен стать коммуникативным пространством с диалогическим дискурсом, площадкой, свободной от господства, от манипулятивных технологий. Это позволит аккумулировать все экспертные уровни и формы, не только вертикального плана, но и сетевого, когда все акторы независимо от уровня ангажированности и компетентности имеют свой голос.

Литература

1. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М.: Праксис, 2007.

А.Ю. Краснопёров

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

В статье поднимается вопрос о месте электронной демократии в политической системе России сегодня и в ближайшем будущем. Рассматриваются два доминирующих вектора, по которым может произойти институционализация электронной демократии. Анализируются условия, которые способствуют усилению одного из направлений.

Ключевые слова: *электронная демократия, гражданское общество, политическое знание, политическое доверие, политическое участие.*

Мир интернет-технологий развивается очень быстро. Например, на концептуальном и идейном уровне такие способы политической активности, как интернет-голосование (в рамках общепринятой системы выборов), начинают устаревать, не будучи даже еще воплощены в жизнь. Им на смену пришли идеи электронной демократии, на которые возлагаются большие надежды по влиянию на политический процесс.

В России сегодня можно выделить как минимум два понимания электронной демократии. Первое практически синонимично электронному правительству. Оно свойственно властным структурам, которые, используя термин «электронная демократия», предлагают не что иное, как новую форму оказания государственных услуг. Второе понимание, более радикальное в своем выражении, присуще оппозиционно настроенным движениям. Именно в этой среде появляются наиболее смелые идеи («Демократия 2» и др.). По большому счету, их цель – предоставление гражданам реальных возможностей влиять не только на принятие политических решений, но и на саму политическую систему, используя Интернет.

На первый взгляд это терминологическое противоречие заключает в себе две конфликтующие точки зрения. С одной стороны, власть, которая готова идти по пути интернетизации ровно до тех пор, пока это лежит в области взаимной коммуникации власти и населения, с другой – идеи, направленные не просто на коммуникацию с властью, а на изменение ее характера и структуры. Но в основе своей это два различных вектора политических изменений. Интернет как средство коммуникации в одном случае и Интернет как инструмент изменения политической системы в другом. В этом и состоит

разница между электронным правительством и электронной демократией.

Дальше мы сосредоточимся именно на электронной демократии, под которой будет пониматься форма политического самоуправления граждан, основанная на использовании Интернета. В еще более расширенном понимании это использование электронных средств и Интернета в целом для модернизации демократических процессов. Последняя трактовка отражает суть самой идеи E-демократии.

Ключевое слово – самоуправление граждан. В своей доминанте связанные с электронной демократией идеи и концепции развиваются в сторону прямой демократии. Появляются идеи непосредственного участия граждан в принятии политических решений, электронного голосования с возможностью отозвать голос в любой момент (что повлечет, например, лишение депутата его мандата). Можно особо отметить проект Волкова и Крашенинникова «Облачная демократия». Общее для всех этих идей – глубокая реформа политической системы с ориентацией на электронные технологии и повышение прямого гражданского участия. Как видим, основной вектор изменений направлен в сторону представительных органов. У этих идей немало сторонников, которые опираются на такие очевидные преимущества данной формы политической модернизации:

- открытость политической сферы, возможность ее контроля, контроль недобросовестных политиков;
- контроль повестки дня в интересах всего общества;
- существенная дешевизна процесса по сравнению со стандартными процедурами.

Но готовы ли общество и сама виртуальная среда к подобным переменам? Если возможности информационной среды продолжают расти, то проблемы остаются прежними. Из наиболее важных стоит назвать следующие:

- 1) цифровая неграмотность (не только неумение работать с компьютером, но также непонимание принципов устройства и работы глобальной Сети, программ и устройств, знание которых необходимо для обеспечения в первую очередь безопасности пользователя);
- 2) кража личных данных;
- 3) кибератаки;
- 4) доступ к Интернету.

В ходе предыдущих исследований автором данной статьи были изучены и некоторые особенности коммуникации в Сети. В частно-

сти, это связано с коммуникацией внутри виртуальных сообществ. Это их непрочность, радикальность, фиктивность, а также «эффект мнимой легитимации» (численность и влияние виртуальных сообществ и акторов зачастую гораздо ниже реально оказываемой им поддержки). Можно добавить сюда множество других психологических специфик онлайн-коммуникации. В любом случае становится ясно, что идея электронной демократии значительно опережает готовность как общества, так и виртуальной среды.

Но это ни в коей мере не означает, что концепция электронной демократии перестанет развиваться. Это не подразумевает, что такие концепции бесперспективны. Несмотря на свои недостатки, они продолжают разрабатываться и тестироваться как на гражданской инициативной платформе, так и на официальном уровне. Например, шведский проект Demoeх (в местный парламент вводится депутат, который голосует так, как до этого проголосовали пользователи на специально созданном для этого сайте). Тенденция лишь набирает обороты.

В России такие экспериментальные проекты не получили практического признания на официальном уровне. Возможно, потому, что они воспринимаются как угроза. В результате наиболее яркие и смелые идеи электронной демократии развиваются в оппозиционной среде (несистемной оппозиции). В то же время государство продолжает развивать идеи электронного правительства в качестве альтернативы. Но, как уже было сказано выше, электронное правительство и электронная демократия – это разные векторы и разные процессы, не компенсирующие друг друга. И действительные идеи электронной демократии оказываются за рамками внимания официальной повестки дня, что лишь способствует их оттеснению в конфликтное русло. Рано или поздно этот вопрос потребует к себе большего внимания. И тогда политическая элита столкнется с рядом проблем, ведь подниматься значимость этого вопроса будет снизу, из той самой оппозиционной среды, куда он был загнан самой властью. Это первая перспектива институционализации электронной демократии.

Однако электронная демократия несет обширный позитивный потенциал для общества даже в той степени, которая не предполагает серьезных институциональных изменений. А возможно это, как ни странно, благодаря тем самым проблемам, о которых было сказано выше. Не будучи способной реально трансформировать политическую систему в силу еще не устраненных недостатков, концепция электронной демократии, ее различные проекты становятся откры-

тыми для социальных экспериментов с целью опробовать идейные разработки, выявить и устранить их слабые места. Именно в этом русле протекает институционализация электронной демократии в некоторых западных странах.

Возникает вопрос о целесообразности участия в таких проектах. Ответ на него лежит в принципах государственных программ по развитию гражданского общества в РФ. При этом мы исходим из предположения, что тенденция роста влияния идей электронной демократии продолжит сохраняться. В таком случае работа по развитию гражданского общества ведется с ориентацией на будущие изменения, и уже в текущий момент открываются как минимум три блока параметров, на которые можно воздействовать с помощью идей электронной демократии.

I. Политическое знание.

Граждане смогут лучше познакомиться с политической системой и системой органов МСУ через вовлеченное участие, а также получить представление о том, как работают управленческие органы и структуры изнутри.

II. Политическое доверие.

Заключается в ориентации населения на поддержку политической системы (в противовес радикальным взглядам, согласно которым необходимо «заставить» систему измениться в пользу электронной демократии). Политическое доверие достигается во многом за счет того, что граждане вовлекаются в политический процесс. Во-первых, сам факт того, что власть идет на взаимодействие с гражданами, делает первую более открытой и способствует созданию ее позитивного имиджа. Во-вторых, участие граждан в выработке решений легитимирует эти решения в глазах населения. И в-третьих, это способствует установлению новых каналов взаимодействия власти и населения.

III. Политическое участие.

Приведем здесь некоторые решаемые задачи:

1. Вовлечение населения в принятие политических решений.
2. Улучшение качества таких решений за счет привлечения к их разработке «гражданских экспертов».
3. Рост явки избирателей на выборы.
4. Рост числа общественных объединений, взаимодействие между институтами гражданского общества.
5. Кооперация для решения вопросов в рамках «местной общины».

6. Формирование некоторых гражданских или политических институтов.

7. Взаимодействие власти и гражданского общества.

8. Создание площадки для проведения предвыборных кампаний.

9. Осуществление гражданского контроля.

10. Сокращение политической апатии.

Таким образом, широкое внедрение элементов электронной демократии (для начала в форме эксперимента) может стать одним из инструментов развития гражданского общества. При этом сама тенденция якобы радикальных предложений по перестройке политической системы в значительной степени лишается своей конфликтной составляющей. Это вторая перспектива.

Теперь сопоставим отмеченную тенденцию с текущим положением дел в РФ. Несмотря на то, что вопрос развития гражданского общества стоит на повестке дня уже достаточно давно, мониторинг регионов выявил только 19 официальных документов, релевантных на данный момент, которые бы содержали в себе программу/стратегию развития гражданского общества. В то же время практически в каждом субъекте РФ и многих городах планы по развитию гражданского общества включены в более общие стратегии, такие как «Стратегия социально-экономического развития». Однако в большинстве своем такие включения ограничиваются перечислением задач без какого-либо их сопровождения. Дальнейший их анализ показал, что в рамках постановки задач вопросы ни электронной демократии, ни Интернета в целом не поднимаются. А в рамках планируемых мероприятий Интернет рассматривается исключительно как информационно-оповестительный ресурс, за редким включением пункта «проведение интернет-обсуждений».

Подводя итог вышесказанному, мы можем заключить, что при сохранении тенденции развития идей электронной демократии для России открываются как минимум две возможные перспективы их институционализации. В конфликтном русле и в конструктивном. В первом случае естественным путем, снизу, во втором – через постепенную апробацию сверху. Если первый вариант – пассивный, выжидательный, то второй – активный. Он может быть реализован уже сегодня. Он соответствует текущему федеральному политическому курсу, а значит, и наиболее вероятен, но только при условии, что будет целенаправленно выбран. Однако такой выбор еще не был осуществлен, и первая перспектива продолжает оставаться доминантной.

С.А. Геращенко

ОСНОВАНИЯ ДОВЕРИЯ РОССИЙСКОГО ЭЛЕКТОРАТА ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ В УСЛОВИЯХ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

В статье рассматриваются теоретические и психологические основания доверия российского населения партиям в условиях выборов в федеральный и региональные парламенты. Особое внимание уделяется внутренним и внешним источникам мотивации электората.

Ключевые слова: *мотивация электората, источники мотивации, внутренние и внешние установки, уровень политической и правовой культуры.*

Исследователями активно рассматриваются отдельные психологические характеристики российского человека, которые раскрываются на выборах, а также скрытые от широкой публики механизмы воздействия на широкие массы в условиях избирательной кампании. Кроме них, существуют и общие для типичного среднестатистического российского избирателя факторы, которые определяют мотивацию выбора, основы доверия тому или иному кандидату, а также его поведение в целом.

Со временем среди таких факторов были выделены политическая идентификация, политическая активность, политическая вера, чувство гражданского долга (как внутренние источники мотивации) и политическая реклама, деятельность «производителей социального давления», «эффект присоединения к большинству», нормативное регулирование выборов (как внешние источники мотивации) [1. С. 37]. Все названные факторы внутренней мотивации участия в выборах оказались состоятельными и «работают» с учетом некоторых поправок в условиях российских политических выборов.

В результате ряда электоральных циклов, в том числе и 2011–2012 гг., подтверждено проявление внутренних источников мотивации как стимулов к участию в выборах. Оказались значимыми для участия в выборах факторы политической рекламы, деятельности «производителей социального давления», «эффекта присоединения к большинству». Вместе с тем было обнаружено, что особенности восприятия и отношения российских избирателей к законодательным положениям по выборам не играют существенной роли в формировании модели поведения потенциального избирателя.

Данный факт расходится с исследованием, проведенным среди студентов-юристов Саратова в 2011 г. накануне общефедеральных парламентских выборов. Тогда ответы на вопрос о мотивации выбора были такими: четверть студентов делала свой выбор осознанно, в соответствии с программой партии. Одна пятая часть обуславливала свой выбор степенью знакомства с деятельностью выбранной партии, а значит, с их реально проводимой политикой. Почти 17% соотносили программу партии с политической реальностью. И лишь относительно небольшая часть делала свой выбор, основываясь на личных симпатиях к лидеру, не учитывая политической программы преобразований. То есть можно говорить о большой степени сознательности выбора студентов, так как большинство опиралось на какие-либо идейные воззрения [2]. Это расхождение, конечно, не ставит под удар все приведенные в работе теоретические построения, так как ситуацию можно объяснить тем, что у юристов, безусловно, уровень правовой и политической культуры выше, чем в среднем у населения.

Стоит помнить и о том, что избиратель будет голосовать, если мотивация участия в выборах превзойдет препятствия к голосованию. При этом препятствия к голосованию могут быть объективными и субъективными. К числу объективных относятся, например, такие факторы, как бытовые и организационные условия проведения выборов. Под субъективными факторами, препятствующими участию в выборах, понимаются, прежде всего, личные установки, убеждения, привычки, типичный образ поведения и жизни, личный распорядок дня (внутренний режим), настроение, самочувствие, приоритеты и т.д.

Мотивацию к голосованию, позволяющую потенциальному избирателю стать реальным участником выборов, определяют внутренние и внешние источники [3. С. 51]. С учетом принципов системного подхода была разработана целая модель системы ведущих факторов внешних источников, оказывающих воздействие на формирование решения и поведение избирателя. В основе предлагаемой модели лежат два ключевых положения. Первое состоит в том, что существует набор внутренних источников мотивации и набор внешних источников мотивации. Второе заключается в том, что избирателю в процессе подготовки к участию в выборах и непосредственно при голосовании необходимо выполнять ряд функций (исследователь-

ская функция, коммуникативная функция, функция планирования, исполнительская функция).

Как и во многих случаях, исполнение функций связано с обеими сферами источников мотивации. Исследовательская функция обеспечивается фактором политической идентификации (внутренний источник мотивации) и политической рекламой (внешний источник мотивации). Коммуникативная функция реализуется за счет политической активности (внутренний источник мотивации) и деятельностью «производителей социального давления» (внешний источник мотивации). Функция планирования выполняется на основе фактора политической веры (внутренний источник мотивации) и «эффекта присоединения к большинству» (внешний источник мотивации). Исполнительская функция осуществляется при актуализации фактора чувства гражданского долга (внутренний источник мотивации) и оформленных в законы действующих нормативных положений о выборах в представительные органы власти (внешний источник мотивации) [4].

Кроме того, на наш взгляд, мощным источником внешней мотивации участия в выборах послужили технические ноу-хау. Вместе с ними существенным образом повысилась степень открытости и гласности избирательного процесса. К ноу-хау, появившимся в 2012 г. (впервые – на президентских выборах), можно отнести видеотрансляцию в сети Интернет, доступ к которой мог получить каждый желающий [5].

Председателем ЦИК России В. Чуровым были отмечены наиболее важные стратегические направления, по которым изменялась избирательная система за прошедший избирательный цикл. Это увеличение общественно-политической базы принятия электоральных решений, укрепление системы избирательных комиссий, информационная открытость и прозрачность, техническое переснащение, применение веб-камер [6].

Безусловно, общественный резонанс о формате новых изменений заставил людей пойти на участки даже не с первоочередной задачей проголосовать, а посмотреть лично на эти изменения в силу собственного любопытства, которое также присуще российскому менталитету.

Часть мотивов, по которым избиратель выбрал именно этого кандидата, представлена субъективно важными для избирателя качествами кандидата [7. С. 6–10]. Но существуют какие-то еще, по-

мимо качеств кандидата, факторы, заставляющие избирателя выбрать конкретного кандидата. Это и является внешними факторами: к их числу относятся стимулы, лежащие в основе психологических механизмов заражения, подражания, отождествления, исключения и т.д. Например, кандидат будет более симпатичен избирателю, а следовательно, избиратель с большей вероятностью за него проголосует, если будет знать, что остальные избиратели также предпочитают именно этого кандидата (эффект типично российской толпы). В ситуации дефицита информации о кандидатах у избирателя проявляется «эффект присоединения к большинству» [8. С. 79–81]. Компенсация отсутствия сведений при необходимости принять решение и осуществить выбор происходит посредством передоверия своего решения большинству, что в целом негативно характеризует политическую и правовую культуру россиян [9. С. 6].

Таким образом, основы доверия электората политическим партиям базируются на весьма сложной структуре современных российских социальных отношений и поведенческих характеристиках отдельных представителей этих отношений. Типичные ментальные черты нации превалируют над рациональным механизмом осуществления выбора. Это связано, скорее, не с неприятием россиянами института выборов (эта точка зрения весьма распространена среди западных и некоторой части российских исследователей), а с неприятием осуществления этих выборов и широкими мазками начертанной над всей Россией картиной русского «авось».

Литература

1. Лабковская Е.Б., Артеменко О.А. Источники мотивации поведения российского избирателя // Ананьевские чтения-99: тез. науч.-практ. конф. СПб., 1999.
2. Челенков М.А., Геращенко С.А. Изучение электоральных предпочтений студентов ФГБОУ ВПО «СГЮА» перед выборами в Государственную Думу Российской Федерации VI созыва в 2011 году (социологическое исследование) / под общ. ред. А.В. Донсковой. Саратов, 2011 (рукопись).
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2008. 512 с.
4. Дворецкая Т. Почему надо идти на выборы и голосовать? // Город. ЛВ [Электронный ресурс]. URL: http://www.gorod.lv/novosti/114591-pochemu_nado_idti_na_vyibory_i_golosovat#ixzz2qTAKzE9O (дата обращения: 10.01.2014).
5. Доклад по итогам мониторинга состояния избирательной системы, её развития и реализации избирательных прав в России в 2012 году, с использованием ресурса информационного портала «Выбор народа» // Выбор народа [Электронный ресурс]. URL: <http://vybor-naroda.org/vyborvrf/vybory2012/28083-doklad-po-itogam-monitoringa-sostoyaniya-izbiratelnoy-sistemy-ee-razvitiya-i-realizacii-izbiratelnyh-prav-v->

rossii-v-2012-godu-s-ispolzovaniem-resursa-informacionnogo-portala-vybor-naroda.html (дата обращения: 13.01.2013).

6. *Чуров В.Е.* Тенденции эволюции российской избирательной системы (вектор развития российской избирательной системы): Выступление Председателя ЦИК России на 6-м Всероссийском конгрессе политологов (пленарное заседание). Москва, МГИМО, 22 ноября 2012 года / ЦИК РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/news/relevant/2012/11/26/vector.html><http://www.cikrf.ru/news/relevant/2012/11/26/vector.html> (дата обращения: 13.01.2013).

7. *Артемов Г.П.* Мотивация электорального выбора // Политический анализ: докл. Центра эмпирических политических исследований СПбГУ / под ред. Г.П. Артемова. СПб., 2000. Вып. 1.

8. *Коблянская Е.В., Лабковская Е.Б.* Влияние «эффекта присоединения к большинству» на формирование решения избирателя // Психология: истоки и перспективы: тез. науч.-практ. конф. СПб., 1996.

9. *Неретина С., Огурцов А.* Концепты политической культуры. М., 2011.

О.В. Вольтер

ЭТАПЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Избирательная система Российской Федерации за последние двадцать пять лет своего развития прошла пять этапов трансформации. В статье дается анализ этих этапов.

Ключевые слова: избирательная система, Государственная Дума, Совет Федерации, политические партии.

Избирательная система является важнейшим инструментом строительства органов власти в демократическом государстве и одним из основных механизмов формирования политико-административных элит. Эта система формируется и функционирует с учетом политических и властных традиций, особенностей конкретного этапа развития общества и государства, менталитета народа, географических особенностей, определенного воздействия внешних обстоятельств, международной ситуации. Формирование демократической избирательной системы России берет начало еще в период существования СССР на рубеже 1980–1990-х гг., когда создавались органы власти (советов различных уровней) на альтернативной основе. 12.06.1991 г. состоялись первые демократические выборы президента РФ.

За последние двадцать пять лет избирательная система РФ прошла 5 этапов трансформации. На первом этапе – 1989–1993 гг. – произошел отказ от советской электоральной системы и одновременно создавались основы новой системы.

Второй этап демократизации избирательной системы начался в 1993 г. По Указу президента Б. Ельцина № 1400 от 21.09.1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» был распущен Верховный Совет и Съезд народных депутатов и на 12.12.1993 г. были назначены выборы в нижнюю палату нового двухпалатного парламента – Государственную Думу Федерального Собрания. Указом от 11.11.1993 г. также на 12.12.1993 г. были назначены выборы в верхнюю палату парламента – Совет Федераций. Таким образом, была завершена ломка сложившегося в советское время государственного и конституционного строя. После принятия 12.12.1993 г. на референдуме, совмещенном с выборами в ФС, новой Конституции был завершён переход к президентско-парламентской

республике с доминирующим положением института президентства. По нормам Конституции 1993 г. выборы Президента РФ проходили пять раз. На выборах 12.06.1991 г. победу одержал Б. Ельцин с 57,30% при явке 76,66%. В 1996 г. выборы проходили в два тура (в первом туре – 16.06.1996 г. – Ельцин набрал 34,29% при явке избирателей 69,81%, во втором туре – 03.07.1996 г. при явке 69,81% Ельцин получил 53,82% голосов.) На выборах 26.03. 2000 г. в первом туре победу одержал В. Путин с 52,94% при явке избирателей 68,74%. 14.03.2004 президентом был избран Путин: при явке 64,38% он получил 71,31% голосов. 02.03.2008 г. Д. Медведев получил 70,20% голосов при явке 69,70%. 04.03.2012 г. президентом РФ был избран Путин с 63,19% голосов. Впервые срок полномочий Президента РФ составит 6 лет, ранее он составлял 4 года.

Выборы 2004 и 2008 гг. проходили по новому ФЗ «О выборах Президента РФ» от 10.01.2003 г. [1]. В нем содержался ряд нововведений, приводивших в соответствие правила выборов главы государства с двумя ранее принятыми федеральными законами: «О политических партиях» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». Важным нововведением Закона «О выборах Президента РФ» явилось повышение роли политических партий в выборах президента. По новому закону кандидатов на президентский пост могут выдвигать как прошедшие в парламент партии и блоки, так и не преодолевшие 5% (с 2007 – 7%) барьер. При этом партиям, прошедшим в парламент, не требуется предоставлять подписи в поддержку кандидата (для регистрации кандидата в президенты ЦИКом достаточно будет решения партийного съезда), а для кандидата от партии, не прошедшей в парламент, необходимо собрать не менее 2 млн подписей избирателей. Число регионов, где они должны быть собраны, увеличено. Самовыдвижение в кандидаты на пост Президента РФ предусматривает создание претендентом на должность кандидата инициативной группы не менее 500 чел. (по ранее действовавшему закону для этого требовалось не менее 100 чел.) и сбор в свою поддержку в течение одного месяца 2 млн подписей избирателей в не менее чем 40 субъектах РФ (ранее – 1 млн в 15 субъектах). Процент допустимого брака в подписях не должен превышать 5% голосов (прежняя норма допускала 25%). Как показывает выборная кампания на пост Президента РФ 2012 г., это достаточно сложная процедура. (Из 7 соискателей на

должность кандидата в Президенты РФ были сняты двое – Г. Явлинский и Д. Мезенцев.)

Важной чертой второго этапа преобразований избирательной системы было то, что эта система стала функционировать в соответствии с федеральными законами, а не на основе указов президента страны, как это было на первом этапе. Здесь нужно сказать, прежде всего, о таких законах, как «Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ», «О выборах Президента РФ», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ», «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ», «О референдуме в РФ». В последующие годы все названные нормативные документы, разработанные в соответствии с Конституцией РФ 1993 г. и составляющие основу избирательной системы нашей страны, не раз корректировались и дополнялись. Несмотря на частные изменения, в основе всех законов и, соответственно, в основе избирательной системы РФ остались следующие конституционные принципы: всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании; свобода предвыборной агитации; равенство прав кандидатов при проведении избирательной кампании. Эти же принципы сохранились и на последующих этапах реформирования избирательной системы РФ [2. С. 219].

Третий этап реформирования избирательной системы начался после избрания президентом страны В. Путина и был связан с реформой Совета Федерации, системы местного самоуправления и созданием Государственного Совета, введением федеральных округов во главе с назначаемыми полномочными представителями президента. Чтобы не отстранять губернаторов и других руководителей органов исполнительной власти от решения общегосударственных задач, указом В. Путина от 01.09.2000 г. был образован Госсовет РФ [3]. В ст. 1 Положения об этом органе говорится, что он является «совещательным органом, содействующим реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти», данное Положение определило также задачи, состав, организацию и порядок работы Госсовета. Его председателем явился президент, а членами – руководители высших исполнительных органов госвласти субъектов РФ. Для решения оперативных вопросов формируется президиум Госсовета из 7 членов, его состав определяет президент, и он подлежит ротации один раз в полгода. Реформа СФ РФ, изме-

нение в системе организации местного самоуправления, создание Госсовета – все это свидетельствовало о том, что избирательная система в современной России прошла третий этап реформирования.

Четвертый этап реформирования избирательной системы был связан с подписанием 18.05.2005 В. Путиным нового Закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ». Если ранее ГД РФ формировалась на основании смешанной (мажоритарно-пропорциональной) системы выборов, то в соответствии с новым законом, вступившим в силу 07.12.2006 г., за год до проведения выборов в ГД РФ в 2007 г.), Госдума стала формироваться исключительно по пропорциональной системе.

Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ VI созыва, состоявшиеся 04.12.2011 г., имели ряд нововведений. Впервые ГД РФ избиралась на пять лет, а в качестве участников отмечены все официально зарегистрированные в РФ политические партии. Во второй и последний раз для полноценного представительства в ГД РФ партиям нужно было преодолеть 7% барьер, однако в результате изменений в законодательстве партии, набравшие от 5 до 6%, могли получить по одному мандату в Госдуме, а набравшие от 6 до 7% – два мандата. Но ни одна из партий не воспользовалась данным правом (лучший результат ниже 7% – 3,43). По результатам голосования все четыре партии, которые были представлены в нижней палате парламента V созыва, сохранили свое представительство в Госдуме VI созыва. При этом ни одна другая партия не смогла туда попасть.

Если проанализировать результаты выборов в Государственную Думу 1993, 1995, 1999, 2003, 2007, 2011 гг., то получится, что:

- в выборах 1993 г. участвовали 13 партий, блоков и объединений, из которых 8 преодолели 5% барьер: ЛДПР, «Выбор России», ПРЕС, «Женщины России», «Яблоко», ДПР, АПР и КПРФ;

- в выборах 1995 г. участвовали 43 политические силы, из которых только 4 преодолели 5% барьер: ЛДПР, «Яблоко», НДР, КПРФ;

- в выборах 1999 г. участвовали 28 политических сил, 6 преодолели 5% барьер: «Яблоко», «Единство», «Блок Жириновского», «Отечество – вся Россия», КПРФ, «Союз правых сил»;

- в выборах 2003 г. участвовали 22 партии, 4 преодолели 5% барьер: политическая партия «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, народно-патриотический союз «Родина»;

– в выборах 2007 г. принимали участие 11 партий, из которых 4 партии преодолели 7% барьер: всероссийская политическая партия «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, партия «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/ Жизнь»;

– в выборах 2011 г. приняли участие 7 политических партий, из которых 7% порог преодолели 4 политические партии: политическая партия «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия».

Пятый этап реформирования избирательной системы был связан с подписанием Федерального закона № 28-ФЗ от 2 апреля 2012 г. «О внесении изменений в ФЗ «О политических партиях» [4], направленного на либерализацию отечественной политической системы и повышение конкуренции среди парламентских партий. Данный закон существенно упростил порядок регистрации партий. Теперь минимальная численность членов партии, необходимая для ее создания и регистрации, снизилась с 50 000 до 500 человек. Кроме того, отменялись требования к минимальной численности региональных отделений партии, однако они должны быть сформированы не менее чем в половине субъектов РФ. Федеральный закон также снижал требования к учредительному съезду партии: от региональных отделений потребуется участие не трех, а всего двух делегатов.

ФЗ оговаривает, что политическая партия, не принимавшая в течение семи (раньше – пяти) лет подряд участия в выборах, подлежит ликвидации. Раз в три года, не позднее 1 апреля года, следующего за отчетным периодом, партия должна предоставлять в ЦИК России сводный финансовый отчет о поступлении и расходовании средств. Ранее она была обязана делать это каждый год.

Еще одним важным нововведением в избирательное законодательство явился тот факт, что при проведении любых выборов, за исключением выборов Президента РФ, все политические партии освобождаются от сбора подписей избирателей. Таким образом, только общественные объединения, не являющиеся политическими партиями и обладающие статусом избирательного объединения на выборах в органы местного самоуправления, должны собирать подписи в поддержку выдвинутых ими кандидатов.

К началу 2012 г. в России было всего 7 политических партий, требования к их созданию были крайне жесткими, но после решения ЕСПЧ по делу РПР и массовых акций протеста 2011 г. законодательство было либерализовано, что привело к резкому увеличению числа партий. В 2012 г. было зарегистрировано 46 новых партий и ещё

1 партия (РПП) была восстановлена. В 2013 г. зарегистрировано ещё 28 партий. По состоянию на 9 января 2014 г. в РФ официально зарегистрировано 78 политических партий [5]. Кроме того, зарегистрированы 69 организационных комитетов, ставящих целью создать политическую партию [6].

Все новые партии можно условно разделить на две категории: «близкие к власти» – (Молодая Россия, Города России, Партия свободных граждан) и «самостоятельные» («За женщин России», Новая Россия, Монархическая партия, Партия мира и единства, «Гражданская платформа», «Коммунисты России», «Российский общенародный союз», Российская консервативная партия «За нашу родину», «РПП-ПАРНАС») [7]. В преддверии партийной реформы в феврале 2012 г. деятели ОДД «Солидарность» Иван Тютрин и Александр Лукьянов сделали вывод о том, что прежнее деление на оппозицию системную и несистемную теряет свою актуальность по причинам радикализации системных партий и облегчения регистрации партий. Более значимым, по их мнению, становится деление на «непримиримых» и «соглашателей» [8]. По итогам 2012 г. ряд экспертов отметили, что системные парламентские партии сохранили лояльность к власти и поддерживают почти все законопроекты «Единой России». В том же 2012 г. в 2,5 раза было увеличено государственное (из федерального бюджета) финансирование партий, набравших большой процент голосов по итогам последних парламентских выборов.

Литература

1. ФЗ №19-ФЗ от 10.01.2003г. «О выборах президента РФ» // www.cikrf.ru (дата обращения: 10.01.2003).
2. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009.
3. Указ Президента В.В. Путина от 01.09.2000 № 1602 // www.state.kremlin.ru
4. Федеральный закон № 28-ФЗ от 02.04.2012 г. «О внесении изменений в ФЗ «О политических партиях» // Официальный сайт Министерства юстиции РФ URL: www.minjust.ru (дата обращения: 02.04.2012).
5. Список зарегистрированных политических партий // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: www.minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok (дата обращения: 09.01.2014).
6. Сведения о «действующих» организационных комитетах по состоянию на 31.12.2013 // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: www.minjust.ru (дата обращения: 9.01.2014).
7. Близкие к власти и самостоятельные: Путеводитель по новым партиям России // <http://lenta.ru/articles/2012/09/03/party2/> (дата обращения: 03.03.2012).
8. Оппозиция: новая система координат // Каспаров.ru. Интернет-газета свободной России. <http://www.kasparov.ru/material.php?id=4F474D2E7FCB0>

И.Ю. Окунев

ПАРЛАМЕНТСКИЙ ОПЫТ МИКРОГОСУДАРСТВ: ВОЗМОЖНЫЕ УРОКИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

В статье рассматривается опыт государственного строительства микрогосударств, который может быть полезен российским регионам в силу схожести размеров политий. Наиболее перспективные разработки по данной проблеме опираются на сопоставление использования мажоритарной и консоциативной форм демократии в государственном строительстве. Малый размер политии позволяет ей в политическом процессе опираться на мажоритарные формы демократии и только по вопросам изменения политической системы прибегать к процедурам консоциативной демократии.

Ключевые слова: микрогосударства, мажоритарная форма демократии, консоциативная форма демократии.

Несмотря на то, что число демократий среди микрогосударств действительно выше, чем среди остальных стран (примерно 75% среди микрогосударств против 60% в остальных), а также на то, что среди политологов есть согласие о том, что малый размер способствует демократизации, до сих пор остается неясным, каким образом размер государства влияет на политический режим. Наиболее перспективные разработки по данной проблеме опираются на попытки анализа политических систем микрогосударств через сравнительный анализ использования мажоритарной и консоциативной форм демократии, выделенных А. Лейпхартом, в их государственном строительстве. В табл. 1. представлены результаты сопоставления Д. Анкаром влияния одной из двух форм демократии на институциональный дизайн того или иного элемента политической системы микрогосударств, а именно: политико-территориальное устройство, форму правления, избирательную систему, принцип формирования парламента, наличие квот для меньшинств и процесс принятия поправок к конституции.

Политико-территориальное устройство микрогосударств строится преимущественно на унитарном принципе, который можно считать более соответствующим мажоритарной форме демократии. В данном случае ограниченность размера напрямую влияет на политический режим, потому что сложно ожидать от микрогосударств значительной региональной дифференциации. Существующие примеры децентрализации связаны с сильно разбросанным по территории архипелажным положением страны (Кирибати, Вануату) или, как в

Таблица 1. Сравнительный анализ использования мажоритарной и консоциативной форм демократии в государственном строительстве микросоциальных государств

Микросоциальное государство	Рейтинг	А	Б	В	Г	Д	Е
Андорра	1-1	М	МК	МК	М	М	МК
Антигуа и Барбуда	3-2	М	М	М	МК	М	МК
Багамские о-ва	1-1	М	М	М	МК	М	К
Барбадос	1-1	М	М	М	МК	М	МК
Белиз	1-2	М	М	М	МК	М	К
Вануату	2-2	МК	М	МК	М	М	МК
Гайана	2-3	М	К	К	М	К	М
Гренада	1-2	М	М	М	МК	М	МК
Доминика	1-1	М	М	М	М	К	К
Исландия	1-1	М	МК	К	М	М	М
Кабо-Верде	1-1	М	М	К	М	МК	МК
Кипр	1-1	М	К	К	М	К	МК
Кирибати	1-1	МК	МК	М	М	МК	МК
Лихтенштейн	1-1	М	МК	К	М	М	К
Люксембург	1-1	М	М	К	М	М	МК
Мальта	1-1	М	М	К	М	М	МК
Маршалловы о-ва	1-1	М	М	М	М	М	МК
Микронезия	1-1	К	К	М	М	К	К
Монако	2-1	М	МК	МК	М	М	МК
Науру	1-1	М	М	М	М	М	МК
Палау	1-1	К	К	М	К	М	К
Самоа	2-2	М	М	М	М	МК	МК
Сан-Марино	1-1	МК	М	М	М	М	МК
Сан-Томе и Принсипи	2-2	МК	МК	К	М	М	К
Сент-Винсент и Гренадины	1-1	М	М	М	М	К	МК
Сент-Китс и Невис	1-1	К	М	М	М	К	МК
Сент-Люсия	1-1	М	М	М	МК	М	К
Суринам	2-2	М	МК	К	М	М	МК
Тувалу	1-1	МК	М	М	М	М	МК

Условные обозначения: А – политико-территориальное устройство, Б – форма правления, В – избирательная система, Г – принцип формирования парламента, Д – наличие квот для меньшинств, Е – поправки в конституцию, М – использование принципов мажоритарной демократии, К – использование принципов консоциативной демократии, МК – совмещение принципов мажоритарной и консоциативной демократии.

Источники: Freedom in the World 2012; Ankar D. Microstate Democracy: Majority or Consensus; Diffusion or Problem-Solving? // Democratization. 2008. Vol. 15, № 1. P. 72.

случае с островными федерациями (Микронезия, Сент-Китс и Невис, Палау и недемократические Коморские острова), с фактическим переносом на региональный уровень функций местного самоуправления, совмещаемого с брендингом страны в международном сообществе в качестве федеративного государства. Наиболее ярким

примером условной децентрализации здесь может служить Сан-Марино, где полуавтономные административно-территориальные единицы представлены историческими «крепостями» (castelli).

При выборе формы правления микрогосударства стремятся, как правило, к более близкой к мажоритарной демократии парламентской форме (в силу большего влияния большинства в парламенте на исполнительную власть). Особняком здесь стоят европейские микрополитии с полупрезидентской формой правления, а также бывшие американские подопечные территории (Микронезия, Палау) и латиноамериканская Гайана с сильной президентской властью и большим разделением властей. В последних случаях это, естественно, объясняется заимствованием институциональных паттернов метрополии или соседей.

Избирательные системы микрогосударств, как правило, мажоритарные. Исключением являются, главным образом, европейские «карлики», на политические системы которых оказывала сильное влияние пропорциональная избирательная система соседей.

Большинство микрогосударств имеют однопалатные парламенты. Только в шести демократических микрополитиях (все бывшие британские колонии) за частью депутатов закреплена их привязка к территории, и только в Палау существует двухпалатный парламент с полноценным органом, представляющим интересы регионов (скорее муниципалитетов, в нашем понимании). Но как и в случае с Палау, так и во всех британских колониях это опять же скорее дань политической традиции.

Гомогенность населения микрополитий не предполагает квотирования мест в парламенте для определенных социальных или этнических групп, однако здесь имеются исключения. Например, в Кабо-Верде избираются представители от европейской, американской и африканской диаспор кабовердинцев; в Самоа, напротив, квота зарезервирована за жителями островов несамоанского или частично-самоанского происхождения. Самый интересный случай наблюдается в Кирибати, где одно место оставлено для представителя переселенных в Фиджи жителей острова Банаба, практически полностью, как и государство Науру, разрушенного в результате добычи фосфоритов.

Наконец, в процессе принятия поправок к конституции почти все микрогосударства, за исключением Исландии и Гайаны, где для этого требуется простое большинство в парламенте, следуют модели

референдумов или требования в две трети голосов поддержки. То есть в данном вопросе в выигрышном положении оказывается консоциативная модель демократии. По-видимому, микросоударства создают идеальные условия для установления таких элементов прямой демократии, как, например, референдумы, именно в силу своего размера. Сплоченность является их неотъемлемой чертой, что способствует осведомленности населения о местной политической жизни. Более того, микросоударства более успешны в вопросах борьбы с элитой, добывающейся привилегий посредством манипуляций с законом. Тем не менее малая дистанция между властью и обществом, а также близость во взглядах и оценках у населения создают дополнительные препятствия для прямой демократии в таких странах.

Таким образом, можно прийти к выводу, что микросоударства действительно более предрасположены к демократии в силу того, что их малый размер позволяет им в политическом процессе опираться на мажоритарные формы демократии и только по вопросам изменения политической системы прибегать к процедурам консоциативной демократии. Малый размер предполагает меньшую дифференциацию в политическом поведении, а значит, большую солидаризацию населения; в таких условиях мажоритарная демократия оказывается более эффективной. В то же время в период политических фрустраций малый размер действует против гомогенности политических взглядов жителей микросоударств, поскольку в небольших сообществах быстрее происходит поляризация взглядов, и это требует наличия консоциативных механизмов для нахождения консенсуса в период политического кризиса. Следует иметь в виду и другие предпосылки мажоритарной демократии — это типичное для многих из них колониальное наследие британской мажоритарной политической системы и островная изолированность, которые, наряду с малым размером, повышают предрасположенность к политической гомогенности, а значит, и мажоритарной демократии.

Литература

1. *Ankar D.* Microstate Democracy: Majority or Consensus; Diffusion or Problem-Solving? // *Democratization*. 2008. Vol. 15, № 1. P. 67–85.
2. *Dahl R., Tuft E.* *Size and Democracy*. Stanford: Stanford University Press, 1973.
3. *Island Studies* (special issue) // *World Development*. 2004. Vol. 32, № 2. P. 327–390.
4. *Окунев И.Ю.* Геополитика микросоударств. М.: МГИМО, 2014.
5. *Окунев И.Ю.* Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микросоударств) // *Политическая наука*. 2011. № 4. С. 162–174.

Р. Чахор

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПАРЛАМЕНТОМ И ПРЕЗИДЕНТОМ В ПОЛЬШЕ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ

Данная статья посвящена процессу выработки взаимоотношений парламента и президента в Польше в период трансформации 1990-х гг. Автор отмечает, что позиция президента в системе государственной власти оставалась четко не определенной, что вызывало конфликты с парламентом, значительно влияя на трансформацию политической системы.

Ключевые слова: политическая система, демократический транзит, Республика Польша.

Многообразие подходов к вопросу транзита от недемократической системы к демократической в современной политической науке объясняется по преимуществу объективными факторами, главный из которых – разные сценарии развития политической ситуации в странах бывшего коммунистического лагеря [1. С. 47; 2. С. 10]. Причины этого можно искать в своеобразии государственного строя отдельных стран Восточной Европы в предреформенный период.

По мнению Хергерта Кичельта, коммунистические режимы Восточной Европы демонстрировали три разных типа развития: патриомониального коммунизма (СССР), авторитарно-бюрократического коммунизма (Чехословакия, ГДР) и коммунизма, включающего элементы национального согласия (Венгрия, Польша). Для последнего были характерны стремление властей добиться общественной поддержки, а также относительно низкий уровень репрессий и согласие на ограниченную деятельность противников режима [3. С. 308].

Так, в Польше умеренное отношение властей к массовому оппозиционному движению «Солидарность» (в начале 1980-х гг. оно насчитывало около 10 миллионов членов) во второй половине 1980-х гг. способствовало нереволуционным преобразованиям в сфере политики и сохранению позиции номенклатуры в переходный период на стыке 1980-х и 1990-х гг. По этой причине Польша, согласно концепции третьей волны демократизации Сэмюэла Хантингтона, представляет транзит в виде перемещения, в то время когда в Венгрии имела место трансформация, управляемая коммунистической элитой, а в ГДР и Румынии – замена предыдущих элит элитами оппозиционными [4. С. 113].

Благодаря установке властей Польши на национальное согласие демократический транзит начался достигнутым за круглым столом в апреле 1989 г. соглашением между властями и «Солидарностью». Данное соглашение включало:

- создание верхней палаты парламента – Сената;
- создание института президента Республики Польша;
- создание условий для развития плюрализма и реальной многопартийности.

Следующие изменения, несмотря на то, что не были результатом переговоров за круглым столом, включали:

- непосредственные выборы президента (ноябрь – декабрь 1990 г.);
- проведение свободных (учредительных) парламентских выборов (октябрь 1991 г.).

Прочные основы, укрепляющие нынешнюю политическую систему Республики Польша, были созданы принятием нового Основного закона в 1997 г. К этому времени Польша оставалась единственным, кроме Албании, посткоммунистическим государством, которое не приняло новой конституции. В процессе эволюции политической системы Польши можно выделить три этапа: 1989–1992 гг., когда действовала конституция Польской Народной Республики с 1952 г. с позднейшими изменениями, 1992–1997 гг., когда кроме данной конституции действовал Конституционный закон, так называемая «Малая конституция», регулирующая отношения законодательной и исполнительной власти. С принятием в октябре 1997 г. нового Основного закона в Республике Польша происходит стабилизация политической системы.

Динамика трансформационных процессов в большой степени определялась практикой политической жизни: конфликтом между главными политическими акторами, более радикальными правыми партиями и бывшей коммунистической элитой, нестабильностью партийной системы, коалиционных кабинетов министров, неоднозначным политическим партнерством президента Войцеха Ярузельского с премьер-министром Тадеушем Мазовецким в 1989–1990 гг. и конфликтом президента Леха Валенсы с очередными правительствами в 1992–1995 гг.

Исходным моментом процесса трансформации в Польше стало начало переговоров между властью и демократической оппозицией, сосредоточенной в нелегальной в тот момент «Солидарности», в

феврале – апреле 1989 г. Переговоры проходили в формате круглого стола, намечая русло будущих политических перемен (допущение оппозиции к участию в выборах, либерализация экономики). В отличие от позднейших переговорных процессов между властью и оппозицией в Чехословакии и ГДР, в Польше круглый стол не определил новых основ государственного строя, не предусматривал учредительных выборов, включения представителей оппозиции в структуры власти, однако дал возможность создания новых политических партий [5. С. 16].

За круглым столом было решено, что в парламентских выборах в июне 1989 г., называемых контрактными, Польская объединённая рабочая партия (ПОРП) и её союзники получат 65% из 460 мест в Сейме, нижней палате парламента, за остальные места должны были бороться представители оппозиции. Выборы во вновь созданный 100-местный Сенат, верхнюю палату парламента, должны были стать полностью свободными. Выборы состоялись в июне 1989 г. Все предназначенные для оппозиции места в Сейме и 99 мест в Сенате получила «Солидарность».

В апреле 1989 г. в Основной закон была добавлена глава, касающаяся президента Республики Польша: он должен заменить стоявший во главе государства коллективный орган – Совет государства. Ведущую роль в отношениях между президентом и парламентом должно было играть Национальное собрание, совместно заседающий Сейм и Сенат. Национальное собрание получило право выбора президента сроком на 6 лет и возбуждения процедуры импичмента. Выборы главы государства состоялись в июле 1989 г. Коммунистического политика, секретаря ПОРП В. Ярузельского в соответствии с выдвинутой ими концепцией «ваш президент – наш премьер» поддержали оппозиционные парламентарии. В сентябре 1991 г. правительство возглавил один из лидеров оппозиции Т. Мазовецкий.

Согласно компромиссу, достигнутому за круглым столом, новая политическая система должна была просуществовать до 1993 г., т.е. до того момента, когда должны были состояться вполне свободные парламентские выборы. Динамичное развитие политической ситуации, общественное требование высокой степени легитимности власти, а также усиление перестройки и гласности в СССР способствовали ускорению трансформаций в Польше. В январе 1990 г. прекратила существование основная организационная структура номенклатуры – ПОРП. Этот факт свидетельствовал об объективном ослабле-

нии позиции коммунистов. Вследствие дезинтеграции номенклатуры Ярузельский в роли президента занимал пассивную позицию. В середине 1990 г. он стал заявлять о готовности подать в отставку и согласился на укрепление института президентства путём прямых выборов [6. С. 60].

В сентябре 1990 г. парламент изменил конституцию, сократив срок полномочий президента Ярузельского. Согласно новой редакции конституции срок полномочий главы государства должен составлять 5 лет. Это решение объяснялось требованиями общества и желанием превратить президента в сильный элемент, стабилизирующий политическую систему страны [7. С. 77]. Прямые выборы президента прошли в ноябре – декабре 1990 г. Во втором туре большинство голосов набрал лидер «Солидарности» Л. Валенса, победив независимого кандидата Станислава Тыминьского, проживавшего в Перу и Канаде. Вскоре начался продолжительный конфликт Валенсы, имевшего большие политические амбиции, с парламентом, в том числе с бывшими соратниками. Главной целью Валенсы было расширение компетенций президента за счёт парламента.

Согласно новой редакции конституции с 1989 г. полномочия президента касались двух сфер: участия в законодательном процессе и возможности досрочного роспуска парламента. Президент обладал правом законодательной инициативы, подписывал законы, направлял их в Конституционный суд и мог отказать в подписании закона. Сейм мог отклонить вето президента квалифицированным большинством 2/3 голосов.

Парламент мог быть распущен президентом в трёх случаях. Во-первых, если в течение трёх месяцев Сейм не смог сформировать правительство; во-вторых, если в течение трёх месяцев Сейм не смог принять закон о бюджете государства. Третий, наиболее противоречивый, случай касался роспуска парламента в ситуации принятия им закона, «препятствующего президенту в исполнении конституционных обязанностей». В данном случае решение о роспуске парламента имело бы не юридический, а политический характер. На практике президент этой возможностью не воспользовался.

Позиция президента в политической системе Польши в 1989–1992 гг. не была чётко обозначена. Его функции определялись политическими задачами, которые ему приходилось выполнять. Президент был хаотично «встроен» в структуру государственных органов, в которых доминирующую позицию занимал парламент. Целью вве-

дения поста президента было символическое подтверждение процесса трансформации [7. С. 28.]. Ситуацию усложняло введение прямых выборов главы государства, что естественным образом укрепляло его позицию в структурах власти. Победа Валенсы на президентских выборах усилила конфликт с парламентом, особенно с премьер-министром Мазовецким. В такой атмосфере прошли досрочные выборы в парламент – первые после Второй мировой войны вполне свободные выборы в Польше. Избранный парламент был весьма раздробленным, в его состав вошли представители 29 избирательных комитетов. В результате очередные коалиционные кабинеты министров не пользовались поддержкой большинства депутатов. Парламент был слабый, но в конфликте с президентом ни одна сторона не смогла взять верх.

Очередным важным этапом в эволюции политической системы Польши стало принятие в октябре 1992 г. Конституционного закона, определявшего отношения между законодательной и исполнительной властью, так называемой «Малой конституции». Она значительно расширяла полномочия президента, особенно в сфере исполнительной власти [8. С. 68]. Это решение должно было привести к конкретизации прерогатив главы государства и его прочной связи с аппаратом исполнительной власти. Изменения в отношениях между парламентом и президентом были незначительными и касались, прежде всего, возможности сокращения срока действия парламента. Закон определил четыре случая, в которых президент мог распустить Сейм и Сенат. Во-первых, когда безрезультативными оказывались четыре очередные попытки парламента сформировать правительство. Во-вторых, когда предлагаемый президентом кандидат на должность премьер-министра не был одобрен Сеймом. В-третьих, вследствие неприятия в течение трёх месяцев государственного бюджета. В-четвёртых, в случае отказа парламента в доверии правительству.

Компетенции парламента по отношению к главе государства сводились к признанию его неспособным к исполнению функций и возможности возбуждения процедуры импичмента (требовалось большинство, 2/3 голосов).

Государственный строй Польши в некоей степени напоминал политическую систему Пятой республики во Франции. Об этом свидетельствуют способ избрания президента, его активное участие в

формировании правительства и отсутствие политической ответственности перед парламентом.

Большие политические амбиции занимавшего в 1990–1995 гг. пост президента Л. Валенсы разжигали конфликт почти со всеми партиями, имеющими своих представителей в Сейме. В 1993 г. после распада второго подряд кабинета министров президент досрочно распустил избранный в 1991 г. парламент. На выборах в сентябре 1993 г. победу одержал посткоммунистический Союз левых демократов – социал-демократическая партия. Результаты выборов, а также острый конфликт Л. Валенсы с левым правительством привели к тому, что конституционная комиссия парламента предложила введение парламентской политической системы. Возникло мнение о необходимости ограничения полномочий президента [9. С. 244]. Проект нового Основного закона Республики Польша предлагал сохранение прямых выборов главы государства при значительном ограничении его прерогатив.

Процесс трансформации политической системы Польши после 1989 г. завершился принятием на референдуме в 1997 г. новой конституции. Документ поддержало 52,7% голосовавших при явке 42,9%. Против выступили деятели «Солидарности».

Согласно Основному закону компетенции президента можно разделить на организационные, инициативные и ограничивающие [10. С. 280]. К первой группе относится объявление выборов в Сейм и Сенат. Если истекает 4-х летний срок действия парламента, то президент объявляет выборы не позднее чем за 90 дней до конца срока. Если Сейм и Сенат распускаются досрочно, выборы проходят в течение 45 дней. К инициативным компетенциям президента относятся законодательная инициатива, объявление референдума, представление Сейму кандидата на пост председателя Национального банка. К ограничивающим компетенциям относятся право законодательного вето, направление законов в Конституционный суд и роспуск парламента. Конституция ограничила президентское вето, которое может быть отменено 3/5 голосов депутатов Сейма и не может касаться закона о государственном бюджете. Если согласно заключению Конституционного суда закон не противоречит конституции, президент обязан его подписать.

Конституция ограничивает компетенции президента по отношению к парламентам. В настоящее время роспуск Сейма и Сената возможен при условии, что неудачей завершаются три очередные по-

пытки формирования правительства либо в течение трёх месяцев парламентом не был принят бюджет.

Отношения между парламентом и президентом в Польше в период трансформации зависели не только от юридических решений, но в большой степени от политических условий [11. С. 26; 12. С. 214]. Значительное влияние имели отношения главы государства с парламентским большинством. У каждого президента (кроме нынешнего Бронислава Коморовского) возникали ситуации, когда он был вынужден сотрудничать с правительством другой политической ориентации.

Каждый из президентов воспользовался правом законодательного вето. Например, часто к нему прибегали Л. Валенса (24 раза) и Л. Качиньский (18 раз). В то же время президенты неактивно пользовались правом законодательной инициативы: Л. Валенса – 35 раз, А. Квасьневский во время двух сроков – 44 раза, Л. Качиньский – 47 раз. Остальные компетенции президента по отношению к парламенту находили применение крайне редко: президент только единожды в 1993 г. распустил Сейм и Сенат, также только один раз в 1996 г. по его инициативе был объявлен всенародный референдум. Парламент, в свою очередь, ни разу не признал главу польского государства неспособным к выполнению функций и не возбуждал процедуры импичмента.

В политической системе Польши в отношениях парламента и президента преобладают ограничивающие компетенции. На практике самое большое значение имеют прерогативы, связанные с блокированием законопроектов. Это требует от членов парламента создания больших коалиций, способных отменить президентское вето. В этих отношениях тяжело найти согласованность. С одной стороны, сильная приверженность поляков к прямому выбору главы государства обосновывает способ его избрания, с другой – высокий уровень легитимности президента ведет к конфликтам с парламентом. Таким образом, периоды острого соперничества между президентом и парламентским большинством стали неотъемлемой составляющей политической жизни Польши.

Литература

1. *Morlino L.* Democracy and Changes: How Research Tails Reality // *West European Politics*. 2008. № 1–2.

2. *Carothers T.* The End of Transition Paradigm // *Journal of Democracy.* 2002. Vol. 13, № 2.
3. *Kitschelt H.* Divergent Paths of Postcommunist Democracies // L. Diamond, R. Gunther. *Political Parties and Democracy.* Baltimore, 2001.
4. *Huntington S.* *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century.* Norman, 1993.
5. *Antoszewski A.* Przejście ku demokracji: analiza przypadku Polski // A. Antoszewski, A. Kolodii, K. Kowalczyk. *Transformacja w Polsce i na Ukrainie: Wybrane aspekty.* Wrocław, 2010.
6. *Antoszewski A.* *Demokryzacja III Rzeczypospolitej.* Wrocław, 2002.
7. *Ciapaia J.* Prezydent w systemie ustrojowym Polski (1989–1997). Warszawa, 1999.
8. *Alberski R.* Ewolucja relacji między władzą wykonawczą a ustawodawczą w Polsce // A. Antoszewski, A. Kolodii, K. Kowalczyk. *Transformacja w Polsce i na Ukrainie: Wybrane aspekty.* Wrocław, 2010.
9. *Witkowski Z.* *Prawo konstytucyjne.* Toruń, 1998.
10. *Garlicki L.* *Polskie prawo konstytucyjne. Zarys wykładu.* Warszawa, 2005.
11. *Gebethner S.* Parlamentarne i prezydenckie systemy rządów (porywnicza analiza politologiczna) // *Pacstwo i prawo.* 1994. № 7–8.
12. *Siomka T.* *Prezydent Rzeczypospolitej po 1989 roku. Ujście porywnawcze.* Warszawa, 2005.

Т.П. Шикер

ПРОБЛЕМА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В данной статье рассматривается проблема парламентаризма в Китайской Народной Республике. Анализируются основные проблемы, связанные с деятельностью Всекитайского собрания народных представителей, а также его взаимодействие с Народным политическим консультативным советом Китая. Определяются основные перспективы развития парламентаризма в КНР.

Ключевые слова: парламентаризм, Китайская Народная Республика, Всекитайское собрание народных представителей, Народный политический консультативный совет Китая.

Парламентаризм – это явление, которое зачастую ассоциируется с демократическими признаками и условиями определенной страны. Однако, как известно, парламент может существовать не только при демократии. В современном мире ярким примером может послужить Китайская Народная Республика, в которой высшим законодательным и представительным органом является Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП).

При рассмотрении ВСНП и его взаимодействия с другими политическими институтами следует выделить несколько важных признаков данного органа КНР. Во-первых, согласно Конституции Собрание является высшим органом государственной власти Китая. Данный фактор выделяет этот политический институт, а также демонстрирует его значимость для всей политической системы Китайской Народной Республики. Во-вторых, ВСНП избирает Председателя КНР, т.е. главу государства. Данный признак показывает одну из важнейших функций, выполняемых этим высшим законодательным органом страны. В-третьих, в период между сессиями функции ВСНП выполняет его постоянный комитет, призванный созывать Собрание один раз в год. Таким образом, Всекитайское собрание народных представителей является очень важным политическим институтом, входящим в структуру государственной власти КНР.

Проблема представительства в ВСНП является одной из основных проблем, связанных с политической системой Китая. Условно данную проблему можно разделить на 3 блока: этническое участие, некоммунистическое партийное участие, гендерное участие.

Что касается первого блока, то можно говорить об этническом участии в ВСНП как о механизме разрешения конфликтов, связанных с различными этническими меньшинствами. Так, сравнивая долю представителей определенных этносов на национальном уровне с возникающими этноконфликтами, можно проследить определенную тенденцию: при возникновении этноконфликтов в следующем составе ВСНП появляется больше депутатов, представляющих тот или иной этнос. И наоборот, в случае, если этноконфликты не проявляют себя определенный период, то состав следующего Собрания будет включать минимум этнических представителей. Стоит отметить, что при разговоре об этноконфликтах здесь имеется в виду широкий охват конфликтной ситуацией населения определенной территории Китая.

Ярким примером могут послужить события марта 2008 г., когда Тибет был охвачен массовыми беспорядками. Рассматривая данную ситуацию, можно проследить вышеуказанную тенденцию. Так, с 1993 по 2008 г. доля представителей этнических меньшинств в ВСНП снизилась с 14,8 до 13,8%. Это означает, что в Собрании за 15 лет количество депутатов, представляющих в том числе и Тибет, снизилось на 82 мандата. Данное обстоятельство можно причислить к факторам, которые так или иначе повлияли на ситуацию, возникшую в западной части Китая.

Что касается второго блока, то для того, чтобы сделать возможным участие некоммунистических партий в политической жизни страны, был сформирован Народный политический консультативный совет Китая. В него входят восемь некоммунистических партий, а также представители тех этнических групп, которые по определенным причинам не вошли в ВСНП. Стоит отметить, что в данном органе также присутствуют представители Коммунистической партии Китая. В целом НПКСК призван консультировать Собрание по различным вопросам. Что касается роли некоммунистических партий, то только через данный орган они могут влиять на принятие Собранием тех или иных решений. Некоторые исследователи рассматривают Совет как орган, созданный для возможности лоббирования собственных интересов бизнес-структур и этнических меньшинств в законодательные органы, в первую очередь во Всекитайское собрание народных представителей.

НПКСК, как и ВСНП, может выступать в роли механизма, регулирующего этническое участие в политике. По официальной статистике, за 1993–2008 гг. количество представителей этнических

меньшинств в НПКСК было следующим: 1993 г. – 493, 2003 г. – 415, 2008 г. – 41. Эти данные свидетельствуют об уменьшении доли участия представителей этнических меньшинств в Совете.

Третий блок демонстрирует проблему участия женщин как в ВСНП, так и в НПКСК. Доля женщин во Всекитайском собрании народных представителей в 1998 г. составляла 21,81%, а в 2003 г. – 20,2%. Что касается Народного политического консультативного совета Китая, то в 1995 г. доля женщин в нем составляла 22,07%, а в 2004 г. эта цифра достигла отметки в 32,43%. Исходя из вышеприведенных данных, можно говорить о том, что при снижении доли женщин в высшем законодательном органе Китае доля женщин в Совете существенно повышается. Данный факт говорит о том, что в НПКСК, помимо политического, этнического и экономического участия, начинает развиваться гендерное участие – участие женщин.

Таким образом, можно отметить следующие тенденции, касающиеся развития парламентаризма в Китайской Народной Республике:

1. В последнее время происходит расширение функций, которые выполняет парламент КНР – Всекитайское собрание народных представителей. Так, помимо основной, законодательной функции, ВСНП выступает в качестве механизма, регулирующего политические этнические процессы, происходящие в китайском обществе. Данное регулирование осуществляется, прежде всего, через этническое участие в Собрании.

2. Наблюдается увеличение значимости Народного политического консультативного совета Китая. Тот факт, что к 2008 г. доля участия в нем этнических меньшинств резко упала, говорит о повышении влияния данного органа, в том числе и на ВСНП.

3. Происходит развитие гендерной проблемы политического участия. В ВСНП наблюдается тенденция снижения доли женщин. В то же время на НПКСК была возложена функция обеспечения участия женщин в политике. Можно говорить о «перенесении» данной функции от Собрания к Совету.

Литература

1. *Lai H.* China's Ethnic Policies and Challenges // *East Asian Policy*. 2009. №1(2). P. 5–13.
2. *Susan V. Lawrence, Michael F. Martin.* Understanding China's Political System // Congressional Research Service. 2012. №10, May.
3. *Xiajuan Guo, Yongnian Zheng.* Women's political participation in China. The University of Nottingham. 2008, January.
4. *Yew Chiew Ping.* The Chinese People's Political Consultative Conference: co-opting social and political forces in a one-party state // EAI Background Brief 2011. No. 602.

М.И. Широченко

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В США: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье раскрыты особенности осуществления законодательного процесса в современных Соединенных Штатах Америки, особое внимание уделяется роли и функциям ключевых институтов в процессе, таким как Конгресс и Палата представителей. Обозначена перспектива проведения анализа особенностей принятия американскими политиками законодательных решений.

Ключевые слова: американский законодательный процесс, Конгресс США, внутренняя и внешняя политика.

Внутренняя политика современного государства во многом зависит от законодательного процесса как такового, протекающего в данном государстве. В США законодательным органом является американский Конгресс, один из трех высших федеральных органов государственной власти страны. Его полномочия определяются Конституцией США. Конгресс США является двухпалатным органом, состоящим из Сената и Платы представителей.

Сенат, верхняя палата, возглавляет ее сегодня вице-президент США Джозеф Байден, политик-демократ, включает в себя сто членов, по два от каждого штата, которые избираются сроком на шесть лет. Каждый сенатор имеет один голос, решение считается принятым, если за него проголосовало большинство. Председатель Сената может участвовать в голосовании лишь в тех случаях, когда голоса делятся поровну. Конгресс США собирается не реже одного раза в год, и его сессии начинаются в полдень 3 января, исключая случаи, когда законом американский Конгресс не назначит другой день.

Палата представителей – нижняя палата Конгресса США, возглавляемая спикером, которого избирают члены Палаты, сегодня это Джон Бейнер, республиканец. В палате каждый штат представлен пропорционально численности населения. Количество мест в Палате постоянно и составляет 435, и есть 6 неголосующих членов. Каждый из представителей штата работает в течение двух лет и может быть переизбран.

Заседает Конгресс США в Капитолии Вашингтона, в центре округа Колумбия.

Состав и полномочия американского Конгресса изложены в ст. 1 Конституции США. Например, одной из главных функций Палаты

представителей является принятие федеральных законов, действие которых распространяется на территории всех штатов. Билли, принимающиеся в Палате, также проходят обсуждение в Сенате и подписываются президентом США, прежде чем станут законом. Основное полномочие Палаты представителей – принятие законов, а Сената – кадровые назначения и контроль.

Американский законодательный процесс – строго регламентированная процедура принятия законов, резолюций и других документов на федеральном уровне, включающая в себя ряд последовательных этапов начиная с законодательной инициативы и внесения проекта нормативного акта в палаты Конгресса США для его обсуждения и заканчивая подписанием актов президентом страны, опубликованием и вступлением его в силу.

Если мы рассматриваем федеральный уровень как наивысший в Америке, то право законодательной инициативы как первоначальной ступени может исходить только от членов Конгресса США: могут вносить тексты биллей на рассмотрение в парламент. Даже американский президент не обладает прямым правом законодательной инициативы, но может опосредованно внести законопроект через членов Конгресса США от своей политической партии, чтобы они его внесли на рассмотрение в соответствующую палату [1], либо президент США может предложить свои законодательные идеи Конгрессу США в рамках ежегодных посланий о состоянии Союза (так называемое Послание нации) [2].

Сначала поступивший законопроект рассматривается в той палате, членами которой он был выдвинут, кроме финансовых биллей, которые могут исходить только от Палаты представителей Конгресса США. Также в американской практике законопроекты по одному и тому же вопросу могут быть предложены одновременно и сенатором, и членом Палаты представителей, рассматриваться сразу в обеих палатах. Такие акты в итоге имеют, как правило, двойные названия, например, поправка Джексона – Вэника и др. [2].

После того как законопроект внесен, он регистрируется служащим Палаты представителей/секретарем Сената Конгресса США, потом передается спикеру, направляющему его в профильный комитет, где законопроект подвергается более детальной проработке.

В нужных комитетах и подкомитетах осуществляется основная работа, связанная с детальным обсуждением билля, проводится его экспертиза, выявляются основные недостатки и вносятся необходи-

мые коррективы в текст самого законопроекта. При необходимости устраивают парламентские слушания, приглашают общественность для обсуждения, экспертов и представителей корпораций [3]. Также учитываются мнения компетентных государственных структур – Главного контрольного финансового управления и Административного бюджетного управления президента США по соответствию проекта закона президентскому курсу, при этом они не имеют решающего значения, а носят консультативный характер [4].

На заключительном этапе проводится заседание комитета по законопроекту, совершают итоговое голосование и готовят доклад Палате представителей Конгресса США с положительным/отрицательным отзывом, с рекомендацией отложить рассмотрение законопроекта либо он может быть без указанной рекомендации. При этом Палата представителей американского Конгресса вправе вернуть отложенный законопроект обратно на рассмотрение.

После чтений и заслушивания билль проходят процедуры согласия: если между палатами Конгресса США в ходе работы над законопроектом возникли расхождения по его содержанию/уместности поправок к нему, организуется комитет согласия, включающий одинаковое количество представителей от обеих палат Конгресса США, проводящие обсуждение лишь тех вопросов, которые стали предметами спора. Согласительный комитет работает до тех пор, пока палаты не придут к общему согласию, затем доклад комитета о взаимных договоренностях по предмету спора поступает в Палату представителей и Сенат Конгресса США, где ставится на голосование как единый документ, в него уже вносить изменения нельзя.

Здесь уместно будет упомянуть такую деятельность, как лоббизм, в американской политической практике, связанную с профессиональным оказанием влияния частных и общественных организаций на процесс принятия решений Конгрессом США по различным вопросам внутренней и внешней политики государства. «Считается, что такая деятельность не является нарушением независимости Конгресса, а приближает его к практическим потребностям заинтересованных лиц. В то же время известно, что лоббисты осуществляют не просто разъяснительную работу, а нередко и откровенный подкуп депутатов. Специальный закон требует регистрации всех лоббистов и их организаций, а также предоставления полных отчетов об их финансовых операциях. Тем не менее периодически возникают скандальные разоблачения» [1].

После того как законопроект принят обеими палатами Конгресса США, он поступает на подпись президенту страны, который должен будет подписать его в течение десяти дней. Со дня подписания закон вступает в силу, если, например, глава государства пропустит десятидневный срок, то билль автоматически становится законом и вступает в силу без участия президента США [2].

После подписания законопроекта президентом США, истечения определенного срока на вето Конституцией США/преодоления вето американским Конгрессом закон передается архивариусу США, а его копии публикуются в виде брошюр американской Правительственной службой печати.

Таким образом, как организация, так и деятельность Конгресса Соединенных Штатов Америки выражают идеи народовластия и представительной демократии. Деятельность Конгресса США тесно связана с общественностью, СМИ, в стенах его часто проходят важные обсуждения актуальных общественных и международных проблем. Однако более, считаем, стоит обратить наше внимание на оборону и внешние сношения, американский Конгресс ведает этими сферами: он имеет исключительное право объявлять войну, решать вопросы формирования, содержания и модернизации армии и флота, издавать правила по управлению сухопутными и морскими силами, объявлять призыв полиции для отражения вторжения на территорию США и др. Де-факто законами и резолюциями охвачена вся сфера военной и внешнеполитической деятельности США, их участия в функционировании международных организаций, что нередко порождает вмешательство Америки во внутренние дела других государств. За всю историю США только пять из приблизительно двухсот войн, в которых они участвовали, были объявлены Конгрессом США, отмечает российский ученый Б.А. Страшун [2]. Во всех остальных случаях палаты Конгресса США лишь санкционировали правомерность уже идущих военных операций. Примерами здесь могут послужить начало военных действий по распоряжению американских президентов Д. Эйзенхауэра в Ливане, Дж. Кеннеди на Кубе, Л. Джонсона в Доминиканской Республике, Дж. Картера в Иране, Р. Рейгана в Гренаде, Ливии, Персидском заливе, Дж. Буша в Панаме, Ираке. Поэтому, полагаем, данное обзорное исследование позволит автору в дальнейшем подтвердить полную и прямую причастность и законодательного органа США к проведению агрессивной внешней политики на мировой арене, чем мы и занимаемся, ис-

следуя современную американскую идеологию и политический режим.

Литература

1. *Конституционное* право зарубежных стран / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://krasinskiy.ru/Baglai.pdf>, свободный.

2. *Конституционное* (государственное) право зарубежных стран: Америка и Азия / под. ред. Б.А. Страшуна: в 4 т. Т. 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alleng.ru/d/jur/jur476.htm>, свободный.

3. *Galloway George G.* Development of the Committee System in the House of Representatives [Электронный ресурс]. Режим доступа : [http://www.jstor.org/discover / 10.2307/1846599?uid=3738936&uid=2129&uid=2134&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21103967912483](http://www.jstor.org/discover/10.2307/1846599?uid=3738936&uid=2129&uid=2134&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21103967912483), свободный.

4. *Sullivan John V.* How Our Laws Are Made : VI. Consideration by Committee [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CDOC-110hdoc49/pdf/CDOC-110hdoc49.pdf>, свободный.

Р.В. Шкута

СИЛА ПАРЛАМЕНТА: ОПЫТ УКРАИНЫ

Политический кризис на Украине отразился на системе государственной власти, произошла смена президентско-парламентской республики на парламентско-президентскую, что способствует объяснению понятия «сила парламента». Сила парламента заключается не только в действиях, но и в противодействиях.

Ключевые слова: парламент, парламентско-президентская республика Украина, Конституция Украины 2004 г.

Парламент имеет огромную силу. Это можно не замечать или не обращать на это внимание, но очевидно то, что это второе «лицо» после президента, а где-то и первое.

Изначально парламент был создан с целью контроля королевской власти народом. И в наше время контролирующая функция – это фундаментальная функция парламента. В мировой истории можно заметить, как более сильное государство поглощает парламента и использует его в своих целях, но есть и другие силы, которые могут захватить власть над парламентом и с его помощью творить историю государства. Американским сенатором Джеймсом Уильямом Фулбрайтом было сказано следующее: «Сила парламента проявляется не столько в том, что он может сделать, сколько в том, чему он может помешать» [1].

С 21 ноября 2013 г. в центре Киева на Майдане Незалежности началась многомесячная акция протеста, поводом для которой послужило то, что украинское правительство приостановило процесс подготовки к подписанию соглашения об ассоциации с Евросоюзом.

Судьба Украины разыгрывается перед нами. Что станет с Украиной, мы узнаем в скором времени. Стоит обратить внимание на отношения, разыгравшиеся между нынешним, или как думают другие, бывшим, но безоговорочно легитимным президентом Украины и парламентом. В событиях, происходящих на наших глазах, главенствующую роль заняла Верховная Рада. Для урегулирования ситуации на Украине было создано Соглашение об урегулировании политического кризиса на Украине между оппозицией и властью, в котором один из пунктов заключался в принятии Конституции Украины 2004 г. Радой было принято постановление о возобновлении действия Конституции Украины 2004 г. («За» проголосовали 325 народных депутатов). По Конституции Украины от 2004 г. Рада обретает

право формировать правительство. Верховная Рада может назначать премьер-министра, министра обороны, министра иностранных дел и председателя Службы безопасности из числа предложенных президентом кандидатур. Кроме того, этот вариант Основного закона страны увеличивает срок полномочий парламента с 4 до 5 лет [2].

В итоге можно говорить о том, что Украина становится парламентско-президентской республикой. О законности принятого решения можно долго спорить. Сам Янукович в заявлении 22 февраля, а также на пресс-конференции 28 февраля в Ростове-на-Дону говорил: «Решения в парламенте принимаются насильно, запугивание, забрасывание камнями, в прямом смысле их таскали на Майдан, чтобы тебе присягали. Это не работа парламента это работа Майдана. Под воздействием силовиков парламента голосует».

Также в одном из сюжетов телеканала «112 Украина» от 22 февраля 2014 г. в своем заявлении Виктор Янукович говорит о нарушении договора об урегулировании: «Верховная рада не легитимна и условие, которое не выполнено, смогло бы успокоить в значительной степени ситуацию и был бы начат процесс урегулирования, это выход из тупика».

Сейчас полномочия на Украине распределены между президентом, премьер-министром и парламентом.

Хочу обратить внимание на первые принятые законы парламента Украины, которые ставят под сомнение ее независимость и самостоятельность.

– Принята отставка В.В. Рыбака с должности председателя парламента. На эту должность избран депутат от фракции «Батькивщина» Александр Турчинов.

– Вечером 22 февраля 2014 г. Верховная рада приняла закон, декриминализирующий статью, по которой была осуждена Юлия Тимошенко. Экс-премьера Украины Юлию Тимошенко выпустили на свободу после почти трех лет тюремного заключения.

– Верховная Рада Украины проголосовала за отставку президента Украины Виктора Януковича и назначила досрочные президентские выборы на 25 мая 2014 г. Соответствующее постановление было зачитано спикером парламента Александром Турчиновым. В постановлении говорится, что в связи с тем, что Виктор Янукович самоустранился от исполнения обязанностей президента Украины, парламента вынужден объявить о досрочных выборах главы государства. Виктор Янукович заявил, что не признает решений парламента,

который принял постановление «О самоустранении Президента Украины от выполнения конституционных полномочий» [3].

Кризис, сложившийся на Украине, является ярким проявлением силы парламента, а говоря точнее, силы, сумевшей воздействовать на Верховную Раду.

Обратимся снова к цитате Джеймса Уильяма Фулбрайта, приведенной выше. Сегодня мы ярко видим то, как парламент, мягко говоря, мешал легитимной власти – власти Януковича. И перед нами не чистая сила парламента, не бунт парламента вследствие нарушения его прав, перед нами сила Евромайдана, сумевшая повлиять на силу Верховной Рады, сегодня парламент Украины всего лишь марионетка в руках грубого управляющего. И в эту марионетку поверило множество украинцев, находящихся в заблуждении, им навязана мысль о законности власти, которая таковой не является. Сила парламента оказалась в наихудших руках.

События, произошедшие на Украине, могут и должны стать международным опытом для парламентаризма. Как использовать этот опыт, решать каждой власти, однако нельзя забывать о том какой силой обладает парламент.

Литература

1. *Цитаты* и афоризмы [Электронный ресурс]. <http://cityat-super.ru/citati/citatiopotemamp/citatiopotemamp10.html> (дата обращения: 13.04.2014).
2. *Конституция Украины*. Редакция от 8.12.2004 г.
3. *Верховная Рада Украины*, официальный веб-портал [Электронный ресурс]. <http://rada.gov.ua/ru/news#>(дата обращения: 13.04.2014).

Я.Ю. Шашкова

ОБРАЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СМИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)¹

В статье доказывается зависимость негативного имиджа региональных органов законодательной власти в массовом сознании от особенностей их образа в информационном пространстве региона. Показано наличие дифференциации депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания по информационной активности, преобладание у большинства из них новостей, относящихся к их профессиональной деятельности, над сообщениями о депутатской работе. Отмечается незначительная роль партийных фракций в формировании положительного имиджа региональной легислатуры, слабое использование ими, как и депутатами, гарантированных законом возможностей для информирования избирателей о своей законотворческой деятельности.

Ключевые слова: законодательная власть, политические ориентации, СМИ, Алтайский край.

Обозначение современных режимов как медиакратий не случайно. Основным источником информации о большинстве социальных процессов являются СМИ, они же целенаправленно или стихийно формируют образ политических событий и организаций, на основании которых уже не только рядовые избиратели, но и политические акторы принимают решения, осуществляют действия, идентифицируют себя в пространстве политики. Как отмечал П. Бурдье, позиции на политическом поле конкретных политических агентов зависят не только от институциональной матрицы, но и от их символического капитала – престижа, репутации, уровня легитимности [1. С. 57]. Особенно это важно для сложносоставных объектов, к которым относятся органы законодательной власти. Они не поддаются «однозначной визуализации», их контуры и специфика «трансформируются в целостные образы в сознании людей под влиянием присутствующей в социуме информации об этих объектах и результате усвоения этой информации» [2. С. 360].

¹ Материал подготовлен в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-33-01001 «Информационные стратегии законодательных органов государственной власти как средство развития сферы публичной политики на региональном уровне (на примере регионов Юго-Западной Сибири)».

Законодательная власть никогда не играла самостоятельной роли в российской политической системе. Федеральная и региональные legislatures ассоциировались у избирателей с «бесполезной говорильней» и формой участия во власти «богатых» и амбициозных. В ходе трансформации политического режима в 2000-е гг. это мнение еще больше укрепилось.

Важным индикатором реакции общества на идущие процессы, его идентификации в политическом пространстве, фактором стабилизации и изменения институтов выступают показатели легитимности парламентов всех уровней. С точки зрения сторонников неоинституционализма рационального выбора, обладание достаточной степенью легитимности решает для политических институтов одну из важнейших проблем – поддержание эффективности и контроля их деятельности, поскольку люди берут эту задачу на себя [3. С. 43–92; 4. С. 50].

Уровень легитимности органов законодательной власти в нашей стране отличается заметным постоянством, только с отрицательным значением. Так, по данным опросов жителей Алтайского края, проведенных Центром политического анализа и технологий (ЦПАТ) Алтайского государственного университета, в 2012 г. Алтайскому краевому Законодательному Собранию (АКЗС) доверяло 5,2% респондентов, в 2013 г. – 6,17%. Значительную роль в формировании институционального доверия играет оценка эффективности функционирования политических институтов, в основном основанная на информации, полученной из СМИ. Тем более что 87% жителей Алтайского края, по данным опроса 2013 г., в той или иной степени интересуются политической ситуацией в регионе.

В связи с этим представляет интерес позиционирование Алтайского краевого Законодательного Собрания в региональном информационном пространстве. Для примера рассмотрим показатели за 1-е полугодие 2013 г., которое предшествовало указанному выше исследованию ЦПАТ. Объектом исследования выступили краевые печатные СМИ и интернет-издания как содержащие наиболее регулярную и подробную информацию о деятельности АКЗС и отдельных депутатов. Тем более что «контент традиционных СМИ в значительной степени стал определяться онлайн-процессами, а наиболее активная часть общества перемещается в интернет-пространство» [5. С. 152]. И сейчас среди доверяющих АКЗС 41% получают информацию о политике из интернет-источников, а 38% – из газет.

Весь массив отобранных сообщений был, в свою очередь, разделен на три группы – сообщения, в которых упоминались фамилии депутатов АКЗС, партийные фракции и публикации о деятельности Заксобрания в целом.

При ранжировании депутатов по информационной репрезентации выделилось несколько групп. К первой можно отнести 13 из 68 депутатов (19%), упоминавшихся в СМИ 3 и менее раз. Большинство из них упоминалось только в связи с кампанией подачи депутатами деклараций о доходах и/или ведением своего бизнеса. Вторую группу образуют 14 депутатов с 4–10 упоминаниями в СМИ. Данная группа достаточно разнородна. В ней, конечно, присутствуют депутаты, упоминаемые исключительно в контексте профессиональной деятельности (4 депутата), однако у остальных материалы об исполнении депутатских функций сочетаются с бизнес-материалами или даже преобладают над ними. Таким образом, 40% депутатов упоминалось в краевых СМИ до 10 раз за полгода, причем большинство из этих упоминаний носили нерегулярный характер.

К третьей группе могут быть отнесены 20 депутатов со средним уровнем упоминаемости (10–30 раз). Среди них – председатели и заместители председателей комитетов АКЗС, активные депутаты и депутаты, получившие известность из-за занятия бизнесом, партийной работой и т.д. И наконец, четвертую группу образуют 10 депутатов, которые упоминались в СМИ более 30 раз. В нее вошли заместитель председателя АКЗС, руководители «социальных» комитетов, фракций, депутаты, возглавляющие региональные отделения партий («Единой России», ЛДПР) или значимые социально-экономические структуры. Однако последние не всегда позиционировали себя в информационном пространстве как депутаты региональной legislatures.

Таким образом, применительно к большинству депутатов АКЗС правильнее говорить о персональной репрезентации в краевом информационном пространстве, которая периодически соотносится с их статусом депутата и работает больше на индивидуальную, чем на институциональную репутацию.

Кроме того, анализ информационного потока о деятельности АКЗС как центра принятия решений формирует убеждение в существовании формальной или неформальной монополии председателя на репрезентацию региональной legislatures и ее законотворческой активности. Об этом свидетельствуют количественные показатели –

с председателем АКЗС И.И. Лоором связано 138 сообщений, 72 из них (52%) содержат информацию и комментарии председателя о сессиях АКЗС, обсуждавшихся и принятых законах, проведенных региональным парламентом мероприятиях; 30 (22%) – об участии И.И. Лоора в различных мероприятиях от имени АКЗС 17 (12%) – поздравления председателя с различными праздниками. Об аграрном профессиональном прошлом И.И. Лоора напоминало 11 интервью и комментариев (8%) о состоянии и перспективах сельского хозяйства в стране и крае.

Помимо депутатов в информационном пространстве Алтайского края была представлена и деятельность фракций. Количество сообщений, которые мы посчитали возможным отнести к данной категории, не существенно отличается по фракциям: 19 – о «Справедливой России», 28 – о КПРФ, 31 – об ЛДПР, 33 – о «Единой России». Большинство из них касалось подготовки фракциями вопросов к ежегодному отчету губернатора А.Б. Карлина и выдвижения ими кандидатов на пост уполномоченного по правам человека.

Что касается общей информации о деятельности АКЗС, то она отражала все направления работы. За первое полугодие 2013 г. в печатных и интернет-изданиях было опубликовано 109 сообщений о законотворческой деятельности региональной легислатуры, 4 отчета председателей комитетов, 18 сообщений о проведенных руководством и депутатами АКЗС совещаниях, семинарах, парламентских уроках, 8 – об участии АКЗС в решении проблем избирателей.

На этом фоне скорее отрицательную реакцию населения вызывали новости о ремонте и открытии нового здания Парламентского центра, в которых сообщалось о значительных суммах на закупку мебели, оборудования, штор и т.д. Укреплению негативных установок населения в отношении Заксобраний способствовали и широко освещаемые в СМИ скандалы с депутатами, связанные с возбуждением уголовных дел по факту мошенничества в бизнесе, коррупции, источников доходов.

Таким образом, можно констатировать, что региональная легислатура неравномерно представлена в информационном пространстве Алтайского края. Преобладание персонального PR депутатов отражает трансформацию политики в условиях информационного общества, однако только укрепляет представление граждан об органах законодательной власти не как механизмах политического представительства общественных интересах, а как способе решения депута-

тами личных проблем и проблем делегировавших их групп интересов, что в конечном итоге не приводит к легитимации законодательных собраний и принимаемых ими политических решений.

Литература

1. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
2. *Кудашева Ю.В.* Политическое позиционирование: содержание и проблемы теоретической рефлексии // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: ежегодник 2012. М., 2012.
3. *Панов П.В.* Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006.
4. *Кокарев К.П.* Легитимность институционального порядка // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: ежегодник 2012. М., 2012.
5. *Володенков С.В.* Информационно-коммуникационная революция и ее влияние на современный политический процесс // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: ежегодник 2012. М., 2012.

М.М. Кисляков

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье автором установлена взаимосвязь между процессом организации и проведения выборов, региональной политической идентичностью и региональной политикой идентичности. Показано, что чем сплоченнее региональное политическое сообщество и выше уровень его самосознания, тем больше возможностей для проведения демократических выборов.

Ключевые слова: региональные выборы, региональная политическая идентичность, региональная политика идентичности.

В современной политической жизни регионов России особое место занимают вопросы организации и проведения выборов, их взаимосвязь с региональной политической идентичностью и региональной политикой идентичности. Видимо, не случайно эти проблемы привлекают внимание российских исследователей.

Проблемы организации и проведения региональных выборов, вопросы формирования региональной идентичности, проведения региональной политики идентичности нашли отражение в научной литературе. В качестве примера могут быть приведены работы известных специалистов в области российской политической регионалистики В. Гельмана, Е. Поповой, Н. Петрова, Р. Туровского и ряда других [1–4]. В трудах названных исследователей освещены как общетеоретические, так и практические аспекты региональных выборов. При этом авторы не рассматривали взаимосвязь региональных выборов с проблемами региональной политической идентичности и региональной политикой идентичности.

Тема региональной политической идентичности достаточно основательно раскрыта в докторской диссертации В.М. Суханова «Региональная политическая идентичность: теоретический анализ состояния, перспективы развития» [5]. Этой же проблеме посвящена кандидатская диссертация А.А. Алаудинова «Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности» [6]. Вопросы региональной политической идентичности рассмотрены в ряде статей. Так, например, теоретические аспекты региональной политической идентичности освещены в статье Т.А. Корниенко [7. С. 61–69]. В приведенных исследованиях ав-

торами также не ставилась задача выявления взаимосвязи между региональными выборами и региональной политической идентичностью, региональной политикой идентичности. Отчасти эти вопросы получили освещение в исследованиях ученых Казанского федерального университета. На протяжении последних трех лет проблемы политической идентичности всесторонне проанализированы в коллективной работе «Политическая идентичность и политика идентичности» преподавателями философского факультета этого университета, а также в ходе проведения круглых столов, дискуссий [8, 9].

Автор данной статьи считает необходимым дать ответы на следующие вопросы: каково состояние, проблемы и перспективы процесса организации и проведения выборов в регионе, какое влияние на них оказывают региональная политическая идентичность и региональная политика идентичности.

Прежде всего, хотелось бы остановиться на том, какие подходы существуют к анализу региональных выборов в российской научной литературе. Так, одни авторы считают, что специфика региональных выборов проявляется через особенности региональной политической и партийной систем. Другие авторы связывают избирательные кампании в регионах со всеми политическими событиями, относящимися к выборам. На наш взгляд, региональные выборы протекают на трех уровнях, а именно федеральном, региональном и местном. При этом на каждом уровне выборы отличаются по составу участников, по форме и содержанию и по моделям электорального поведения избирателей. Так, на федеральном уровне в выборах активное участие принимают политики федерального уровня. На региональном уровне в избирательных кампаниях участвуют в основном политики регионального уровня. Однако иногда включаются и политики федерального уровня, как это было в 1998 г. на выборах губернатора Красноярского края. На местном уровне в ходе выборов принимают участие политики местного уровня. Процедура выборов на региональном уровне, как известно, претерпела существенные изменения. Это коснулось как выборов глав исполнительной власти, так и выборов депутатов регионального законодательного органа. В последние годы мы вновь возвращаемся к тому, что губернаторы краев и областей России будут избираться.

Какие можно выделить проблемы при подготовке и проведении выборов в регионах России? В числе основных: выражение недоверия региональным властям и рост регионального абсентеизма; ис-

пользование административного ресурса, применение «грязных» технологий на выборах и др. Причины этих проблем кроются в том, что избиратели в регионах уклоняются от участия в выборах в основном в связи с тем, что не верят в честность их результатов, не верят тому, как они организуются и проводятся. Возникает вопрос: как региональная идентичность может повлиять на исход выборов?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разобраться с содержанием понятия «региональная политическая идентичность». Пока в российской политологической литературе не сложилось единой точки зрения относительно понимания сущности региональной политической идентичности. Одни авторы, и в их числе В.М. Суханов, считают, что в основе формирования региональной политической идентичности лежат социокультурные, политические и духовные условия конкретного региона. По мнению В.М. Суханова, «идентичность – это самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что человек обладает качествами, отличающими его от других. Идентичность можно понимать как определенную устойчивость социокультурных, национальных и цивилизационных параметров, создающих социальную интегрированность и ощущение самоидентичности у народа. Идентичность позволяет сохранить преемственность и оказывается источником целостности и развития, определяет поведение людей» [10. С. 19]. Несколько иная точка зрения у других исследователей. Так, исследователь А.А. Алаудинов считает, что «идентичность – один из наиболее эффективных механизмов мобилизации, побуждающий людей к коллективным действиям» [11. С. 2].

Определенный научный интерес относительно того, как рассматривать идентичность представляет позиция З.В. Силаевой. По ее мнению, в научной литературе приняты три основных подхода к понятию «идентичность», это примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский подходы. В рамках примордиалистского подхода, считает З.В. Силаева, идентичность рассматривается в качестве жестко фиксированной и ригидной характеристики, которую индивид получает от рождения, любые изменения которой неестественны и навязаны человеку. Как отмечает далее автор, представители этого подхода не могут объяснить случаи возникновения новой идентичности, в частности региональной. С точки зрения сторонников инструменталистского подхода, идентичность представляет собой

подвижную и ситуативно-обусловленную характеристику. Она определяется структурным контекстом и изменяется под действием концептуальных переменных (политических и экономических) или манипулирования. Идентичность рассматривается как исторический феномен.

И наконец, исследователи, использующие конструктивистский подход, считают, что идентичность формируется окружающей группой или средой, теми угрозами и теми возможностями, которые в ней содержатся. Идентичность рассматривается как политический феномен, связанный с процессом модернизации, конструируется политическими элитами и способствует интеграции и мобилизации масс [12. С. 185–186]. Как считает исследователь З.В. Силаева, конструктивистский подход позволяет понять идентичность как процесс интеграции разрозненных социальных групп и сегментов в единое целое, так как выступает основным условием консолидации любого общества, что обеспечивает преемственность общественного развития и способствует мобилизации населения на совершение действий, в том числе и политических [Там же]. Можно согласиться с позицией З.В. Силаевой и провести аналогию с процессом формирования региональной политической идентичности. На современном этапе развития регионов в них происходят модернизационные процессы, которые также требуют интеграции и мобилизации населения на совершение разумных коллективных политических действий. Они могут проявиться через поддержку демократических политических сил, стремящихся к осуществлению реформ во всех сферах жизни общества. Таким образом, можно определить перспективы взаимосвязи региональных выборов и региональной политической идентичности, а также региональных выборов и региональной политики идентичности. Чем более сплоченным будет региональное политическое сообщество, чем выше уровень регионального политического самосознания, тем больше будет возможностей для подготовки и проведения истинно демократических выборов.

Литература

1. Гельман В.Я., Попова Е.В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003.

2. Петров Н.В. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003.

3. *Туровский Р.Ф.* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999.
4. *Туровский Р.Ф.* Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб., 2003.
5. *Суханов В.М.* Региональная политическая идентичность: теоретический анализ состояния, перспективы развития: дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009. 430 с.
6. *Алаудинов А.А.* Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности : дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 188 с.
7. *Корниенко Т.А.* Теоретические аспекты политической идентичности // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: история, регионоведение, международные отношения. 2009. №2.
8. *Политическая идентичность и политика идентичности: очерки* / под ред. О.И. Зазнаева. Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань: Отечество, 2011. 230 с.
9. *Гражданская и политическая идентичность: концепты и практики: материалы круглого стола по проблемам идентичности* / под ред. А.Г. Большакова, О. И. Зазнаева; Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань : Отечество, 2012. Вып. 1. Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии. 72 с.
10. *Суханов В.М.* Региональная политическая идентичность: теоретический анализ состояния, перспективы развития: дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009.
11. *Алаудинов А.А.* Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013.
12. *Силаева З.В.* Государственная идентичность Боснии и Герцеговины // Политическая идентичность и политика идентичности: очерки / под ред. О.И. Зазнаева; Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань: Отечество, 2011.

С.А. Шпагин

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В СВЕТЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ 2012–2013 ГГ.

Статья посвящена анализу изменений партийно-фракционного состава органов законодательной власти российских регионов. Показано значение новых норм партийного законодательства для расширения состава участников региональных выборов и представительных органов. На основе количественного анализа региональных выборов доказывается, что формальный рост количества партий, участвующих в них, не приводит к развитию межпартийной конкуренции в составе депутатского корпуса, поэтому новые условия выборов не изменили формата региональных партийных систем в России.

Ключевые слова: выборы, законодательные собрания, политические партии.

В период между федеральными выборами одним из главных индикаторов динамики партийной системы, парламентаризма и политического процесса в современной России в целом выступают региональные и муниципальные выборы. Наиболее показательными в этом отношении являются основные выборы в законодательные органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Их результаты позволяют судить как о сравнительной активности политических партий, так и об их влиянии на законодательную власть.

К началу 2012 г. партийный состав законодательных собраний большинства регионов страны представлял собой почти полный аналог общероссийской партийной системы. В региональных парламентах, как правило, присутствовали все федеральные парламентские партии, изредка разбавленные депутатами из АПР, «Патриотов России» или «Зеленых». Крупнейшей фракцией всех законодательных органов субъектов Федерации была «Единая Россия».

Как известно, в 2012 г. федеральные власти пошли на смягчение норм партийного законодательства в части определения условий регистрации партий. Это привело к быстрому росту их количества. К началу октября 2012 г. число зарегистрированных партий достигло 40, из них 31 партия получила право участвовать в выборах [1]. В октябре следующего года общее количество зарегистрированных партий достигло 70. По данным Минюста, на 13 марта 2014 г. в Рос-

сии насчитывалось уже 76 зарегистрированных политических партий [2].

Эти изменения по-разному оцениваются в научной литературе. Часть исследователей полагает, что «либерализация» партийной системы обусловлена не поворотом правящего режима в направлении демократизации российской политики, а куда более прагматичными соображениями, связанными, главным образом, с желанием сохранить доминирование «Единой России» в представительных органах власти [3. С. 133]. Многие из вновь создаваемых партий оцениваются ими как манипулятивные политтехнологические проекты, призванные оттянуть голоса у левых парламентских партий [4. С. 149–150]. Однако есть и другое мнение: обновление партийного законодательства в 2012 г. стимулировало начало нового этапа «представительной многопартийности», на котором многообразие партий позволяет лучше представить новые интересы граждан [5. С. 21].

В течение 2012–2013 гг. основные выборы региональных ассамблей проводились дважды: 14 октября 2012 г. были избраны полные составы шести региональных парламентов, а 8 сентября 2013 г. – еще 16 представительных органов региональной власти. Естественно, что результаты выборов внесли в их состав определенные изменения. Для анализа этих изменений используем данные о результатах региональных выборов, размещенные на интернет-сайтах ЦИК РФ [6] и региональных парламентов.

Наиболее очевидная тенденция состоит в увеличении количества партий и их отделений в регионах. В региональных выборах 2011 г. могли участвовать не более 7 партий, а реально участвовало, как правило, 4. Уже на выборах региональных парламентов в 2012 г. в каждом регионе насчитывалось от 11 до 17 партийных списков, а в 2013 г. их количество варьировалось уже в диапазоне от 8 в Хакасии до 22 в Смоленской области и Бурятии. В общей сложности в выборах региональных парламентов со своими списками приняло участие 44 партии, а с учетом депутатов, избранных по одномандатным округам, – 54 [5].

Естественно предположить, что столь значительное расширение «партийного меню» повлечет за собой обострение межпартийной конкуренции на выборах или хотя бы её появление. Однако это ожидание оправдалось лишь частично. По меньшей мере в 5 регионах (Башкортостан, Чечня, Кемеровская, Пензенская и Саратовская об-

ласти) прошли явно неконкурентные выборы. Об этом отчетливо свидетельствует индекс эффективного числа электоральных партий (ЭЧП_Э), рассчитанный по формуле М. Лааксо и Р. Таагеперы. Во всех перечисленных регионах этот показатель составил менее 2, т.е. все оппозиционные партии, вместе взятые, не смогли составить конкуренцию «Единой России». Своеобразный рекорд был установлен на выборах в 2013 г. в Кемеровской области и Чечне, где ЭЧП_Э составил всего 1,34. В то же время благодаря увеличению общего количества региональных отделений партий выборы во многие законодательные собрания вполне могли сойти за конкурентные. На выборах 2012 г. ЭЧП_Э превышал 3 в половине регионов, а в 2013 г. – в 10 из 16. Более того, в 7 субъектах Федерации этот показатель колебался от 4,15 до 4,75, что свидетельствует об умеренной фрагментации партийной системы

Однако фрагментация слабо коснулась состава региональных парламентов. Несмотря на рост количества партий в регионах и формальное расширение рамок политического плюрализма, степень конкурентности органов законодательной власти даже снизилась. Во вновь избранных парламентах 6 регионов «партия власти» располагает теперь более чем 90% мандатов. И только в четырех регионах из избранных за последние два года у неё менее 70% мест, это Бурятия, Калмыкия, Северная Осетия и Иркутская область. По показателю эффективного числа парламентских партий (ЭЧП_П) законодательные собрания, избранные в этот период, не отличаются друг от друга: только в Калмыкии и Северной Осетии этот показатель превышает 2.

Средний уровень голосования за «партию власти» в 2013 г. снизился по сравнению с предыдущими выборами только на 8% голосов и составил 54,14%. Это позволило «Единой России» в основном сохранить свои позиции, а в ряде регионов даже упрочить их. В 2012 г. этот показатель снизился всего на 0,13%, причем в 3 регионах из 6 «Единая Россия» получила даже больше голосов, чем на предыдущих выборах. Если в Северной Осетии «партия власти» получила на 16,5% голосов меньше, чем в 2007 г., то в Саратовской области – больше на 17,14%.

Представительство федеральной парламентской оппозиции, за исключением КПРФ, тоже стало несколько слабее. «Справедливая Россия» впервые провела своих депутатов в законодательные собрания Ярославской области и Чечни, но потеряла часть мест в иных регионах, а еще в восьми вообще утратила представительство. Депу-

таты ЛДПР остались в 14 региональных парламентах из 22 избранных, но в половине из них – только поодиночке. Однако и здесь результаты голосований 2012 г. и 2013 г. несколько различаются. В 2012 г. суммарный показатель голосования за парламентскую оппозицию снизился в среднем на 9,55%, а в 2013 г. – только на 1,38%.

Старые непарламентские партии показывают разные результаты. «Патриоты России» активно участвуют почти во всех выборах и провели своих депутатов в 6 законодательных собраниях. Причем фракция этой партии в Северной Осетии – вторая по численности после «Единой России». «Яблоко» вновь активизировалось и выдвинуло списки в 9 регионах, но нигде не добилась успехов. А список «Правого дела» участвовал лишь в трех выборах с крайне слабым результатом.

Среди восстановленных партий обращает на себя внимание относительный успех «Российской партии пенсионеров за справедливость», которая провела по одному депутату в представительные органы Бурятии, Ивановской и Смоленской областей. Более скромные достижения на счету еще трех партий («Родина», РПП – ПАРНАС и РЭП «Зеленые»).

Среди принципиально новых партий лидером является «Гражданская платформа», представленная теперь в парламентах четырех регионов. Причем в двух из них (Иркутской области и Калмыкии) её депутаты даже создали небольшие фракции. Появились свои региональные депутаты и у четырех других новых партий. Не это ли обстоятельство побудило «Единую Россию» в конце 2013 г. добиться ускоренного принятия «закона Клишаса» о повышении проходного барьера на региональных выборах?

Таким образом, выборы свидетельствуют о перегруппировке в региональных сегментах партийной системы. Позиции «Единой России» в региональных парламентах усилились. Однако усиление это было достигнуто не столько за счет прироста голосов, сколько путем мобилизации независимых кандидатов и манипуляций с избирательными системами. Парламентская оппозиция понесла небольшие потери, а утраченные голоса и места достались, главным образом, старым или восстановленным непарламентским партиям. Достижения новых партий (например, «Гражданской платформы») пока редкость.

Отчетливо видны различия двух волн выборов. В 2012 г. парламентские партии почти монополизировали представительные орга-

ны, а среди непарламентских успеха смогли добиться только «Патриоты России». В 2013 г. наблюдается экспансия непарламентских партий: среди региональных парламентов появились как двух-, так и шести- и даже семипартийные. Впрочем, на господстве «Единой России» это не отразилось. Так что вывод о начале «представительной многопартийности» делать еще рано.

Литература

1. *Любарев А.Е.* 40+ // Независимая газета. 2012. 16 окт.
2. *Сведения* о политических партиях, зарегистрированных Министерством юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://cikrf.ru/politparty/>, свободный (дата обращения: 14.03.2014).
3. *Любарев А.Е.* Перспективы развития партийной системы в свете политических реформ 2012 г. // *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра* / под ред. Ю.Г. Коргунока, Г.М. Михалевой. М., 2012. С. 131–138.
4. *Попова О.В.* Перспективы малых партий в современной России // *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра* / под ред. Ю.Г. Коргунока, Г.М. Михалевой. М., 2012. С. 145–157.
5. *Российская* партийная система: текущее состояние и перспективы развития: доклад Фонда развития гражданского общества. М., 2013. 52 с.
6. *Сведения* о проводящихся выборах и референдумах [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.vyboru.izbirkom.ru/region/izbirkom>, свободный (дата обращения: 12.03.2014).

К.А. Безбрилова

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается место региональной идентичности по отношению к всемирным процессам глобализации и универсализации, ее роль, а также выявление культурных, идентификационных, социальных и иных составляющих, меняющихся по мере усиления одной из сил: процессов глобализации или регионализации.

Ключевые слова: *региональная идентичность, регионализация, глобализация, универсализация.*

Интерес к региональной идентичности в последнее время набирает обороты, причина этого кроется в экономических, культурных, политических, социальных и иных факторах. Дело в том, что формирование региональной идентичности в целом способствует консолидации общества, в результате чего регион приобретает статус более конкурентоспособного и перспективного субъекта, способного выступать в качестве сильного участника как на межрегиональном и федеральном уровнях, так и на международной арене. Стоит сказать, что под региональной идентичностью понимаются «переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной системы локальной общности, формирующие «практическое чувство» (самосознание) территориальной принадлежности индивида и группы» [1. С. 44], в процессе и результате функционирования политического региона у его жителей формируется и воспроизводится общая для всех идентичность [2. С. 97]. Это значит, что сила и консолидированность региона зависят от населения, способного в той или иной мере идентифицировать себя с территорией собственного проживания.

Не будем останавливаться на методах формирования и подкрепления региональной идентичности, а также на используемых инструментах, скажем лишь о том, что в основании идентичности лежат различные факторы в зависимости от уникальности территории: ее история, традиции, ценности, культура, доминирующая этническая группа, религиозные верования и т.д., способствующие становлению региона как уникального (отличного от других) благодаря процессу самоидентификации населения вокруг данных особенностей.

В зависимости от уровня проявления региональной идентичности мы можем выявить два основных ее вида: экстравертный и интравертный [3. С. 21]. В первом случае региональная идентичность

является разновидностью более широкой государственной или же национальной идентичности, а во втором наблюдается возвышение статуса региона, вплоть до появления сепаратистских наклонностей. Таким образом, региональная идентичность может стать угрозой для целостности государств, что говорит о силе, заложенной в основании региона, акцентирующей внимание на деинтернационализации мирового пространства.

В противовес процессу регионализации выступает глобализация, определяющаяся в зависимости от точек зрения авторов по степени корреляции как от нового стимула, способствующего развитию общества в экономической, политической, социальной сфере посредством информационной открытости, вплоть до силы, способной разрушить национальные традиции путем создания гомогенной глобальной культуры [4. С. 112]. В предельном смысле глобальное общество будущего будет представлять собой «единое общество, экономику и культуру, объединяющие весь земной шар... где географические барьеры и политические границы ни от чего не ограждают» [5. С. 10–11].

Суть глобализации заключается в универсализации мирового пространства посредством различных способов. Так, Ф. Фукуяма в работе «Конец истории и последний человек» [6] обращает внимание на культурную сторону вопроса – общество придет к единой западноевропейской системе, к размытию культурных и географических границ в противовес культурным особенностям стран и входящих в них регионов благодаря созданию лингвистически гомогенного общества; по его мнению, национальная идентичность как раз и препятствует интегрированию мирового сообщества [7. С. 99]. Дж. Ритцер в работе «Макдонализация общества» [8] характерно описывает будущее как универсализованный мир, где в любом уголке Земли можно посетить «Макдональдс» и оказаться в стандартизированном месте, которое ничем не отличается от других, расположенных по всему земному шару. Похожую точку зрения об универсализации мирового пространства высказывает Э. Тоффлер в работе «Футуришок». Многочисленные прогнозы, высказанные в этих и иных работах, посвященных глобализации и универсализму, описывают весьма пессимистичные прогнозы относительно будущего: впереди ждет универсализованный мир без культурного многообразия.

Многие авторы отмечают, что благодаря развитию средств массовой коммуникации возникает возможность взаимного проникновения культурных образцов и общих нарративов в глобальном масштабе [9. С. 80], поэтому СМК можно назвать одним из главных средств глобализации. Навязанные обществом, различными культурами символы, стили порождают особое отношение и, прежде всего, поведение индивидов, которое непосредственным образом влияет на процесс самоидентификации людей, в том числе и на процесс самоотнесения себя с географическими / территориальными границами проживания, культурными особенностями, национальным самосознанием, религиозными верованиями, а также с окружающими людьми, которые равным образом имеют свою идентичность. Глобализация порождает культуру массового общества [9. С. 83], где в качестве идентичности человека выступает сопричастность к этой массе, получающей информацию из одних и тех же источников (например, через Интернет).

Так какой же выбор может сделать человек? В случае сильного самосознания региона, а также высокого уровня региональной идентичности индивид не оставит без внимания принадлежность к «своему» региону; в случае усиливающихся процессов глобализации и низкого уровня региональной идентичности (как следствие – традиций) индивид обратит внимание, прежде всего, на массовую культуру и социальную идентификацию, нежели чем сопричастность к традициям.

Какое же место занимает региональная идентичность по отношению к усиливающимся процессам глобализации? Одна сторона, региональная идентичность, будучи феноменом, укрепляющим культурные особенности «малой родины», может оказаться под угрозой другой стороны – глобализации. В зависимости от того, насколько будет велико значение региональной идентичности в социуме, настолько прогнозы авторов, упоминаемых в статье, будут склоняться в сторону неоднородности и фрагментарности мирового пространства. В таком случае можно сказать о зависимости элементов друг от друга: чем выше уровень региональной идентичности, тем менее эффективно распространяется процесс глобализации (имеется в виду аспект размывания государственных и культурных границ) и наоборот. Поэтому региональная идентичность и ее место в контексте глобализации могут оказаться весомым аргументом в

аспекте сохранения культурных особенностей, а могут раствориться под натиском универсальных стандартов и норм.

Литература

1. *Корепанов Г.С.* Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития // *Власть. Сер. Социология*. М., 2009. № 1. С. 43–50.
2. *Полосин А.В.* Политический регион: опыт операционализации и концептуализации понятия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 200 с.
3. *Усягин А.В.* Политическое управление и его территориальные аспекты: российский опыт. Н. Новгород, 2005. 257 с.
4. *Пустовойтова Е.П.* Странники и критики процессов глобализации в современной социально-политической мысли: Россия и США // *Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США: сб. науч. тр.* Калининград, 2003. С. 112–131.
5. *Девятко И.Ф.* Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: к социологической теории глобального общества // *Глобализация и постсоветское пространство: (Аспекты 2001)*. М., 2001. С. 8–38.
6. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: Ермак, 2005. 558 с.
7. *Струкова Т.Г.* Проблемы глобализации и современный роман // *Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США: сб. науч. тр.*, 2003. С. 98–112.
8. *Ритцер Дж.* Макдонализация общества. М.: Праксис, 2011. 592 с.
9. *Абрамов Р.Н.* Массовизация как культурный феномен глобального общества: Российский и Европейский контекст // *Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США: сб. науч. тр.* Калининград, 2003. С. 71–85.

А.И. Девятярова

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В РАБОТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ¹

На основе систематизации данных о присутствии женщин в депутатском корпусе региональных парламентов Алтайского края и Томской области в статье проведен сравнительный анализ тенденций участия представительниц данной гендерной группы в законодательной деятельности.

Ключевые слова: *региональные парламенты, гендерный состав.*

Вопрос присутствия женщин в сфере законотворчества имеет немаловажное значение при анализе представительного потенциала региональных парламентов. Следует отметить, что участие данной гендерной группы в процессе принятия законодательных решений очень разнится по регионам, о чем свидетельствует сравнительный анализ состава депутатских корпусов legislatures Алтайского края и Томской области в 1990–2000-е гг.

В Алтайском крае женщины имели представительство в каждом созыве регионального парламента. Их минимальное представительство наблюдалось в I созыве: получившие мандат Н.Ф. Логинова и Н.П. Данилова составили чуть менее 5% депутатского корпуса [1]. Однако уже в сформированной в 1996 г. legislature присутствие женщин увеличилось вдвое, причем все они имели профессиональную принадлежность к бюджетной сфере – по 2 работника здравоохранения и образования [2]. Обозначившаяся тенденция профессиональной ориентации женщин-депутатов имела свое продолжение и в III созыве: наряду с ведущим референтом фракции КПРФ в Госдуме Н.П. Даниловой мандаты получили хирург кардиоцентра И.В. Солнцева и администратор центра досуга молодежи в Рубцовске Т.И. Вервекина [3].

При этом социальные характеристики женщин-депутатов имели четкую корреляцию с выбором области законотворчества в рамках конкретных организационных структур: их активность в алтайском парламенте II и III созывов была сосредоточена исключительно в комитете по социальной политике, председателем которого в 2000–2004 гг. являлась Н.П. Данилова.

¹ Подготовлено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-33-01001.

Изменения в составе рассматриваемой категории законодателей связаны с введением пропорциональной избирательной системы для определения не менее половины депутатского корпуса.

После выборов 2004 г. число женщин возросло до 7 (10%) с 3 человек (6%) в созыве 2000 г., область их профессиональных интересов расширилась, выйдя за рамки традиционной «социалки». В легислатуру вместе с имевшими депутатский опыт Н.П. Даниловой и И.В. Солнцевой вошли 2 главврача, председатель общественной организации «Центр социальной поддержки и защиты граждан «Милосердие», депутат Барнаульской гордумы Е.А. Абрамова, а также замначальника ГУП «Автодор» Н.Г. Рудакова и гендиректор ЗАО «Сибирская земля» Е.В. Ключникова [4]. Однако «звездным», имея в виду его женский состав, можно назвать следующий созыв алтайского парламента. Во-первых, число депутатов-женщин возросло до 10 человек (15%), что до сих пор является максимальным для региона показателем. Во-вторых, половина из них имели опыт разработки и принятия законотворческих решений, что обеспечивало преемственность и задавало определенный уровень работы. В-третьих, социально-профессиональные характеристики данной группы депутатов были весьма разнообразны: врачи, бизнес-леди, пенсионер, многие имели руководящий опыт работы [5]. Некоторые из них смогли продлить свои полномочия еще на один срок в 2011 г. В числе 4 новичков – заместитель директора школы Е.А. Гергель, спортсмен-инструктор по лыжным гонкам Т.В. Ильюченко, руководитель администрации гендиректора ОАО «Федеральный научно-производственный центр «Алтай» И.Г. Теплова, помощник депутата АКЗС, депутат Рубцовского горсовета И.П. Шудра [6].

Отмеченные изменения социально-профессиональной принадлежности депутатов нашли отражение и в расширении сфер законотворческой деятельности. Уже в IV созыве краевого парламента женщины работали не только в 2 социальных комитетах, которые и возглавляли, но и в комитете по бюджету, налоговой и кредитной политике и комитете по местному самоуправлению. Работа 4 женщин из 10 в следующем созыве была сосредоточена в бюджетном комитете, по 2 входили в состав комитетов по здравоохранению и науке и социальной политике (работой последнего руководила И.В. Солнцева), во главе комитета по местному самоуправлению встала С.И. Штань, а Л.А. Сулова вошла в состав аграрного комитета. В 5 из 7 комитетов разработкой решений занимаются и женщины-депутаты VI созыва,

однако в качестве руководителя работает только Е.А. Гергель – она курирует комитет по социальной политике.

Иная картина участия женщин в работе регионального парламента наблюдалась в Томской области. Женщины-депутаты областного уровня появились здесь лишь после выборов в 1997 г., по результатам которых мандаты получили трое (около 7% от всего депутатского корпуса) – С.А. Колмогорова, Е.М. Собканюк и Т.В. Юрьева. В отличие от Алтайского края профессиональная принадлежность этой части томского депутатского корпуса не была связана с бюджетно-социальной сферой: депутатские полномочия исполняли соответственно замглавы районной администрации, директор ТОО «Карьероуправление» и директор Ассоциации крестьянских фермерских хозяйств «Ягодное» [2]. Отметим, что Е.М. Собканюк является депутатом, непрерывно занимающимся законодательной деятельностью на протяжении 4 созывов. Так, в облдуме, сформированной в 2001 г., она стала одной из 2 женщин, удачно прошедших выборы, составив, таким образом, вместе с проректором университета И.Е. Никулиной 5% от числа всех законотворцев [7].

Впрочем, наблюдается определенное сходство тенденций изменения численных характеристик рассматриваемой категории депутатов: как и в Алтайском крае, увеличение женской части томской ассамблеи связано с переходом на смешанную избирательную систему. В состав регионального парламента IV созыва наряду с Е.М. Собканюк и И.Е. Никулиной вошли заместитель директора автономной некоммерческой организации «Ассоциация студенческих педагогических отрядов» Н.И. Гуданцева, заместитель директора школы Н.В. Кириллова и заместитель генерального директора по социальным вопросам ЗАО «Сибирская аграрная группа» Г.Г. Немцева. Таким образом, представительство женской части населения в депутатском корпусе возросло и составило около 12% [8]. Несколько изменилась ситуация после формирования облдумы V созыва в 2011 г.: половина из 4 занявших места в ассамблее женщин уже имели депутатский стаж, еще 2 мандата получили имевшие политический опыт помощник депутата гордумы Н.Г. Барышникова и первый заместитель губернатора области О.В. Козловская [9].

Учитывая особенность социально-профессиональной принадлежности томских женщин-депутатов, сфера их деятельности в рамках законодательного органа власти изначально не была сконцентрирована на сугубо социальных вопросах, некоторые комитеты да-

же находились под их руководством. Так, во II созыве сразу 2 женщины из 3 встали во главе комитетов по труду и социальной политике (С.А. Колмогорова) и по экономической политике (Т.В. Юрьева), в IV И.Е. Никулина курировала работу правового комитета, а О.В. Козловская стала спикером Законодательной Думы области V созыва.

Подводя итог, следует отметить проявление общих тенденций участия женщин в работе региональных парламентов Алтайского края и Томской области. Во-первых, существование определенной гендерной асимметрии в легислатурах в пользу мужской части населения, наблюдаемое по сей день. Во-вторых, общее для обоих регионов минимальное присутствие или полное отсутствие женщин-депутатов в легислатурах первых созывов и постепенное усиление их позиций, в том числе с точки зрения количественных характеристик, одновременно с дифференциацией их социально-профессиональной принадлежности и, как следствие, законотворческих интересов. В-третьих, увеличение доли рассматриваемой гендерной группы в обоих случаях связано с изменением принципов формирования законодательных органов власти субъектов РФ в середине 2000-х гг. Вместе с тем говорить об унификации процессов участия женщин в законотворческой деятельности не представляется возможным вследствие влияния специфических особенностей политического и культурного развития конкретной территории.

Литература

1. *Грани времени: от краевого Совета к Законодательному Собранию. 1939–2009.* Барнаул, 2009.
2. *Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ. 1995–1997.* Электоральная статистика. М., 1998.
3. *Выборы в органы государственной власти субъектов РФ. 1997–2000.* Электоральная статистика: в 2 т. 2001. М., Т. 2.
4. *14 марта 2004 года – выборы депутатов Алтайского краевого Совета народных депутатов // Избирательная комиссия Алтайского края.* URL : <http://www.altaiterg.izbirkom.ru/WAY/A35C6BD3-E606-42C8-9A47-24ADDAF4C200.html>
5. *Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания (2008 г.) // Центральная избирательная комиссия РФ.* URL : <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&vtn=2222000207029®ion=22&prver=1&pronetvd=1>
6. *Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания шестого созыва (2011 г.) // Центральная избирательная комиссия РФ.* URL: <http://www.ву>

bory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&vrn=2222000424378®ion= 22& prver=1&pronetvd=1

7. *Государственная Дума Томской области 2001–2007 гг. III созыв* // Законодательная дума Томской области. URL : <http://duma.tomsk.ru/page/2/>

8. *Законодательная Дума Томской области. IV созыв (2007–2011)* // Законодательная Дума Томской области. URL : <http://duma.tomsk.ru/page/20713/>

9. *Выборы депутатов Законодательной Думы Томской области пятого созыва* // Центральная избирательная комиссия РФ. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&vrn=2702000203710®ion=70&prver=0&pronetvd=0>

А.А. Дубиненко

**О ПУБЛИЧНОСТИ ДЕПУТАТОВ-БИЗНЕСМЕНОВ
В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ
И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДУМЫ
ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ И ДУМЫ АЛЕКСАНДРОВСКОГО
РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье исследуется уровень осведомленности населения об участии депутатов региональных и муниципальных представительных органов в деятельности бизнес-структур через анализ сообщений с упоминаниями депутатов в СМИ. Собраны и обобщены данные о процентном соотношении задействованных в коммерческой деятельности и не участвующих в ней депутатов Законодательной Думы Томской области и думы Александровского района. Сравниваются показатели публичности региональных и муниципальных депутатов с целью выявления зависимости степени открытости деятельности депутатов от их территориальной удаленности от областного центра.

Ключевые слова: *Томская область, Александровский район, бизнес, депутаты, публичность.*

Очевидно, что сегодня бизнес оказывает огромное влияние на политику. В России влияние бизнеса на политическую жизнь стало колоссальным со времени перехода государственной собственности в руки частных лиц. Когда бизнесмены получили доступ к огромному количеству различных ресурсов, они стали полноправными участниками политического процесса. Представители бизнеса постоянно взаимодействуют с государственными органами и должностными лицами, и характер таких взаимодействий нередко является скрытным и неоднозначным. В числе исследователей, именно так описывающих характер участия бизнеса в политическом управлении, можно назвать Г.Ю. Клочкову [1]. В связи с этим данная тема представляется интересной, исследователи видят необходимость прояснения различных аспектов взаимодействия бизнеса и власти.

Результаты опроса студентов томских вузов и университета Колумбо, проведенного автором данной статьи, показали, что в обществе господствует мнение о том, что депутаты склонны скрывать свою связь с бизнесом, если таковая имеется [2]. Кроме того, данный опрос показал, что единого мнения о том, есть ли зависимость меж-

ду территориальной удаленностью органа власти от центра и открытостью депутатов, в нем работающих, нет. В связи с этим целью настоящей работы является выявление степени публичности депутатов, задействованных в сфере бизнеса, а также зависимости данного показателя от территориальной отдаленности представительного органа.

Под степенью публичности в данной работе понимается процент газетных публикаций, в которых упоминается о связи депутатов с бизнесом. В свою очередь, бизнес в рамках данной работы – это крупные коммерческие структуры, малый и средний бизнес и другие формы организаций, главная цель которых – достижение прибыли. Кроме того, в контексте данной работы понятие «бизнес» также включает в себя государственные и муниципальные предприятия, занимающиеся хозяйственной деятельностью с целью получения прибыли. Соответственно, понятия «депутаты-бизнесмены», «представители бизнеса», «депутаты, связанные с бизнесом» далее будут употребляться в качестве синонимов и обозначать депутатов, задействованных в работе названных выше структур.

Методология работы включает в себя статистические методы, контент-анализ СМИ, выведение среднеарифметической величины, дескриптивный метод, формально-логические методы, анкетирование.

Для достижения вышеуказанных целей были проанализированы все выпуски общественно-политической газеты Александровского района «Северянка» [3] и областной еженедельной газеты «Томские новости» [4] за период с сентября 2012 по март 2013 г.

Анализ биографических данных депутатов, предоставленных на официальных сайтах соответствующих органов позволяет сделать вывод о том, что 50% депутатов Законодательной Думы Томской области из тех, что на протяжении всего периода исследования находились в должности, являются представителями бизнеса. В Думе Александровского района данный показатель равен 57%.

Результаты исследования показали, что о причастности областных депутатов к деятельности в сфере бизнеса довольно открыто сообщается в СМИ. Так, информация о причастности депутатов к бизнесу содержится в 54% сообщений. Однако в большинстве из них не говорится о том, что этот человек является еще и депутатом, что может попросту запутать читателя. Оба статуса вместе в рамках одного информационного материала упоминаются лишь в 21% сообщений за весь год. Также на большое количество упоминаний об

экономической активности областных депутатов в указанный период повлияла предвыборная кампания действующего мэра города Томска И.Г. Кляйна, который на протяжении всего анализируемого периода оставался депутатом Думы. Однако это не умаляет открытости томских СМИ. Представляется, что проведение предвыборной кампании, основанной на привлечении внимания к статусу директора коммерческого предприятия, является достаточно смелым шагом, учитывая негативное отношение россиян к выходцам из бизнес-среды, которое, судя по результатам выборов, изменилось.

Что же касается районных депутатов, то на этом уровне степень публичности существенно снижена. Информация о причастности депутатов к бизнесу содержится лишь в 21% сообщений. А сообщений, указывающих на то, что депутат имеет отношение как районной Думе, так и к коммерческим структурам одновременно, вовсе нет. Отчасти это можно объяснить тем, что немалую долю информационных сообщений, содержащих упоминания о депутатах, составляют официальные акты (постановления, решения, графики приема населения и т. п.), для которых утверждена единая форма, которая не предусматривает перечисления всех сфер деятельности депутатов. Однако за указанный период публиковалось немало сообщений, не носящих столь официального характера, и потому вывод о низком уровне публичности коммерческой деятельности районных депутатов все же можно считать правомерным.

Таким образом, исследование показало, что степень публичности депутатов, связанных с бизнесом, имеет зависимость от их удаленности от областного центра. Однако, что может показаться странным, более открытыми являются депутаты, трудящиеся ближе к центру. Среди участников упоминавшегося выше опроса ближе всего к истине оказались 12% томских и 13% ланкийских студентов.

Для большей наглядности приведем данные, полученные С.В. Расторгуевым в результате схожего исследования [5]. Средний показатель публичности по Центральному федеральному округу составляет 43%. Сравнив данный результат с тем, что мы получили в Томской области, становится очевидным, что последний значительно выше. Все это говорит о том, что СМИ Томской области достаточно открыто освещают бизнес-происхождение депутатов законодательного органа региона. Такие результаты могут служить не только демонстрацией особенностей медийной среды Томской области. Они свидетельствуют о том, что здесь, в отличие от многих

областей средней полосы России, тесная связь депутатского корпуса с предпринимательским сектором не является негативным фактором формирования репутации региональных политиков, хотя данные показатели на районном уровне являются более низкими.

Результаты данного исследования могут представлять интерес не только для наших сограждан, но и для представителей иных государств, поскольку результаты анкетирования, проведенного за рубежом, говорят о том, что и за пределами России люди считают связь бизнеса с властью скрытым явлением.

Литература

1. Клочкова Г.Ю. Политическая ответственность бизнеса [Электронный ресурс] // НИА Нижний Новгород. Электрон. текст. дан. Режим доступа: <http://niann.ru/?id=301680> (дата обращения: 01.02.2014).

2. Дубиненко А.А. Политические ориентации студентов вузов развитых и развивающихся стран: сравнительный анализ (на примере России и Шри-Ланки) // Наука. Технологии. Инновации // Материалы Всерос. науч. конф. молодых ученых: в 10 ч. Новосибирск, 2013. Ч. 9. С. 80–82.

3. *Северянка*. Общественно-политическая газета Александровского района. 2012. № 70–71; 2013. № 16.

4. *Томские новости*. Областная еженедельная газета. №35(647), 07.09.12; №34(697), 29.08.13.

5. *Расторгуев С.В.* Инкубенты-бизнесмены в областной законодательной власти в Центральном федеральном округе. 2000–2011 гг. // Полис. 2012. № 4. С. 117–126.

И.В. Кирдяшкин

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО ДВИЖЕНИЯ¹

В статье рассматривается проблематика идеологической компоненты молодежного парламентского движения в РФ. Выделяется потенциальная направленность этой компоненты.

Ключевые слова: молодежный парламент, политическая социализация молодежи.

Молодежное парламентское движение обладает двоякой функцией: передача интересов молодежи и переложение их в общезначимые цели и программы развития; артикуляция потенциальных потребностей и ценностей человека политического, способных выступить основой социального единства общества будущего.

В эту стратегию входит момент формирования источников политической общности, которые бы смогли сбалансировать новые формы многообразия возможностей выбора, стилей жизни молодежи. Сложность их соорганизации требует должного опыта и политического образования у молодых парламентариев. Между тем сравнение эффекта молодежного парламента и парламентских структур как таковых вряд ли корректно.

Молодежное парламентское движение – это и часть культурной практики современной молодежи, основой и важной целью которой является коммуникация, осуществляющая селекцию смыслов и ценностей молодого человека. Такие виды современных практик исследователи именуют солидарностями, обозначающими структуры эмоциональных связей, кристаллизующихся на фоне текучести современной культуры. Солидарность, пишет Е. Омельченко, – это особая современная форма молодежной социальности, ядром которой является разделяемая и практикуемая (прямо или опосредованно) жизненно-стилевая стратегия, преодолевающая разграничение занятости и досуга, выходящая за рамки территорий, предписанных временем (дом, работа, улица). Солидарности как формы культурных практик играют центральную роль в формировании связей, при-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-13-70001.

вязанностей, которые придают смысл жизни молодежи [1. С. 59]. Молодежный парламент – один из институтов переработки переживаний молодежью политической реальности, позволяющий *политическому* состояться в будущем, представляя систему селекции политических событий.

Для молодежного парламентского движения важно артикулировать образ и ценности будущего гражданина, которые могли бы стать «сквозными» ценностями жизни, базовыми для выбора в политике, способными генерировать колебания ключевых параметров конкретного политического мира. Среди современных концептов человека будущего выделяются те, которые непосредственно ассоциируются с институтами демократии. Культура молодежного парламентаризма складывается из определений приоритетов гражданской позиции человека, ведущим измерением которой является понятие свободы. Оно составляет сущностную потребность человека, предполагающую стремление к трансценденции, «перешагивающей» рост противоречий происходящего, презентуя опору на «сверхъестественный» аспект реального.

Тяга к трансцендированию проявляется сегодня, как замечает Г.Л. Тульчинский, в большей части в радикализме. Он формирует, в частности, тренды «фундаментализма», «революционаризма», являющиеся проявлением неприятия и отталкиванием плоского мира [2. С. 61]. Эти тренды формируют в молодежной среде конгломераты солидарностей, связанных властью архетипов. Они позволяют преодолеть ситуации риска и неопределенности как свойства современности. Свобода как программа политического участия и параметр измерения политической реальности несет в себя два понимания.

И. Берлин считал, что, во-первых, это «свобода от чего-либо», или «негативная свобода». Свобода в этом определении стремится освободиться от внешнего принуждения. Эта свобода – освобождение от внешнего контроля, авторитета. Во-вторых, это «свобода для чего-либо», или позитивная свобода. Она обращает внимание на то, для чего нужна личностная, это социально-политическая свобода [3. С. 20]. Свобода, будучи проявлением тяги современного человека к трансценденции, имеет под собой набор смысловых границ, сформированных информационной средой, сферой межличностных взаимодействий.

Наиболее заметным эталоном современного гражданина становится его образ, где гражданское участие обретает вид активной по-

зиции, которая завоевывает для реализации своего проекта действительности социально-политическое, экономическое пространство. В этом действии уже «по-новому» ограничивается «свобода». Гражданин обретает статус политической силы, которая противостоит проекту другой политической реальности. Это противостояние ставит человека в позицию исключительности, «избранности» без учета последствий деятельности. Идея «избранности» человека, общества или цивилизации может нести не только благо, но и отрицание человека и его образа жизни. В условиях радикализирующегося модерна в политике человек может сводиться к вещи, что радикально снижает легитимность политической власти, делая ее зависимой от «погоды» в глобальном мире.

Между тем российские условия произрастания власти, сопряженные, главным образом, с ее охранительной функцией, сформированной сложной исторической судьбой русского народа, формируют несколько иное понимание ведущих приоритетов гражданина. В частности, это понимание предполагает культуру участия, смысл которой состоит в недопущении превращения человека в жертву. Гражданин не «возвышается» над нуждающимся, он ему равен.

Это понимание гражданственности отвечает роли православной культуры в урегулировании насущных проблем современного глобализирующегося общества с его индивидуализацией и тенденциями рискогенности любых политических событий. А.С. Панарин считает, что подлинный лик свободы предполагает величайшую, всеохватную ответственность за всех живущих на земле и природу планеты в целом. Свобода есть не расслабленность, а величайшее сосредоточение, величайшее напряжение духа [4. С. 465]. Исследователь отстаивает позицию, в основе морали которой лежит христианская сострадательность. Она противопоставляется морали успеха, презумпции доверия к сильнейшему презумпцией доверия в слабейшему [4. С. 490].

В образах классиков русской литературы (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский и др.) доносится понимание того, что свобода включает в себя помощь ослабленному, теряющему свой облик человеку. Гражданин в контекстах православной культуры подобен подвижнику, у которого героическое «сплавляется» с идеей служения обществу. Исторически эта интенция составила «почву», к примеру, деятельности российских земских учреждений, идеологии русского скаутского движения, советских молодежных движений. Гра-

жданнин в контексте российской культурной традиции – не «исключительный», не «избранный», не конкурент другому гражданину, он – со-участвующий во всем происходящем в мире.

Российская культурная традиция утверждает недопустимость сведения человека к управляемой вещи. Это грозит «бунтом» человека, не желающего мириться с этим, инспирирует нарушение политического порядка. Предотвращение этого исхода может быть основано на процессах повышения роли политического образования в обществе, а также расширении и углублении «контактности» человека и политического порядка, основанного на ценностно-смысловой направленности этих процессов как исходного начала открытия горизонта и критерия «взросления» политического поведения.

Литература

1. *Омельченко Е.* Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социс. 2013. №. 10. С. 52–59.
2. *Тульчинский Г.Л.* Современность: имманентность и поиски трансценденции // Философские науки. 2013. № 5. С. 54–66.
3. *Шуберт К.* Границы гражданского общества // Гражданское образование. Гражданское участие. Гражданский выбор: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.И. Щербинина. Томск, 2011. С. 11–33.
4. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.

В.А. Копышенко

СОВРЕМЕННОЕ МОЛОДЕЖНОЕ ПАРЛАМЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы представительной активности российской молодежи, феномен молодежного парламентаризма, уникальный опыт и задачи молодежного парламента Томской области, его взаимодействие с законодательной властью региона.

Ключевые слова: молодежное движение, молодежный парламент, интересы молодежи.

В настоящий момент в Российской Федерации созданы и осуществляют свою деятельность 79 региональных молодежных парламентских органов [1. С. 1]. Это 79 общественных консультативно-совещательных структур молодёжи, функционирующих при органах государственной власти или в установленном ими порядке и представляющих права и законные интересы молодежи как особой социальной группы. По инициативе и при участии молодежных парламентов в большинстве регионов России были приняты профильные законы о государственной молодежной политике, о государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений, о содействии занятости молодежи, о защите нравственности детей и молодежи, о государственной поддержке молодых ученых, реализовано огромное число социальных, образовательных, культурных и региональных, окружных, федеральных и даже международных проектов.

Но с чего же все начиналось? Выделяют следующие основные этапы развития молодежного парламентаризма в России:

1. С начала 1990-х гг. до 2002 г. – этап хаотичного развития молодежного парламентаризма в регионах.

2. С 2002 по 2006 г. – этап развития молодежного парламентаризма на федеральном уровне и в регионах на основе Рекомендаций по развитию молодежного парламентаризма в России, разработанных Минобразования.

3. С 2006 г. по настоящее время – этап, обусловленный изменениями в избирательной системе России и обновлением подходов в области государственной молодежной политики [2. С. 5].

Итак, первый толчок в развитии молодежный парламентаризм получил в середине 90-х гг. XX в. Всеобщая демократизация,

декларированный переход к гражданскому обществу и правовому государству позволили многим общественным процессам встать на новый качественный уровень. В 1991 г. были приняты законы об общественных объединениях, свободе совести. Функционирование общественных объединений приобрело тогда не разрешительный, а регистрационный характер. В 1993 г. Конституция РФ в ст. 30 закрепила право на объединение, тем самым законодательно обеспечивается важное условие осуществления политической свободы и стимулируется развитие демократических начал в обществе. Со временем нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность общественных объединений, расширилась. Все это как нельзя лучше способствовало активному становлению общественного движения в России, в том числе и молодежного. Первые молодежные парламенты возникали по инициативе небольших групп молодых людей. К сожалению, зачастую эта инициатива не находила поддержки власти и оставалась на уровне идеи. Однако из года в год количество молодёжных консультативно-совещательных структур при региональных органах государственной власти росло. Властями субъектов России с каждым годом всё больше внимания стало уделяться молодёжной политике и поддержке молодёжного парламентаризма [3. С. 1].

Открытая дискуссия по вопросам молодежного парламентаризма в России началась в марте 1999 г. в Институте молодежи (МосГУ) в рамках круглого стола «Молодежный парламент – механизм реализации молодежной политики, интересов молодежи через участие в выборах всех уровней». В январе 2003 г. в Рязани прошел I Всероссийский семинар-совещание «Развитие молодежного парламентаризма в Российской Федерации», ознаменованный выпуском материалов по его итогам об опыте работы молодежных парламентских структур в регионах России. Важной составляющей семинара-совещания стала разработка Рекомендаций по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации, на основе которых в дальнейшем были созданы молодежные парламентские структуры в большинстве субъектов Российской Федерации [3. С. 1]. 24 апреля 2003 г. в регионы было направлено Инструктивное письмо Министерства образования РФ №2 «О развитии молодежного парламентаризма в субъектах Российской Федерации». Данный документ был призван способствовать созданию новых и

совершенствованию уже созданных в субъектах России молодежных парламентских органов [2. С. 1].

В 2004, 2005, 2006, 2007 гг. прошли первые Всероссийские форумы молодых парламентариев, где были подготовлены такие документы, как Рекомендации по взаимодействию молодежных парламентских структур с избирательными комиссиями разного уровня (2005 г.), Концепция по участию молодежи в развитии российских территорий (2006 г.). Они также легли в основу развития молодежного парламентаризма [4. С. 1]. Большая нормативно-правовая база была создана за эти годы на региональном уровне, поскольку молодежный парламентаризм начал складываться преимущественно в субъектах РФ. Тем не менее до сих пор молодежный парламентаризм не закреплен как институт в федеральном законодательстве.

Важным шагом в развитии молодежного парламентаризма в России было создание Общественной молодежной палаты при Государственной Думе Федерального Собрания РФ, начавшей работу 28 октября 2002 г. Данная консультативно-совещательная структура была создана для изучения проблем молодежи в Российской Федерации, для содействия Государственной Думе в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи и имела целью обеспечить взаимодействие между органами государственной власти и молодыми гражданами. Учреждение Общественной молодежной палаты при ГД РФ показало положительную тенденцию в поддержке развития молодежного парламентаризма со стороны государства на федеральном уровне [5. С. 1]. Молодежная палата состоит из избранных на заседаниях региональных молодежных парламентов представителей молодежи. ОМП при ГД РФ успешно функционирует и до сих пор: на данный момент в нее входит 54 представителя от субъектов РФ.

Этапным в развитии молодежного парламентаризма в России стало и создание в 2004 г. Молодежной парламентской ассамблеи при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. Ассамблея была представительным, постоянно действующим совещательным органом при Совете Федерации, выполняющим задачи по взаимодействию Совета Федерации с молодежными парламентами субъектов РФ, молодежными общественными объединениями РФ по вопросам государственной молодежной политики. Каждый созыв формиро-

вался сроком на 2 года. В состав МПА по аналогии с Советом Федерации Федерального Собрания РФ, входили два представителя от региона, по одному от исполнительной и законодательной ветви власти [6. С. 1]. Пик работы Ассамблеи пришелся на 2009 г., Год молодежи, когда вместо запланированных двух заседаний состоялось четыре.

Еще одним знаковым событием стало учреждение осенью 2008 г. всероссийской общественной организации «Ассоциация молодежных парламентов России». Как раз на этот период (2007–2009 гг.) пришелся пик развития парламентаризма по субъектам РФ, проходило большое число специализированных форумов. Причиной этому стало в том числе и принятие в 2009 г. на VI Всероссийском форуме молодых парламентариев резолюции, обозначившей миссией молодежного парламентского движения РФ участие в определении вектора развития страны через представительство молодежи во власти, а целями – создание действенных механизмов включения молодежи в процессы принятия решений и формирование молодежной политики в Российской Федерации [7. С. 1].

Непродолжительный спад активности развития молодежного парламентаризма в России пришелся на 2010–2011 гг. Изменения в избирательном законодательстве, произошедшие в 2011 г., дали новый толчок движению: в молодежном парламенте почувствовали потребность. Как и взрослый парламентаризм, молодежный в 2011–2012 гг. претерпевал ряд изменений, после же 2012 г. парламентаризм снова активизировался: на него обратила внимание сначала федеральная, затем и региональная власть, снова стали проводиться региональные и межрегиональные форумы и площадки. Чуть раньше, в середине 2011 г., впервые в России молодежный парламент Томской области получил право законодательной инициативы. Этот прецедент стал примером и для других регионов: на данный момент прямое право имеют парламенты в 5 субъектах РФ. Другие тренды в молодежном парламентаризме последних лет – это реализация федеральных проектов (например, «Россия моей мечты», «ЗаконоТВОРЕЦ» и др.), введение прямых выборов в парламентах различных субъектов, популяризация форумов как инструментов для взаимодействия, развитие муниципальных сетей парламентов.

Важным для молодежного парламентаризма оказался декабрь 2012 г., когда правопреемником «Ассоциации молодежных парла-

ментов России» стала всероссийская общественная организация «Единое молодежное парламентское движение Российской Федерации» [8. С. 1]. Целью деятельности движения является содействие развитию и обеспечению взаимодействия молодых парламентариев и молодежных парламентских структур, действующих в Российской Федерации. Вместо же закрытой Молодежной парламентской ассамблеи была учреждена Палата молодых законодателей при Совете Федерации Федерального Собрания РФ в качестве постоянно действующего консультативного органа. Основными задачами Палаты молодых законодателей являются:

- содействие деятельности Совета Федерации в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи;
- выработка рекомендаций и подготовка предложений по законодательному решению проблем, затрагивающих права и законные интересы молодежи.

Палата молодых законодателей формируется из молодых депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и/или представительных органов муниципальных образований в возрасте от 18 до 35 лет включительно. Органы государственной власти субъектов РФ направляют в состав Палаты молодых законодателей по два молодых депутата: по одному от законодательного (представительного) и от исполнительного органов государственной власти субъекта РФ [9. С. 1]. Так, основными силами, движущими и развивающими молодежный парламентаризм, стали три структуры: Единое молодежное парламентское движение РФ, Палата молодых законодателей при Совете Федерации Федерального Собрания РФ и Общественная молодежная палата при Государственной Думе РФ.

Что же касается молодежного парламента Томской области, положение было утверждено 30 сентября 2004 г. по инициативе председателя Государственной Думы Томской области Б.А. Мальцева. С 2006 г., впервые в России статус Молодежного парламента закреплен региональным законом (Закон Томской области «О Молодежном парламенте Томской области»).

Как уже говорилось выше, молодежный парламент Томской области – один из немногих в России парламентов, являющийся субъектом права законодательной инициативы (в соответствии со ст. 63 Устава (Основного закона) Томской области). При непосредственном участии парламентариев Законодательной (Государст-

венной) Думой Томской области были приняты десятки нормативно-правовых актов, многие из которых, конечно же, касаются молодежи. Наиболее значимыми из них стали: Закон Томской области «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений на территории Томской области»; Поправки к Закону Томской области «О социальной поддержке студентов, обучающихся в государственных высших учебных заведениях на территории Томской области, по оплате проезда»; был принят первый в России Закон «О Молодежном парламенте Томской области» и регламент молодежного парламента. Молодежный парламент был подготовлен пакет документов по проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный Закон «О наркотических средствах и психотропных веществах».

За 9 лет работы молодежный парламент разработал не только множество законодательных инициатив, но и реализовал более 80 социально значимых проектов, областного и городского масштабов. При участии его членов проведено более 450 акций, мероприятий, круглых столов, конференций, встреч с представителями власти и общественности. Совместным трудом стал областной молодежный конкурс работ на тему «Если бы я был депутатом». В настоящее время в рамках молодежного парламента успешно функционируют проекты «Balalife Tv», «Сотая страница», «Юниор Лига КВН Томска и Томской области» и др.

Литература

1. *Интернет-портал* всероссийского молодежного парламентского движения России. URL: <http://newparlament.ru/workspaces/stat/1> (дата обращения: 06.03.2014).
2. *Пастухова Л.С.* Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества. М., 2007.
3. *Старостина Е.* Развитие молодежного парламентаризма. URL: <http://www.newparlament.ru/tribune/view/304> (дата обращения: 06.03.2014).
4. *Молодёжный парламентаризм.* Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC (дата обращения: 06.03.2014).
5. *Фурсов О.Б.* Создание общественной молодежной палаты при Государственной Думе Федерального Собрания РФ и основные направления её деятельности. Самара, 2005.

6. *Первое* заседание Молодежной парламентской ассамблеи при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://www.portal-uspeha.ru/portal/agency/news/index.php?news=332> (дата обращения: 06.03.2014).

7. *Резолюция* VI Всероссийского форума молодых парламентариев. URL: <http://www.newparlament.ru/docs/view/15> (дата обращения: 05.03.2014).

8. *Возжаев С.* О 5-летию Организации. URL: <http://www.newparlament.ru/tribune/view/4751> (дата обращения: 06.03.2014).

9. *О создании* Палаты молодых законодателей при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://www.newparlament.ru/news/view/11285> (дата обращения: 06.03.2014).

Н.М. Беляева

МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОЦЕДУРА ФОРМИРОВАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

В статье рассматривается опыт развития молодежного парламентаризма в регионах России, а также трансформация процедуры формирования молодежных парламентских структур и ее влияние на характер их функционирования. Автор размышляет о роли молодежного парламента в качестве субъекта выработки молодежной политики в регионе.

Ключевые слова: молодежный парламентаризм, выборы, представительство, система делегирования.

В рамках официальных нормативно-правовых документов молодежный парламентаризм рассматривается как система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанная на создании и функционировании при органах государственной (муниципальной) власти общественной консультативно-совещательной структуры молодежи – *молодежного парламента*. Основной целью развития молодежного парламентаризма выступает привлечение молодежи к активному участию в жизнедеятельности государства, к разработке и реализации эффективной молодежной политики.

Во многих странах Европы существуют молодежные парламенты или аналогичные им структуры, главной целью которых является, как правило, представление и защита прав молодежи на уровне центральной власти, участие на национальном и местном уровне в разработке законов, касающихся молодежи, а также налаживание международного сотрудничества между молодежными организациями всего мира. На сегодняшний день молодежные парламентские структуры действуют в Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Ирландии, Исландии, Испании, Италии, на Кипре, в Латвии, Литве, Люксембурге, в Мальте, в Нидерландах, Норвегии, Португалии, Румынии, Словакии, Словении, Финляндии, Швейцарии, Швеции, Эстонии.

Что касается российского опыта молодежного парламентаризма, то в 2001 г. при Государственной Думе РФ была создана Общественная молодежная палата, а в 2004 г. при Совете Федерации РФ – Молодежная парламентская ассамблея. Эти молодежные органы

власти занимаются изучением проблем молодежи в России, обеспечивают своевременное реагирование на них органов государственной власти, содействуют деятельности федеральных органов власти в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи, подготовки рекомендаций по решению проблем российской молодежи.

Основными факторами, повлиявшими на введение нового механизма во взаимоотношениях власти и молодежи, стали, во-первых, появление в начале 2000-х гг. «новой пассионарной молодежи»; во-вторых, последовавшее изменение отношения к молодежи со стороны власти. Одним из наиболее эффективных мест приложения активности молодежи стал молодежный парламент как, с одной стороны, прямая возможность для молодого человека принять участие в общественно-политической деятельности, разработке и реализации молодежной политики, а с другой – контролируемый государством и ограниченный по влиянию орган власти молодежи.

Сегодня примерно в 70 регионах России действуют молодежные парламенты, созданные при органах законодательной власти, а также молодежные правительства при органах исполнительной власти. Более 1000 молодежных парламентов работают на муниципальном уровне.

На момент становления системы молодежного парламентаризма в первой половине 2000-х гг. члены данных структур, как правило, избирались от максимально возможного количества территорий, образовательных учреждений, молодежных общественных организаций и т.д. Главное преимущество такой процедуры формирования состояло в том, что изначально молодежные парламенты получали легитимный статус институтов, представляющих интересы различных категорий региональной молодежи.

В то же время, несмотря на очевидные преимущества данной формы молодежного парламентаризма, для его реализации потребовалось преодолеть ряд трудностей, связанных с необходимостью принятия решения (постановления, распоряжения, приказа) соответствующего органа власти, организации легитимной системы выборов представителей молодежи и общественных объединений в молодежный парламент, обеспечения соответствующими ресурсами его текущей деятельности.

В первой половине 2000-х гг. молодежные парламенты в регионах РФ формировались посредством разнообразных механизмов

(выборы, назначение, делегирование). В состав молодежных парламентов включались молодые граждане, представители молодежных общественных организаций и молодежных отделений политических партий, представители молодежи, избранные от муниципальных образований по ходатайству представительных органов, представители от учебных заведений разного уровня, военнослужащих, специалисты органов власти регионального и муниципального уровней по работе с молодежью.

Основной целью создания подобных консультативных органов является привлечение молодых граждан к формированию и реализации государственной молодежной политики. В сферу компетенции молодежных парламентских структур входит представление интересов молодежи в органах власти; участие в нормотворческой деятельности, прежде всего в сфере государственной молодежной политики; подготовка молодых кадров для работы в политической сфере; проведение социально значимых мероприятий; просветительская деятельность.

В настоящее время целесообразно говорить о некой унификации моделей формирования молодежных парламентов в регионах России, отмене прямых выборов молодежных депутатов и системы представительства и переходе к так называемой процедуре широкого делегирования. В состав большинства молодежных парламентских структур включаются представители:

- 1) законодательного органа региона;
- 2) муниципальных (городских, районных) молодежных парламентских структур региона;
- 3) молодежных общественных объединений;
- 4) политических партий, имеющих места в легислатуре региона;
- 6) студентов и аспирантов, а также учащихся средних специальных учебных заведений.

Подобная процедура применяется при формировании молодежного парламента Амурской области (на протяжении ряда лет занимающего лидирующие позиции в рейтинге региональных молодежных парламентов); Пермского края (с февраля 2013 г. 30 членов молодежного парламента направляются депутатами законодательного собрания, избранными по одномандатным избирательным округам, 30 – направляются фракциями политических партий, допущенных к распределению депутатских мандатов в легислатуре); Хабаровского края (в состав которого помимо представителей молодежных орга-

низаций и студенчества включаются молодые люди, делегированные председателем региональной легислатуры, органом исполнительной власти по молодежной политике, избирательной комиссией края); Приморского края, входящих в пятерку лучших молодежных парламентов России (согласно постоянным мониторингам деятельности молодежных парламентов на сайте Молодежного парламентского движения в России <http://www.newparlament.ru>).

Изменившаяся таким образом процедура формирования молодежных парламентов в регионах представляет собой почти полное отражение региональной политической системы, что, с одной стороны, способствует повышению эффективности деятельности молодежного парламента как субъекта выработки молодежной политики, а с другой – ведет к постепенному отстранению молодежи от общественно-политической деятельности, за исключением откровенных карьеристов.

Сегодня можно говорить о том, что молодежный парламентаризм стал реальной политической практикой взаимодействия власти и молодежи. *Молодежный парламент* – это структура, где возможен постоянный диалог между властью и молодежью. *Молодежный парламент* – это «школа молодых лидеров», умеющих принимать решения и нести за них ответственность. Молодые парламентарии получают не только знания о политической системе и механизмах ее функционирования, но и учатся взаимодействовать с ее институтами в процессе политической практики.

Молодые парламентарии в ходе своей деятельности учатся принимать решения и отстаивать их в диалоге с органами власти, аргументировать свою позицию. Круг решений молодежного парламента достаточно широк: от проведения социально значимых мероприятий до разработки и внесения в региональные акты законопроектов.

Для эффективной работы в данном направлении молодому парламентариию требуются знания нормативно-правовой базы, анализ существующей ситуации, умения пошагово планировать акции и мероприятия, изыскивать ресурсы для их проведения, просчитывать возможные риски и находить пути их минимизации, определять выгоды и издержки и т.д.

Молодежный парламент – это консультативно-совещательный орган, роль которого сводится к представлению позиции молодежи по тому или иному вопросу, а не принятию окончательного решения. Отсюда нередкий скептицизм молодежи по отношению к уча-

стию в деятельности молодежного парламента. Возможность минимизации данного недостатка молодежного парламентаризма связана с характером политического режима и политическим климатом в регионе, стране, с тем, как органы власти воспринимают молодое поколение и его представителей в лице депутатов молодежного парламента – как выразителей интересов самой динамичной социально-политической группы или как людей, которые занимаются организацией своего досуга и только. Связана она и с тем, как молодежь позиционирует себя в диалоге с властью.

И.Д. Ахмедов

МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТ КАК ЯВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена молодежному парламенту Томской области как примеру явления молодежного парламентаризма в России, которое получило широкое распространение в 2000-х гг. Отмечается, что данный институт является важной составной политико-правовой культуры и одновременно ее характеристикой.

Ключевые слова: молодежный парламент, Томская область.

В Конституции Российской Федерации, в ее букве и духе, имеется колоссальный правовой, демократический потенциал. Так, согласно ст. 13 Основного закона в Российской Федерации признается идеологическое многообразие, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, признаются политическое многообразие, многопартийность. Согласно ч. 1 ст. 30 каждый имеет право на объединение, свобода деятельности общественных объединений гарантируется.

События конца XX в. в СССР и России стали новой вехой, новой традицией в отечественной традиции: в начале 1990-х гг. были заложены основы демократического федеративного государства, которым предстоит пройти испытание на прочность.

Как отмечает А.И. Щербинин, «сама государственная идея на протяжении многих веков российского бытия явно или скрыто фильтровала экономические новации и политические эксперименты» [1. С. 210]. Яркий пример: принятая на волне либерализации Конституция РФ, как это ни парадоксально на первый взгляд, вполне соответствует политико-правовой культуре России. Конституция создает условия для синтеза западных и восточных традиций, свободы и демократии с сильной властью. Конституция выражает желание народа вручить президенту власть и стать объектом управления, именно поэтому в России устанавливается плебисцитарная республика [2. С. 29].

Одним из относительно новых институтов, а по сути, некоммерческой организацией является молодежный парламент, получивший широкое распространение в субъектах Российской Федерации.

Один из первых региональных молодежных парламентов – молодежный парламент Томской области (далее МПТО, парламент) –

был создан в 2004 г., причем по инициативе «снизу» и с колоссальной поддержкой «сверху». Была образована рабочая группа по созданию МПТО при Государственной Думе Томской области, в которую вошли представители молодежи, предложения которой были поддержаны региональной legislaturой. Первоначально правовой статус МПТО регулировался постановлением Совета законодательного собрания.

В 2006 г. был принят Закон Томской области 11 июля 2006 года № 139-ОЗ «О Молодежном парламенте Томской области», и МПТО стал первым молодежным парламентом в Российской Федерации, статус которого регулируется региональным законом.

Согласно статье 1 данного закона МПТО образован при Законодательной Думе Томской области, является коллегиальным совещательным органом и осуществляет свою деятельность на общественных началах в соответствии с настоящим законом и регламентом парламента. Парламент в своей деятельности подотчетен Законодательной Думе Томской области и Совету Думы.

Деятельность парламента основывается на принципах равноправия, добровольности, гласности, законности, самоуправления, коллективного, свободного обсуждения и решения вопросов. Председатель парламента избирается сроком на два года. Одно и то же лицо не может занимать должность председателя парламента более двух сроков.

Цели парламента – содействие в приобщении молодых граждан к парламентарской деятельности, формирование их правовой и политической культуры, поддержка созидательной, гражданской активности молодежи. Основными задачами деятельности парламента являются: 1) содействие социальному, правовому, образовательному, культурному, нравственному, патриотическому и физическому развитию молодежи; 2) участие в подготовке нормативных правовых актов Томской области, в том числе целевых программ по вопросам, затрагивающим права и законные интересы молодежи; 3) поддержка молодежной инициативы; 4) обеспечение молодежи объективной информацией о деятельности органов государственной власти Томской области.

Парламент является однопалатным органом, состоит из 50 членов, назначаемых Советом Думы по результатам проведения конкурса. Совет Думы определяет порядок проведения конкурса и устанавливает его результаты. Парламент является правомочным, если в его состав решением Совета Думы вошло не менее 2/3 от установленного числа членов парламента.

Членом парламента может стать человек в возрасте от 14 до 30 лет, постоянно или временно проживающий на территории Томской области.

Парламент наделен достаточно широкими полномочиями: а) по решению собрания проводить общественные слушания; б) приглашать руководителей органов государственной власти Томской области и местного самоуправления на собрания парламента; в) направлять по приглашению соответствующих органов представителей парламента для участия в работе комитетов и комиссий Законодательной Думы Томской области, представительных органов местного самоуправления, а также на заседания коллегии администрации Томской области; г) вносить в Законодательную Думу Томской области в установленном порядке предложения по формированию проекта плана законодательской деятельности Законодательной Думы Томской области; д) участвовать в разработке предложений по внесению изменений в действующее законодательство; е) способствовать реализации федерального и областного законодательства посредством осуществления общественного контроля; ж) вносить в Законодательную Думу Томской области в установленном порядке предложения по составу лиц, приглашаемых на парламентские слушания в Законодательной Думе Томской области; з) взаимодействовать с государственными органами и органами местного самоуправления, действующими на территории Томской области; и) взаимодействовать с общественными и иными организациями по вопросам своей деятельности; к) по поручению председателей комитетов Законодательной Думы Томской области участвовать в рассмотрении обращений граждан и организаций; л) вносить предложения о проведении мероприятий в Законодательной Думе Томской области; м) направлять своих представителей для участия в заседаниях Совета Думы с правом совещательного голоса в случае, если на заседании рассматривается вопрос о внесенном парламентом законопроекте; н) решать иные вопросы в соответствии с целями и задачами деятельности парламента, а также порученные парламенту Законодательной Думой Томской области или комитетами Законодательной Думы Томской области.

Советом Думы, согласно закону, создан политический совет молодежного парламента из числа членов предыдущих созывов, досрочно сложивших свои полномочия, членов, внесших большой личный вклад в развитие парламента, представителей государственных органов, молодежных общественных объединений.

Как можно убедиться, проанализировав указанный закон, МПТО, несмотря на свой общественный, некоммерческий статус, наделен весьма серьезными полномочиями и гарантиями. Более того, в настоящее время МПТО институционализирован и поименован в Уставе – Основном законе Томской области и наделен правом законодательной инициативы, что говорит о весьма высоком статусе молодежной структуры.

Молодежный парламент Томской области, которому в 2014 г. исполняется 10 лет, является одним из самых известных и эффективно действующих молодежных парламентов в Российской Федерации.

Как известно, «третий сектор» является индикатором состояния гражданского общества и политико-правовой культуры. Томская область традиционно выделяется специалистами как один из самых открытых, динамично развивающихся регионов, для которого характерна достаточно демократическая политико-правовая культура (вместе с Москвой, Санкт-Петербургом, Ярославской, Свердловской, Новосибирской областями и др.). К примеру, Томская область входит в первую десятку рейтинга регионов со свободными СМИ.

Как известно, статус вспомогательных органов определяется и во многом связан со статусом органов, при которых они функционируют (классический пример – Администрация Президента Российской Федерации). Не отрицая подобную корреляцию, стоит отметить, что статус, в том числе полномочия региональных заксобраний, в Российской Федерации, особенно на данном этапе, весьма унифицированы. В этой связи в известном смысле фактический и юридический статус МПТО был определен в значительной мере и личным отношением к молодежной структуре тандемом «Мальцев – Кузнецов» – четырехкратного спикера областной думы и руководителя ее аппарата.

Высокий статус МПТО – это отражение и высокой демократической культуры Томской области, центром которой является Томск – университетская столица Сибири, «Сибирские Афины».

Литература

1. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический мир России. Томск, 1996.
2. Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. №10.
3. О Молодежном парламенте Томской области: Закон Томской области от 11 июля 2006 года № 139-ОЗ // Официальный сайт Законодательной Думы Томской области. Режим доступа: <http://duma.tomsk.ru/page/3478/> (дата обращения: 01.04.2014).

Н.Г. Щербинина

ПАРЛАМЕНТСКАЯ КУЛЬТУРА И ПАРЛАМЕНТСКАЯ ТРАДИЦИЯ

На основе базового понятия «политическая культура» как совокупности образцов поведения в публичной сфере в статье рассматривается ее субкультурная разновидность – парламентская культура, в том числе как особый способ политической коммуникации. В свою очередь парламентская традиция представлена как коллективный паттерн легитимации власти через ее парламентскую форму.

Ключевые слова: *политическая культура, парламентская культура, парламентская традиция.*

Соотношение данных категорий мы будем рассматривать в контексте связующего их более общего понятия политической культуры. Под самой же «политической культурой» мы будем подразумевать не просто ориентации на политическое действие, но стиль этого действия. Дело в том, что именно согласно стилям (репрезентации, представительства, позиционирования, мышления, поведения) различаются национальные культуры и особенно субкультуры. Потому мы будем опираться на формулировку А.И. Соловьева, согласно которой «политическую культуру можно определить как совокупность типичных для конкретной страны образцов поведения людей в публичной сфере, воплощающих их ценностные представления о смысле и целях развития мира политики и поддерживающих устоявшиеся нормы и традиции взаимоотношений государства и общества» [1]. Из сущности данного определения вытекает, что политико-культурное «измерение» для нас описывается такими категориями, как политические коды, модели, нормы, ценности, смыслы, символы, ритуалы и традиции.

Для определения категории «парламентская культура» далее можно использовать понятийную соподчиненность, когда родовым понятием выступает «политическая культура», а видовым – «политическая субкультура». Получается, что политическая субкультура – это некий смысловой мир или система кодов, моделей, норм и ценностей, образующих конфигурацию «стиля поведения». В таком смысле субкультурой можно назвать и парламентскую культуру. Для нас парламентская культура представляет собой подлинную политическую субкультуру, которая задает политические коды, модели, нормы, ценности, смыслы, символы, ритуалы и традиции взаи-

моотношений (т.е. политической коммуникации) парламентской структуры и представительства как ментальной структуры. Мы имеем в виду, что парламентская культура «отвечает» не только за представленность интересов различных общественных слоев и групп, но и за саму структуру данной представленности. Другими словами, парламентская культура – это своего рода частный нормативный, смысловой, мотивационный, символический, ритуальный и исторический контекст для парламентаризма как институционального выражения. Тем самым мы разводим институциональное и политико-культурное измерения парламентаризма. Именно политико-культурный аспект – парламентская культура – сегодня позволяет отличать один парламент от другого не только в межстрановом отношении, но и в региональном.

Что касается категории «парламентская традиция», то для ее определения надо оттолкнуться от понимания традиции вообще. И здесь мы будем опираться сначала на представления Э. Сепира, дающего нам базовое определение «обычая». Обычай – это коллективное образование, некое символическое утверждение солидарности группы, но носящее менее формализованный характер, чем «институт». При этом данный способ поведения не имеет, по мнению Сепира, особой значимости (более значимы либо индивидуальная привычка, либо коллективный социальный институт). Термин «традиция» указывает на исторический аспект обычая, и недостаток традиций связан как раз с тем, что данный исторический фон отсутствует. С точки зрения политической антропологии обычай – это культурные стереотипы или паттерны. То есть речь идет об обычном, рутинном и общепризнанном политическом поведении. Согласно же М. Веберу («Хозяйство и общество») «обычай» складывается в случае регулярности социальных связей, которые, в свою очередь, представляют собой взаимно ориентированные осмысленные поступки. Понятие «традиционного» относится у него к типу легитимного господства, т.е. связано с мотивацией, онтологией подчинения политической власти. Так, традиционное господство у него основано на вере в священный характер старых традиций, которые и легитимируют власть. Таким образом, «традиция парламентаризма» – это некий коллективный паттерн легитимации власти через ее парламентскую форму, имеющую постоянный исторический контекст. Слово «традиция» тем самым маркирует устойчивый во времени обычай, т.е. сложившийся стереотип. Но обычаи могут меняться, в

том числе и под воздействием другой культуры, могут они и функционально переинтерпретироваться. И здесь хочется подчеркнуть, что исторический фон российского парламентаризма представляет собой «пунктир», но не поступательную траекторию. Так, Советы отрицали законосовещательную Думу начала XX в., а Дума постсоветская возникла как новое демократическое установление.

Итак, некоторые парламенты как институты-учреждения появились еще в Средние века, но широкое распространение парламентаризма связано именно с внешним политико-культурным воздействием на обычай представлять интересы как таковые. Здесь понятие парламентской культуры соотносится с современным понятием демократии в ее политико-культурном аспекте. Конечно, нормативными моделями «демократической культуры» еще со времен Г. Алмонда и С. Вербы выступают такие ориентационные конфигурации, как «культура участия» и «гражданская культура». Известно осмысление классиками гражданской культуры как реальной формы культуры участия: она представляет собой некий баланс сил между ориентационной активностью и пассивностью. По нашему мнению, именно сочетание деятельности креативных управляющих элит и в меру активных граждан на практике и существует как парламентская культура (выработка законодательных норм, ритуалов диалоговой политической коммуникации, смыслов и символов парламентской демократии). Кроме того, центральный парламентаризм в такой культуре может быть уравновешен региональным парламентаризмом, представленным особой региональной парламентской субкультурой.

Говоря о культуре участия как составляющей гражданской культуры, мы подошли к проблеме «идеальной» и «реальной» политической культуры, которую на основе идей Р. Такера рассматривает А.А. Ширинянц. Парламентская культура – это, с одной стороны, идеальные модели парламентаризма (у нас и западные и российские одновременно). С другой стороны, существует и практика парламентаризма, которая стала реальностью и в России. Данная реальная форма парламентской культуры опирается на парламентские общероссийские нормы, но вместе с тем является и продуктом регионального творчества, когда речь идет о региональном парламенте. Для региональной версии парламентаризма важно передать молодым/новым парламентариям свой стиль, нормы, ценности, «память» и другие неотъемлемые части политической культуры как коммуни-

кации и интеграции. И следует подчеркнуть значение реальной парламентской практики, которая, конечно, отвечает «базовому мифу» русской политической культуры, но одновременно артикулирует и региональную специфику как парламентскую культуру. При этом реальная парламентская культура может сильно отличаться от эталона. Так, согласно исследованию Б. Дубина российское общество демонстрирует недоверие к своему парламенту, а сам парламент, по мнению социолога, представляет собой декоративную «вывеску», привычную еще с советских и даже досоветских времен [2].

Итак, мы проанализировали парламентскую культуру в контексте политической культуры. Если мы теперь посмотрим на парламентскую культуру под «углом зрения» ее собственной многоуровневости, то можно заметить ряд параметров, обладающих своеобразием:

Во-первых, отмечается явление парламентской культуры как особой политической субкультуры, включающей совокупность парламентских традиций в смысле исторической памяти, ценностей и норм достижения компромисса и осуществления диалога. Именно данный макроуровень позволяет судить о парламентской культуре как культуре участия.

Во-вторых, на базе самого парламента как учреждения бытует другой уровень парламентской культуры, представляющий собой совокупность специфических технологий или приемов парламентского поведения, дебатов, процедур принятия документов, правил игры, способов диалога, компромисса и принятия решений.

В-третьих, на уровне парламентариев, субъектов данных процессов, существует парламентская культура личностей и парламентского лидерства, стилей индивидуального поведения и моделей, оформляющих феномен парламентаризма на двух других уровнях. Таким образом, в центре парламентской культуры стоит Парламентарий, тогда как в центре гражданской культуры – Гражданин. И обе указанные культуры тесно переплетаются.

Экстраполируя теперь общетеоретические посылы на конкретный случай бытия российского парламентаризма, можно сделать вывод, что ему недостает именно традиционного элемента. В плане же политического поведения перед нами не привычное рутинное действие, но искусственно рационально созданная коллективная формализованная инстанция, т.е. и досоветский опыт, и советский, да и постсоветский российский парламент – все это институцио-

нальные образования. Но сегодня можно уже констатировать оформление особой парламентской культуры, на основе которой способен сложиться стереотип, продолжающийся и во времени, и тогда будет положено начало традиции парламентаризма в России.

Хотя существует еще одна проблема, связанная со спецификой постмодерна. Так, сегодня парламентская культура вообще трансформируется и теряет свою представительскую сущность. Она тем самым сводится к микроуровню самого парламента, т.е. обслуживанию внутренней жизни каждого конкретного представительского учреждения, которое больше никого не представляет. Перед нами еще один симулякр, где парламентарии-знаки означают только самих себя и образуют замкнутую сферу особой игры, стоящей вне политической коммуникации как смыслового мира. В таком контексте для парламентария остается лишь одно средство выживания – стать телезвездой, т.е. вписаться со своим имиджем в рыночную «нишу».

Литература

1. *Категории политической науки: учеб.* / под ред. А.Ю. Мельвиля. М., 2002.
2. *Дубин Б.В.* Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М., 2011.

А.Э. Сенцов

МОДЕЛЬ БУДУЩЕГО В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье рассмотрены средства выражения модели будущего как одного из важнейших элементов лингвоментальной картины политического мира на материале программных документов ряда правящих парламентских партий. На основе проведенного сравнительного исследования выявляются общие и специфические черты, характерные для современной политической культуры России и зарубежных стран, группируются рассматриваемые программы политических партий. Выявляется наиболее перспективная модель представления будущего, разработанная правящими кругами ряда стран.

Ключевые слова: модель политического будущего; концепт будущего; структура концепта; программа парламентской партии.

Политические концепты представляют собой сложные ментальные образования, которые упорядочивают и придают значение происходящим или ожидаемым политическим явлениям, объединяют родственные понятия. Помимо этого, политические концепты приобретают те или иные значения не только благодаря историческим традициям дискурса, и не только из-за множественных культурных противоречий, но также благодаря их нахождению в группе с другими политическими концептами [1. Р. 52–55].

Современные исследователи политических концептов выделяют ряд базовых концептов, характерных для политического дискурса: «политика», «политик», «власть», «благо», «целедостижение», «народ», «государство», «интерес» [2, 3]. Рассматриваемый в данной работе концепт будущего является базовым не для политического дискурса, а для личности и общества вообще. Поэтому в рамках исследуемых программ парламентских партий он выражается в данных политических институциональных текстах как раз через ключевые концепты политического дискурса (путем метафорических переносов). Концепт будущего представляет собой важнейший базовый концепт для личности и общества в целом, так как он является одним из элементов ориентационной схемы (время – пространство). Кроме того, он придает динамику и смысл действиям индивидов и общества.

В нашем исследовании за образец структуры концепта мы принимаем модель, предложенную исследователем И.А. Стерниным [4]. Можно говорить о базовом слое концепта – чувственно-образном

ядре, которое кодирует его как мыслительную единицу, плюс ряд дополнительных концептуальных признаков. «Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта и определяют его структуру» [Там же. С. 59]. Но кроме ядерной части, концепт имеет объемную интерпретационную часть/поле – совокупность слабее (по сравнению с ядерной частью) структурированных предикаций, которые отражают интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок, вытекающих из содержания концепта [Там же. С. 60–61]. Для моделирования концептов используются четко структурированные единицы когнитивистики: фреймы, сценарии, скрипты и другие модели представления знаний.

В рамках данной работы мы рассмотрим выражение концепта будущего в программах основных политических партий России («Единая Россия») [5, 6], США (Демократическая партия) [7], Великобритании (Консервативная партия) [8], Франции («Союз за народное движение») [9] и Италии («Народ свободы») [10]. Выбор стран обусловлен языковой компетенцией автора и мировой значимостью политической культуры данных государств. Рассматриваемые партии являются основными для политической жизни соответствующих стран, так как они располагают большинством в парламентских структурах, их лидеры занимают ключевые позиции в руководстве страны (президент, премьер-министр).

Проводя сопоставительный анализ выражения концепта будущего в программах рассматриваемых партий, можно отметить, «что на уровне представления базового слоя концепта будущего совпадают программы «Единой России», Демократической партии США, «Народа свободы», в центре языкового выражения концепта у них фиксируется образ «Родины», «страны». В программе «Союза за народное движение» в центре базового слоя находится образ «государства», а в программе Консервативной партии Великобритании – образ «народа» [11. С. 169].

Исходя из анализа представления когнитивных сегментов концепта будущего, программы рассматриваемых партий можно условно разделить на две группы. К первой группе «относятся программы правящих партий России и Великобритании, в которых сегменты представлены довольно схожими задачами в социальной, экономической сферах и в системе государственного управления, различие лишь в том, что в программе «Единой России» преобладают эконо-

мические задачи, а у Консервативной партии – социальные. Ко второй же группе относятся программы правящих партий США, Франции и Италии, в которых когнитивные сегменты концепта будущего представлены основными национальными ценностями (от 4 у демократов США до 8 у партии «Народ свободы»)» [11. С. 169]. Таким образом, в данных программах заложена идея того, что конечная цель должна быть достигнута не путем решения определенного набора задач, работы по ряду направлений, а через утверждение и возрождение базовых ценностей той или иной нации.

Периферия концепта будущего в программах партий значительно различается по объему (от 10 слотов у «Союза за народное движение» до 34 слотов у Демократической партии). По содержанию, «которое представлено мерами социального, экономического и политического характера, направленными на защиту стран от последствий мирового экономического кризиса, черты сходства проявляются в программных документах партий России, США и Великобритании (особенно у двух последних). В программах же французской и итальянской правящих партий никаких конкретных мер по выводу страны из кризиса или по его предотвращению не предлагается. Периферия концепта будущего в них представлена предикациями общеэтического, декларативного характера, например: «уважение к согражданам», «новые возможности для каждого», «уважение человеческого достоинства» и т.д.» [11. С. 169].

Отметим, что рассмотренный нами политический концепт будущего является языковым выражением модели политического будущего в программах партий. Именно модель политического будущего структурирует программу партии, обеспечивает связь между целями, ценностями и способами их достижения, которые предлагает обществу партия. Это объясняется самой природой партийной программы, которая изначально ориентирована на отображение предлагаемого партией политического будущего.

Модель политического будущего является целевым отображением будущего, предлагаемого партией обществу для достижения своих собственных целей в качестве политического института. Посредством этой модели программа политической партии структурирует сознание электората, выполняет задачи позиционирования партии, продвижения ее интересов, становясь важнейшим элементом современных политических технологий.

Именно модель будущего, идея того, как партия понимает будущее, и является смыслонесущей в партийной программе. Структура

каждой партийной программы служит репрезентацией программируемого будущего.

Если в прошлом партии претендовали на тотальный контроль над будущим, то в постсовременном обществе парламентским партиям приходится отказаться от подобных претензий, граждане сами вправе выбирать оптимальную для них концепцию будущего, представляемую в программе той или иной партии. Важнейшей задачей парламентской партии становится создание модели будущего, которая будет наиболее востребована народными массами. В условиях современного глобального мира наиболее успешными представляются политические концепции, которые способны предложить тесную связь как между будущим каждого отдельного гражданина и будущим его страны, так и дальнейшую связь с будущим всего мира, человечества.

Литература

1. *Kelly D., Donway R. Liberalism and free speech // Democracy and the mass media / Ed. by Judith Lichtenberg. Cambridge, 1995. 94 p.*
2. *Гаврилова М.В.* Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/198/30/> (дата обращения: 07.04.2014).
3. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Москва; Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.
4. *Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 58–65.
5. *Предвыборная программа партии [Электронный ресурс]: программное обращение Партии «Единая Россия» к гражданам России-2011.* URL: <http://er.ru/party/address> (дата обращения: 05.04.2014).
6. *Программа народных инициатив. Общероссийский народный фронт. М.: Ин-т соц.-экон. и полит. исследований, 2011. 135 с.*
7. *Democratic Party Platform 2008 “Renewing America’s Promise” [Электронный ресурс].* URL: http://www.democrats.org/about/party_platform (дата обращения: 25.03.2014).
8. *Invitation to Join the Government of Britain. The Conservative Manifesto 2010.* Uckfield: Pureprint Group, 2010. 120 p.
9. *Nos valeurs-2007 [Электронный ресурс].* URL: <http://www.u-m-p.org/notre-parti/nos-valeurs> (дата обращения: 25.03.2014).
10. *Carta dei valori-2009 [Электронный ресурс].* URL: <http://www.ilpopolodellaliberta.it/notizie/15346/carta-dei-valori> (дата обращения: 20.03.2014).
11. *Сенцов А.Э.* Концепт будущего в программах правящих политических партий: сопоставительный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. Ч. 1. № 6 (20). С. 167–169.

А.И. Щербинин

ДЕВАЛЬВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЕГИТИМНОСТЬ» В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ КОНФЛИКТЕ 2014 г.

Проблема легитимности, переходя из научного поля в политико-прикладное, становится добычей публицистов и практикующих политиков. Автор статьи сопоставляет понятия «легальность» и «легитимность», иллюстрирует на примере актуального конфликта и предлагает методологию преодоления пропагандистской девальвации важнейшего для субъективной оценки власти и политики концепта.

Ключевые слова: *легальность, легитимность, субъективистская методология.*

«Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают, как платье», – писал В. Маяковский. И у нас тоже, если отдать дань политической риторике последних месяцев, захватившей лидеров ведущих мировых держав, политиков и дипломатов, журналистов и экспертов, даже не прибегая к частотному словарю, мы можем отдать первое место концепту «легитимность». Подобно шарик у пинг-понга, «легитимность»/«нелегитимность» перебрасываются на чужое смысловое поле, тщась стать окончательным вердиктом относительно поступков уже не соперников, а врагов.

На мой взгляд, участники конфликта решили одну важную политологическую проблему, над которой не особо задумывались исследователи легитимности. Сначала предыстория. Для ясности сошлюсь на один небезызвестный перевод статьи Сеймура Мартина Липсета, опубликованный в сборнике, вышедшем в 1972 г. ограниченным тиражом только для научных библиотек, «Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы». Статья эта называется «Политическая социология» и посвящена в основном проблеме легитимности. Известный ученый сравнивает легитимность и эффективность власти, но «фишка» в том, что переводчики не используют слово «легитимность». Они заменяют «легитимность» привычным и понятным советскому человеку термином «законность». Конечно, в разное время она трактовалась по-разному, но суть выходила одна: «Социалистическая законность воспитывает у всех трудящихся такие качества, как честность и правдивость перед партией, государством и народом, высокую требовательность к себе и подчиненным, бдительность и политическую прозорливость, непримиримость ко всему чуждому и враждебному, образцовое соблюдение установленных норм и порядка работы в советских учреждениях.

Нарушение социалистической законности ведет к ослаблению Советского государства. Поэтому не случайно враги Советского государства в качестве одного из методов своей подрывной деятельности избирали нарушение социалистической законности» [1]. Представления подобных авторов о буржуазной законности отличались тем, что последняя обслуживала, соответственно, эксплуататорские классы и буржуазное государство.

А вот как перевели Липсета: «Законность связана со способностью системы формировать и поддерживать убеждение в том, что существующие политические институты лучше всего подходят для данного общества; эффективность же означает фактическую деятельность, ту степень удовлетворительности, с которой система выполняет основные функции государственного управления, как их понимает большинство населения... Тогда как эффективность преимущественно инструментальна, *законность носит оценочный характер, связана с ценностями*» (курсив мой. – А.Щ.) [2. С. 205]. Это самое главное для нас.

Очевидно, что Липсет ведет речь именно о легитимности. Ссылки автора на веберовскую методологию проблемы ничего переводчикам не говорили, поскольку Макса Вебера в СССР изучали немногие. Работы А.И. Неусыхина, преподававшего в Томском государственном университете в эвакуации и заложившего основы томской школы медиевистики, были счастливым исключением. Так или иначе, понятие легитимность оставалось закрытой темой для научной общественности. С позиций марксистской методологии субъективная точка зрения на законность в принципе не рассматривалась, а это, в свою очередь, обедняло исследовательское поле. Понятие оставалось обслуживающим термином правовых наук и идеологии, задавая ракурс восприятия тех или иных институтов или событий. Поэтому не случайно с очередным политическим поворотом давалась установка относительно правильного понимания законности: сначала называли Берия отцом социалистической законности, потом он в одночасье стал ее врагом, он, как пелось в частушке, «вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков». Затем «пинков надавали» и самому Георгию Максимилиановичу. Одновременно любая субъективная трактовка законности рассматривалась как антисоветское действие.

Итак, на данном примере я показал, как законность в условиях крайнего объективизма сводится исключительно к легальности, по-

нимаемой как политический/государственный порядок или действия, опирающиеся на законное право и обладающие механизмом применения рационально-оправданных санкций. Если вы обратили внимание, по поводу легитимности Липсет фактически говорит о конструктивистских действиях политической системы: легитимность «связана со способностью системы формировать и поддерживать убеждение в том, что существующие политические институты лучше всего подходят для данного общества [2. С. 205]. Однако, оставаясь в рамках системного подхода, он не рассматривает сам процесс этого конструирования и, более того, оценку действий. Создается впечатление, что у него всему этому отводится ниша, связанная с понятием «эффективность» как действие по выполнению основных функций системы.

Кстати, не преуспел в этой деятельности и Жан-Люк Шабо, попытавшийся обозначить рамки политического действия. Выставляя эти рамки, он свел их к субъективным представлениям «о желаемом социальном порядке (идеологическая легитимность) или в соответствии с космическим порядком, включающим также и социальный (онтологическая легитимность)» [3]. Глядя на его статью, мы можем сказать, что авторы уже продвинулись до оценки не только системы, но и ее проектов будущего, выраженного с опорой на онтологический (космический) порядок или идеологическую модель этого порядка. Тем не менее легитимность остается рационально-правовой достройкой политической системы – политически не операциональной и гностически не концептуальной.

Между тем события, связанные с украинским кризисом, показывают, что «легитимность» использовалась сторонами конфликта не столько как идейно-правовая рамка оценки политических действий, сколько как концепт, т.е. наделение (или попытка наделения) смыслом действий в пределах быстрых изменений, происходящих здесь и теперь. Субъективистская методология П. Бергера и Т. Лукмана в оценке данного концепта, на наш взгляд, более уместна по двум причинам. Во-первых, она предлагает рассматривать легитимацию как «объективацию второго порядка». Во-вторых, опираясь на данный подход, можно объяснить, почему в нашем случае декларации по поводу легитимности подкрепляются элементарными образами, действиями и базовыми концептами, т.е. фактически редуцируются до «легитимации первого порядка». Это те элементарные представления о мире, делающие его реальным. Единственная реальность, по

мнению авторов, это реальность повседневной жизни. С точки зрения познания «сложные теоретические системы могут быть описаны как реификации, хотя вероятно, их корни – в дотеоретических реификациях, созданных в той или иной социальной ситуации» [4. С. 147]. Авторы расшифровывают: «Реификация – это восприятие человеческих феноменов в качестве вещей, то есть в нечеловеческих и, возможно, в сверхчеловеческих терминах» [4. С. 146]. Например, «рычаги правосудия, внушающие страх», малопонятны без представлений о «страхе божьего суда», или высшей справедливости (см. [4. С. 125]). «Функция легитимации заключается в том, чтобы сделать объективно доступными и субъективно вероятными уже институционализированные объективации «первого порядка» [4. С. 151].

В нашем случае легитимно–нелегитимно редуцируются до базовых парных конструкторов: «жизнь – смерть» (небесная сотня/Беркут), «свои – чужие» («Своих не сдаем»); «герои/враги» («Слава Украине. Героям слава. Слава нации. Смерть врагам» / Митинг в Одессе 23 февраля с.г.: «Одесса – город – герой!», «Фашизм не пройдет!», «Наш город – наши герои!», «Одесса, вставай!» «Беркуту слава», «Юлю геть»); «верность – предательство» (Янукович/Евросоюз; Беркут/Майдан), «богатство – бедность» (Европа/Россия; демоверсия Крым/Украина), «дарить – воровать» (газ, Крым) и т.п.

Базовые одиночные конструкторы: мать/мама («Мама-Россия, забери своих деток домой!»); дом («Мы идем домой» / «Для украинца дом – Украина! Если в Украине россиянин дома, то может он что-то перепутал?? На ф.и.г на совсем!! Те, кто хочет к расее, извольте, валите. Нам дышать легче будет без расейских выкидышей».

Исходя из анализа данных конструкторов, наделяющих смыслом события, становится понятно, почему объяснения тех или иных действий, а они по логике эскалации конфликта и сами редуцируются до простейших, опираются преимущественно на механику пропаганды. Более того, берем ли мы теле- или интернет-пропаганду, мы сталкиваемся с господствующим плакатным стилем мышления, о котором я писал ранее. Это матричное, схематическое мышление, посаженное на архетипы, а по Юнгу, «эти образы полны смысла». Именно здесь, в пограничье нашего сознания проляжет разделительная межа между силами Добра и Зла, именуемая легитимностью.

Вернуть же возмущенное сознание и поведение в рациональное русло можно путем возвращения из субъективной зоны произвольно трактуемой законности в область легальности. Это очень тяжелый

процесс реификации, но это именно то, что должны сделать парламентарии, являющиеся представителями народа. И сделать это они должны не под влиянием исполнительной власти, чужеземной власти (по словам Юрия Крижанича – «чужебесия») или надпарламентских представителей народа.

Литература

1. *Дзюба М.Е.* Ленинские принципы работы государственного аппарата и задачи его совершенствования. М.: Знание, 1955). <http://www.biografia.ru/arhiv/lenprin02.html> (дата обращения: 05.04.2014).
2. *Линсет С.М.* Политическая социология // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. М.: Прогресс, 1972.
3. *Шабо Ж.-Л.* Легитимность // Полис. 1993. № 5.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр: МЕДИУМ, 1995.

В.Г. Скочилова

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ЦЕННОСТНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙНЫХ ИДЕОЛОГИЙ*

В статье актуализируется проблема содержательного наполнения идеологических практик современных российских политических партий в контексте демократической модели парламентаризма.

Ключевые слова: политическая идеология, политическое представительство, партийные идеологии.

Проблема устойчивого демократического развития и идея парламентаризма уже долгое время остаются ведущей и крайне востребованной темой в общественно-политическом дискурсе и актуальной сферой научных исследований. При этом большинство ученых, изучающих вопросы парламентаризма, и в частности российский парламент, часто ограничиваются институционально-правовыми аспектами проблемы. Мы же предлагаем обратить внимание на идеологическое измерение проблемы и сосредоточиться на ценностно-символических аспектах российского парламентаризма, структурирующего контекст идеологических практик современных российских политических партий.

Ценностно-символический контекст выступает как структура, в которой соотнесено множество идейно-ценностных позиций и концептуальных объяснений социополитического мира, выражаемых с помощью специфических символических конструкций. Так, политический мир определяется с помощью различных смысловых детерминант, встраиваемых в целостное представление о демократических основах парламентаризма. Демократическая матрица, реализуемая в контексте парламентаризма, приводит нас к предельно широкому пониманию данного феномена как одной из форм политического представительства, социокультурные признаки которой выражаются в наличии организованных политических партий и фракций, представляющей собственные идеологические системы, и политической оппозиции, представляющей альтернативные политические проекты. И в этой связи идеологическая составляющая парламентского представительства включает два аспекта. С одной стороны,

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-13-70001.

речь идет об идеологических ориентациях политических сил, реализующих парламентские функции. И здесь идеология выступает как инструментальная функция организованных и институционально оформленных групп и их представителей, ориентированная на достижение политических и социальных целей, как участниками организованных групп, так и массами. С другой стороны, идеология выступает как процесс производства ценностей, знаков и значений, посредством которого партии позиционируют себя в политико-идеологическом пространстве. И здесь для нас значимыми являются ценностно-символические структуры, лежащие в основании идеологий, которые позволяют как типологизировать идеологии и политические силы, выражающие их, так и исследовать смысловые, содержательные доминанты парламентских практик.

Сегодня мы можем сказать, что в России представлен идеологический спектр, характерный для *современного* общества. Он характеризуется как многополюсная конфронтационная модель: национал-патриоты – консерваторы – социалисты/социал-демократы – либералы. Принцип структурирования идейно-политического спектра представлен В.М. Радачиным (см.: [1. С. 679]). Однако с учетом того, что часть партийных организаций находится вне процесса принятия политических решений, а часть – вне реального политического процесса как такового, эта модель приобретает многоуровневый характер: многополюсная конфронтационная схема включает в себя многополюсную консенсусную и двухполюсную конфронтационную модели. Первая представлена идеологиями парламентских партий (что в демократической модели означает партий, пользующихся наиболее массовой поддержкой): национал-патриоты – консерваторы – социалисты/социал-демократы; вторая характеризуется оппозицией центристы/левоцентристы – правые. Но в целом мы должны признать, что идеологическая идентификация многих современных российских политических партий представляет исследовательскую сложность. Намеренная деидеологизация партий и партийных программ за последнее десятилетие привела к размытости идеологического спектра и смещению идеологических позиций. Попытки «ручного управления» идеологическими процессами и формирования сегментов политико-идеологического спектра часто становились успешными, но между тем была утрачена ценностно-символическая функция политического представительства по формированию смыслового пространства, легитимирующего институты парламентаризма.

Кроме того, отметим, что идея политического представительства, неразрывно связанная со степенью демократизации общества, сопрягается и с демократическими ценностями трансформаций и изменений, задающих направление развития. Но, как отмечает Л. Гудков, сменился символический вектор политики, более того, «произошла стерилизация потенциала модернизаторов, в массовом сознании была дискредитирована сама идея необходимости трансформации институциональной системы», а также такие механизмы артикуляции ценностей и целеполагания, как парламент, политические партии, открытые дискуссии «были подавлены и остались в рудиментарном, недоразвитом состоянии» [2. С. 7]. Само современное состояние парламентаризма в России возможно охарактеризовать как институционально оформленное, но содержательно обедненное.

Также и в пространстве партийных идеологий не формируются новые смыслы, которые нашли бы адекватное отражение в массовом сознании. Несмотря на то, что как парламентские, так и непарламентские партии и представляемые ими идеологические программы имеют достаточно устойчивое количество сторонников, все же их идеологическая деятельность, которая поддержала бы и содержательное наполнение парламентаризма в России, остается в стороне от массового субъекта. Объясняется это, с нашей точки зрения, несколькими причинами.

Во-первых, отметим общую слабость партийных идеологий в политическом пространстве современной России. В условиях снижения уровня идеологических различий, как характерной черты современной социокультурной и политико-культурной динамики, необходимо еще раз упомянуть о персоналистском характере власти, который оказывает существенное влияние на российский ценностно-идеологический контекст. Лидеры страны на протяжении двадцатилетия демонстрировали «надидеологичность», осуществляя деятельность в рамках тотальной идейной матрицы. Отвергая свою приверженность какой-либо частичной идеологии, лидеры акцентируют свою «беспартийность» и в кризисные моменты дистанцируются от созданных для поддержания генерального курса партийных структур. В итоге в современной России сложилась ситуация, когда пространство власти не поддается парламентскому и гражданскому контролю, а политический процесс фиксируется в рамках государствен-

ной идеологической модели или симулятивно-идеологической конструкции.

Второй момент мы связываем с процессами сегментации и размывания социально-политических структур, для которых идеологические конструкции классического типа теряют свое значение. Большинство российских партий по-прежнему предлагают населению разнообразные идеологии-тексты классического типа, т.е. модернистские проекты идеального мира политики, которые ввиду углубляющихся постмодернистских тенденций в политическом пространстве не могут быть прочитаны. В данном случае партийные идеологии, оформленные в программных документах, в силу своей теоретической усложненности остаются неувоенными и часто недоступными для среднего массового избирателя. К тому же сами партии зачастую выступают как политические проекты, не имеющие концептуализированной идейно-ценностной основы.

Таким образом, политические партии, демонстрирующие невозможность «зашифровывать» и «расшифровывать» преобразования социополитической действительности, перестают быть подходящим и эффективным каналом для политического представительства, что в условиях формального признания демократических основ взаимодействия государства, общества и личности влечет утрату символического значения парламентаризма и снижения уровня легитимности его институтов и принципов.

Литература

1. *Общая и прикладная политология: учеб. пособие.* М., 1997. С. 671–688.
2. *Гудков Л.* Социальный капитал и идеологические ориентации // *Pro et contra.* 2012. №3. С. 6–21.

М.Г. Фомин

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ В ПРОЦЕССЕ ВЫБОРОВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Острая проблема современной России – создание безбарьерной среды для граждан с альтернативными возможностями здоровья. Принятие Федерального закона «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» Российской Федерации определило вектор деятельности государства в обеспечении равных возможностей гражданам своей страны, имеющим ограничения здоровья. Особенности их участия в процессе выборов рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: маломобильный, доступная среда, выборы, инвалид, НКО.

Участвовать в выборном процессе граждане Российской Федерации могут в качестве тех, кто выбирает, либо тех, кого выбирают. Среди российских депутатов встретить инвалида-колясочника достаточно сложно, зато, как правило, все они являются избирателями. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления [1].

Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. Не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда [1].

В ЗАТО Северск Томской области проживают 7 430 граждан, имеющих группу инвалидности. Вычтем 312 детей, которые в силу возраста не могут участвовать в выборах, и 220 совершеннолетних, признанных судом недееспособными. Из оставшихся почти 7 тысяч взрослых людей, конечно же, не все имеют ограничения к передвижению, но полторы тысячи инвалидов первой группы имеют право и хотят участвовать в «опускании бюллетеней». Казалось бы, сидите дома, избирательные комиссии возьмут переносные урны, придут к вам домой и вся недолга! Так, да не так.

Во-первых, ни в одном списке избирателей нет и не может быть пометки «инвалид», и далеко не каждый человек, имеющий особенности здоровья, захочет открыто заявить о том, что он не полностью дееспособен. То есть он имеет право избирать, но не имеет физической возможности прийти к избирательному участку.

В мае 2012 г. Д. Медведев подписал Федеральный закон «О ратификации Конвенции о правах инвалидов». Этому закону много лет ждали 2 млн 800 тыс. человек, или 9,2% населения страны.

Принятие закона означает, что Россия присоединилась к сотне других государств мира, признающих равные права и возможности всех граждан страны на свободное и беспрепятственное передвижение по квартире, подъезду, улице, городу, стране и миру.

Но готовы ли дома, школы, больницы, театры к тому, чтобы любой человек мог физически посетить их? Принятие закона потребовало внесения изменений во многие нормативно-правовые акты как федерального, так регионального и местного значения.

Приведём простой пример. Группа инвалидов-колясочников из ЗАТО Трёхгорный Челябинской области по приглашению Администрации ЗАТО Северск хотят участвовать в спортивно-творческом фестивале для лиц с ограниченными физическими возможностями. Ближайший аэропорт – в городе Уфе, 195 км. Лететь надо через Москву. Автор организовал их встречу в аэропорту Богашёво в сентябре 2013 г. Проводя телефонные переговоры со службами аэропорта, заручившись письменным обращением с перечислением паспортных данных пассажиров и водителя встречающей «Газели» с подъёмником из центра социального обслуживания, удалось решить вопрос об их досмотре в автомобиле. Хотя у всех в памяти недавний отказ авиакомпании в перевозке пассажиров-колясочников. Внесение изменений в «Воздушный кодекс» страны не сразу, но начинает действовать в этой части.

После принятия вышеуказанного закона Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации утверждает методические рекомендации [2] для органов федеральной, региональной власти и местного самоуправления по организации обследования, заполнению анкет обследования и паспортов доступности для инвалидов объектов социальной инфраструктуры (далее – ОСИ).

К данным объектам относятся в первую очередь лечебные учреждения, аптеки, школы, библиотеки, театры, спортивные залы, дома-интернаты, центры социальной поддержки и обслуживания населения, т.е. именно те здания, которые используются под избирательные участки. Кроме того, магазины, бани, жилые дома. Органам местного самоуправления поставлена задача в кратчайшие сроки провести паспортизацию ОСИ, заполнить анкеты на каждое здание, этаж, присвоить одну из категорий, самая высшая из которых «доступно – всем» пока достижима только для тех объектов, которые были спроектированы и построены в течение последних лет.

Как известно, под лежащий камень вода не течёт, и если не обострить проблему, то её решение может быть отодвинуто на дальний период. В Северске достаточно активно действуют четыре общественные организации: ВОИ – местное отделение Всероссийского общества инвалидов, ВОС – общество людей «с белой тростью», ВОГ – общество слабослышащих граждан и, наконец, клуб молодых инвалидов «Ровесники», принимающий в свои ряды молодёжь с нарушением интеллекта. НКО активно взаимодействуют с городскими властями, поднимают вопросы, не терпящие, на их взгляд, отлагательства. В результате встреч достигнуты договорённости, которые потом были оформлены как соглашения о взаимном сотрудничестве между НКО и администрацией города. Каждая из этих общественных организаций зарегистрирована как юридическое лицо, имеет своё планирование и смету, часть которой финансируется из местного бюджета.

На официальном сайте Администрации ЗАТО Северск ещё в 2011 г. появилась «карта доступности». Любой северчанин мог обратиться с просьбой, а иногда и с требованием по установке либо пандуса, либо кнопки вызова персонала, места стоянки для инвалидов. Обсуждение в социальных сетях, критика первых устройств, пользоваться коими фактически не было возможности, сыграли свою роль, обратная связь была установлена, новые технические средства изготавливались предпринимателями, а большинство магазинов, кафе, аптек, кредитных организаций находится в частной собственности и уже «приспособлены к жизни».

Муниципальные здания должны были подать пример в организации доступной среды, и к выборам 2010 г. на одном из избирательных участков (средняя образовательная школа) установили пандус, пригодный для использования инвалидами-колясочниками.

Становятся традиционными и регулярными встречи руководства города с активом НКО. Общественники получили в безвозмездное пользование двухэтажное здание со своей территорией, совместными усилиями привели его в порядок, отремонтировали ограждение, навесили ворота, чтобы личные автомобили жителей не причиняли неудобств физически незащищённым людям проводить свои мероприятия. Однако остаётся ещё много вопросов и задач, требующих решения.

При паспортизации ОСИ рабочие группы с участием представителей НКО, владельцев зданий, инженеров-строителей замерили расстояние от автобусной остановки до здания, наличие указателей. Написали в анкетах, сколько дверных проёмов нужно расширить, сколько пандусов или лифтов установить. Теперь предстоит определить источ-

ник финансирования. Так как это в основном средства местного бюджета, то ожидать немедленного решения всех проблем, по меньшей мере, утопично. Зная полномочия муниципалитетов и объём их ответственности, понимаешь, что необходимы дополнительные вливания. Хотя бы на условиях совместного финансирования принять участие в региональных и федеральных целевых программах.

Мы коснулись только одной стороны проблемы участия в выборном процессе граждан с ограниченными возможностями здоровья – доступной среды социальной инфраструктуры, т.е. тех мест, куда надо прийти с паспортом и принять участие в голосовании. А ведь главное и основное, как оказалось, большие проблемы ещё и в том, как выйти из дома. Не во все подъезды есть возможность установить пандус, соответствующий нормам. В некоторых случаях обустройство пандуса становится «золотым» не только для жителя подъезда, но и для муниципального бюджета. Сметная стоимость переустройства иного подъезда достигает полумиллиона рублей.

Интересная практика применяется в самом «богатом» субъекте Российской Федерации – городе Москве. В создаваемые специально для колясочников жилые дома переселяют желающих на условиях мены, а иногда и безвозмездного пользования. В 2013 г. около 90 человек будут жить в таком специально приспособленном жилье. Решит ли это проблему? Думается, что нет. Миллионную долю процента инвалидов обеспечить в год ничтожно мало, хотя справедливости ради надо сказать, в других субъектах и этого нет.

Радует уже то, что вопрос предоставления возможности участия в выборах маломобильным гражданам наконец-то сдвинулся с мёртвой точки. Сегодня видится один из малозатратных путей временного решения проблемы – это приобретение так называемых «ступенеходов», стоимость которых может варьироваться от 170 до 400 тысяч рублей. Но их использование не утратит актуальности и после окончания выборов.

Есть еще и другой аспект участия инвалида-колясочника в выборах – в качестве кандидата в депутаты любого уровня, но это тема дальнейшего изучения.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Ст. 2, 32 [Электронный ресурс] : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru/law/constitution.html> (дата обращения: 30.11.2013).
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 25.12.2012 № 627 [Электронный ресурс] : Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150687/ (дата обращения: 03.12.2013).

А.С. Якушева

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕСС-СЛУЖБ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Зарождение и развитие пресс-служб в региональных представительных органах власти неразрывно связано с процессом становления регионального парламентаризма. Задачи и функции ведомств, отвечающих за взаимодействие законодательных органов власти субъектов Российской Федерации со средствами массовой информации, на протяжении 20 лет трансформировались. В статье приведены результаты исследований, демонстрирующие особенности функционирования деятельности пресс-служб региональных парламентов на территории Западной Сибири, а также представлены основные направления в их работе, необходимые для реализации информационной политики региональных представительных органов государственной власти.

Ключевые слова: *региональный парламентаризм, информационная политика, СМИ.*

В качестве отдельных структур отделы по взаимодействию органов государственной власти со средствами массовой информации начали формироваться с начала 90-х гг. XX в. Сегодня пресс-службы и пресс-секретари есть в структурах различного уровня и подчинения – от Администрации Президента РФ и обеих палат Федерального Собрания РФ до органов местного самоуправления. Именно благодаря работе структур по взаимодействию со средствами массовой информации во многом повышается информационная открытость в деятельности региональных органов власти и происходит поворот к публичному диалогу представителей власти с общественностью. Эффективность такой работы сегодня уже рассматривается как один из важнейших факторов, обеспечивающих на региональном уровне стабильность и успешность государственного управления.

Взаимодействие государственных структур со средствами массовой информации определяется термином «информационная политика». Согласно одному из определений «информационная политика – это ряд целенаправленных действий, связанных с внедрением определенных информационных положений в сознание различных социальных групп и позволяющих сформировать и защитить поло-

жительный образ конкретного органа власти в целом, а также его руководства и, в первую очередь, высшего руководящего лица» [1].

Исходя из этого, а также основываясь на анализе деятельности пресс-служб региональных представительных органов власти Западной Сибири, можно определить основные направления в их работе и отдельные функции, которые необходимы для реализации информационной политики и осуществления информационного взаимодействия со средствами массовой информации. В самом общем виде функции, которые выполняет любая пресс-служба, выглядят так: 1) планирование; 2) производство сообщений; 3) распространение; 4) анализ эффективности; 5) координация и контроль. Нередко информационные отделы госструктур самостоятельно изготавливают теле-, радио- и видеопродукцию, выпускают рекламные проспекты, бюллетени, проводят социологические исследования [2. С. 44].

Практически в каждом субъекте СФО представительные органы государственной власти работают над выпуском теле- и радиопрограмм, наполнением официальных сайтов, а также готовят публикации в местные, региональные и федеральные СМИ. Тем не менее в каждом регионе существуют свои особенности функционирования пресс-центра как инструмента взаимодействия представительных органов власти со средствами массовой информации. В частности, это численность сотрудников пресс-служб (от 2 до 9 человек) и размер бюджета, выделяемого на информационное взаимодействие со средствами массовой информации, наличие средств массовой информации, учредителем или соучредителем которых является представительный орган субъекта.

Например, пресс-служба Совета народных депутатов Кемеровской области дважды в месяц готовит радиопрограмму «Депутатский вестник» о законотворческой деятельности, а также электронный журнал и «Электронные ведомости Совета народных депутатов Кемеровской области» [3]. Сотрудниками пресс-службы активно используются современные технологии передачи информации. Так, на официальном сайте [4] регулярно обновляется видеоблог, «Парламентская трибуна», а также проводятся опросы общественного мнения, работает интернет-приемная. Кроме того, практикуется запись на онлайн-прием к депутату, где, оставив заявку, житель региона может пообщаться с депутатом посредством видеосвязи. Помимо этого, сотрудники пресс-службы оказывают необходимую помощь

работникам аппарата, депутатам и их помощникам в подготовке материалов для СМИ.

Законодательное Собрание Омской области в эфире ГТРК «Иртыш» регулярно готовит программу «Законодатель» о деятельности представительного органа. Кроме того, на официальном сайте [5] проводятся видеотрансляции заседаний Законодательного Собрания Омской области. Активно используется такая форма информационной работы, как организация стендов с фотохроникой мероприятий, проводимых депутатами Законодательного Собрания.

Законодательная Дума Томской области готовит телепрограммы «Законы для томичей», «Парламентская неделя», информационные бюллетени, обзоры СМИ, на официальном сайте [6] работает форум для общения жителей региона с депутатами, представлены видео- и фоторепортажи с мероприятий Думы.

В Тюменской областной Думе за взаимодействие со средствами массовой информации отвечает Управление по обеспечению информационной политики. Одной из форм взаимодействия является парламентский пресс-клуб «Простые правила». Кроме того, в областной Думе создана собственная телестудия, в которой готовятся еженедельные видеодайджесты парламентских событий «Ваш депутат», проводятся онлайн-трансляции из большого зала заседаний. Еще одно направление работы – выпуск парламентской газеты «Тюменские известия».

Рассмотрим более подробно особенности функционирования отдела пресс-службы Алтайского краевого Законодательного Собрания. Отдел состоит из 3 человек: начальник отдела, консультант-редактор официального сайта и консультант отдела. Задача отдела пресс-службы заключается в обеспечении средств массовой информации объективными и достоверными материалами о работе краевого Законодательного Собрания, председателя АКЗС, комитетов, депутатских объединений, отдельных депутатов, работающих в составе той или иной фракции. Кроме того, в функции отдела пресс-службы входят подготовка и проведение теле- и радиоэфиров, пресс-конференций, брифингов, интервью, распространение официальных сообщений, пресс-релизов и т.д. Отдел пресс-службы отвечает за формирование информационной политики Алтайского краевого Законодательного Собрания, разработку перспективных и текущих планов работы пресс-службы и их реализацию.

Начальник отдела пресс-службы Алтайского краевого Законодательного Собрания:

- участвует в подготовке и проведении официальных встреч, рабочих поездок председателя АКЗС, а также других мероприятий с участием председателя АКЗС в целях их освещения в средствах массовой информации;

- организует и обеспечивает выступления председателя АКЗС края в федеральных, региональных и муниципальных средствах массовой информации;

- организует освещение в средствах массовой информации мероприятий с участием председателя АКЗС, его заместителя или председателей постоянных комитетов АКЗС;

- организует фото- и видеосъемку мероприятий с участием председателя АКЗС;

- готовит еженедельный мониторинг региональных средств массовой информации;

- организует пресс-конференции, интервью, брифинги и другие формы взаимодействия председателя АКЗС, его заместителя, председателей комитетов АКЗС и иных депутатов представительного органа;

- участвует в перспективном и оперативном планировании мероприятий с участием председателя АКЗС;

- организует подготовку и размещение оперативной информации о деятельности председателя АКЗС на официальном сайте Алтайского краевого Законодательного Собрания, а также на официальных страницах АКЗС в социальных сетях Twitter и Facebook;

- готовит предложения о взаимодействии со средствами массовой информации.

Официальный сайт Алтайского краевого Законодательного Собрания является одним из наиболее оперативных источников официальной информации о деятельности АКЗС [7]. Отдел пресс-службы аппарата Алтайского краевого Законодательного Собрания отвечает за работу официального сайта в соответствии с Положением «Об официальном сайте Алтайского краевого Законодательного Собрания», принятым на сессии АКЗС 27.09.2012 г.

Сотрудники отдела пресс-службы осуществляют взаимодействие с депутатским корпусом, со всеми структурными подразделениями аппарата АКЗС, редакторами и сотрудниками средств массовой ин-

формации, членами общественной палаты Алтайского края, краевой избирательной комиссией, и иными общественными объединениями, структурными подразделениями администрации Алтайского края, осуществляющими взаимодействие со средствами массовой информации, а также с органами местного самоуправления по вопросам своей деятельности. Кроме того, в обязанности начальника отдела пресс-службы входит консультирование граждан по вопросам, отнесенным к его компетенции.

Показателями эффективности деятельности в отделе пресс-службы служат объем и качество выполняемой отделом работы; соблюдение сроков исполнения поручений; эффективное планирование мероприятий, связанных с исполнением должностных обязанностей, количество материалов в средствах массовой информации о деятельности депутатов АКЗС (в том числе оригинальных), а также количество жалоб граждан и юридических лиц на действия (бездействие) гражданского служащего.

Уделяется внимание взаимодействию пресс-службы АКЗС с муниципальными СМИ. На сегодняшний день в крае существует 69 районных и городских газет. В них публикуются материалы о работе депутатов, поздравления с официальными государственными праздниками. С целью улучшения взаимодействия АКЗС с районными и городскими газетами и выстраивания качественной системной работы сотрудники отдела пресс-службы АКЗС оказывают методическую помощь в подготовке материалов о деятельности АКЗС, принимаемых нормативно-правовых актах.

Ежегодно проводится конкурс для журналистов и средств массовой информации, участвующих в освещении деятельности АКЗС и представительных органов муниципальных образований и городских округов. Победители награждаются дипломами ценными подарками.

В целом работа пресс-служб региональных органов представительной власти Западной Сибири различается несущественно. Общие функции выполняет любая пресс-служба. Тем не менее в ряде субъектов на отделы пресс-служб возложены функции журналистов, социологов, аналитиков. Во многом особенности функционирования пресс-служб региональных представительных органов власти зависят от субъективного отношения руководителей региональных представительных органов законодательной власти к публичной деятельности и информационной открытости отдельных акторов представительной власти.

Литература

1. *Исследовательский центр «Аналитик»*. URL: <http://rc-analitik.ru/vlast/>
2. *Гундарин М.В., Сидорова А.Г.* Рейтинг информационной открытости государственных органов власти России в 2009 г. // PR в изменяющемся мире: коммуникационные технологии в деятельности органов власти: сб. ст. Вып. 8. Барнаул, 2010.
3. *Электронные ведомости* Совета народных депутатов Кемеровской области. URL: <http://zakon.sndko.ru/>
4. *Официальный сайт* Совета народных депутатов Кемеровской области. URL: <http://sndko.ru/>
5. *Официальный сайт* Законодательного Собрания Омской области. URL: <http://www.omsk-parlament.ru/>
6. *Официальный сайт* Законодательной Думы Томской области. URL: <http://duma.tomsk.ru/>
7. *Официальный сайт* Алтайского краевого Законодательного Собрания. URL: www.akzs.ru

А.С. Юдина

МЕТОДЫ ПОСТРОЕНИЯ И АНАЛИЗА ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИКА

В статье рассматриваются основные понятия и способы построения публичной речи, являющейся основным полем деятельности политических технологов и менеджеров, также – один из методов анализа политической и парламентской речи, который активно используется в мировом научном сообществе. Речь – это оружие политиков и парламентариев, которое при неправильном его использовании может сыграть злую шутку с имиджем самого лидера.

Ключевые слова: парламентаризм, парламентская речь, политическая речь.

В современной политике главным достоинством является правильное и грамотное использование важнейшего инструмента – слова. Для создания успешного имиджа того или иного политика над его внешним – речевым, психологическим и политическим – обликом нередко работает довольно большой коллектив.

В структуре публичной речи можно выделить два элемента:

- **Политическая речь** – заранее сформулированный план выступления с оценками, обоснованиями, перспективой планового развития, который представляет собой политическое действие [1. С. 179]. Следует учесть, что политической речью может быть и парламентское выступление, нацеленное на убеждение в целесообразности осуществления того или иного действия.

- **Парламентская речь** – одна из форм публичной речи, более сложная по содержанию, так как включает в себя ряд требований для достижения определенных политических и стратегических целей посредством выступления в парламенте [2. С. 13–14].

Часто создателем политической речи является спичрайтер – специалист, формулирующий политический текст, который должен рационально использовать определенный набор инструментов. Построение **политической речи** [3] (текста) включает в себя 4 этапа.

1-й этап – изобретательство. На данной стадии разрабатываются основной концепт будущей речи, тема, аргументация. Изучаются медиaprостранство, предполагаемая аудитория, а также обстановка выступления.

2-й этап – организация. В основном речи политиков вызывают интерес лишь по поводу их наличия, на самом деле существует лишь

небольшой процент тех, кто вдумывается в сказанное, анализирует и понимает основные аспекты выступления. На данном этапе главная задача спичрайтера – построить выступление таким образом, чтобы аудитория как минимум не заскучала, как максимум поняла то, что оратор хотел донести до слушателей. Построение выступления с помощью **теории выдвижения**, которая предполагает разделение текстовой информации на два блока: нейролингвистический и теоретико-информативный. В рамках данной теории необходимо в правильной последовательности располагать аргументацию.

3-й этап – язык. Главной задачей этого этапа является подбор соответствующих языковых и художественных средств, обогащение и оживление речи, помимо этого, необходимо правильно построить звуковую составляющую (гармоничное звучание).

4-й этап – запоминание и исполнение. Написанный кем-то текст сложно запомнить и воспроизвести. Поэтому спичрайтеры разрабатывают и индивидуальные методики, способствующие запоминанию текста. Также учитываются характеристики каждого отдельно взятого оратора, так как не все обладают одинаковым уровнем выразительности, громкостью голоса и другими характеристиками.

Для парламентской речи характерен определенный набор требований по структурированию текста. Предполагается использование простых предложений, вводных конструкций, иногда допускаются просторечия, но в крайних случаях. На первый взгляд может показаться, что процесс построения парламентской речи гораздо более прост, чем политической речи. Действительно, процесс разработки проходит те же этапы, но главное различие в том, что парламентская речь – прерогатива внутривнутриполитического пространства, политическая представляется на различных уровнях, в соответствии с этим гораздо чаще поддается модификации. Наиболее употребляемыми **тропами** [4] являются:

Сравнение/эпитет/метафора. Эпитет – образное словосочетание, как правило, с использованием этого тропа представляется отношение спикера к предмету речи. Метафора – сочетание слов, употребляемое исключительно в переносном смысле. Чаще использование этих тропов наблюдается в речи И. Хакамады.

Гипербола/литота – два противоположных тропа. Гипербола – преувеличение каких-либо качеств, а литота, соответственно, преуменьшение.

Ирония – слово или сочетание слов, употребляемое в переносном смысле, цель использования данного тропа – высмеивание.

Олицетворение – языковой прием, при котором свойства одушевленного предмета переносятся на неодушевленный (Россия-матушка).

Риторическое восклицание/вопрос. Восклицание – синтаксический посыл утверждения или отрицания на эмоциональной основе, цель – привлечение внимания публики. Риторический вопрос – синтаксическая конструкция, которая не имеет или вовсе не требует ответа.

Повтор – частое использование одного и того же слова (выражения). Цель – выделение наиболее важного элемента предложения. Различают два вида повтора: анафора – использование аналогичных начальных конструкций в предложении и эпифора – использование заключительных конструкций.

Цитирование не всегда считается уместным в политической речи, потому как данный троп более применим к научным статьям/лекциям и т.п. Поэтому цитирование в политике трактуется немного иначе. В.В. Жириновский: «...поэта А.С. Пушкина. Помнишь его крылатые слова: «Москва! Как много в этом слове...». Или же: «Здравый смысл подсказывает – время невозможно повернуть назад».

Предупреждение – своего рода троп, создающий эмоциональное напряжение или эффект ожидания («Не могу не сказать пару слов о...»; «Давайте посмотрим, как многое изменилось за 10 лет...»).

Намек – один из наиболее эффективных приемов, привлекающий внимание и обостряющий интерес слушателей.

Наличие такого количества ограничений в парламентской речи обусловлено тем, что тексты нередко публикуются и доступ к ним имеет каждый. В данной ситуации главное – не допустить ошибочной интерпретации текста, иначе это может привести к необратимым последствиям (т.е. в речи изначально не должно быть двойственности).

Одной из главных составляющих публичной речи является политическая лингвистика. Основной этап становления политической лингвистики относят к периоду после Первой мировой войны, на данном этапе изучение политической коммуникации и ее взаимосвязи с социально-политическими явлениями стало особенно актуальным в связи с огромными человеческими потерями. Исследователи изучали специфику языка политики, способы формирования общественного мнения, а также эффективность политической агитации и военной пропаганды. Основные исследователи в данной отрасли на

этапе становления политической лингвистики – Г. Лассвелл [5] (выявлял взаимозависимости между стилем политического языка и политическим режимом), У. Липпман [6] (изучал пропаганду и агитацию, применение контент-анализа в политике), П. Лазарсфельд [7] (изучал пропаганду и влияние радиовещания на население, один из основоположников метода фокус-групп), Н. Лейтес [8] (опираясь на работы основоположников психоанализа, разработал и применял лингвопсихоаналитический подход, изучал советское общество и советскую политическую элиту).

В современной политической лингвистике существуют следующие направления, которые активно изучаются исследователями по всему миру [9. С. 22–30]:

- **Критический анализ политического дискурса**

Приоритетными исследованиями данного направления являются изучение способов социальной власти, поиск способов появления социального неравенства, а также поиск языковых барьеров для сопротивления социальному неравенству, социальных конфликтов.

Материал для исследования – политические тексты, которые создаются в период социального риска. Популярны исследования относительно «отрицательных расовых образов чужаков», а конкретно – на основе чего формируются ошибочные представления о других расах и кому это выгодно.

- **Контент-анализ политического дискурса**

В рамках данного направления анализируются различные тексты политического содержания, они подвергаются компьютерной и лингвистической обработке.

Задача исследований – поиск взаимосвязей между социально-политическим уровнем жизни и использованием политического языка. Сортировка материала для исследования: корпус текстов подбирается с помощью определенной выборки, в связи с каким-либо событием, ограничен временными рамками.

- **Риторический анализ политического дискурса**

В рамках риторического анализа сложилось две группы исследователей. Первая считала, что умение выступать перед публикой гораздо важнее самого содержания текста. Вторая группа – представители «критического течения», они считают, что за красотой любого выступления нужно суметь увидеть определенную идеологическую символику и расшифровать ее.

Метод – подробный текстуальный анализ, исследование исторического и культурного контекста.

• Когнитивное исследование политического дискурса

В рамках данного направления также существуют две тенденции. Первая связана с излишним влиянием западных теорий, а также активным внедрением данных теорий в различные исследования. Вторая тенденция определяется критикой западных теорий и доказательством невозможности применения данных теорий в прикладных исследованиях для азиатских стран. Японские исследователи предложили триаду «правительство – СМИ – общество», согласно которой давление на один из компонентов данной цепи возможно при согласии двух других элементов. Рассматриваются недостатки западных теорий и адаптация существующего знания для незападных стран.

В современной политической науке существует множество методов анализа политических текстов. Построение политического текста – это процесс довольно трудоемкий и длительный, состоящий из нескольких этапов. Как политическая, так и парламентская речь обладают определенными специфическими чертами, и тем не менее граница между этими двумя понятиями довольно тонкая и, как может показаться, расплывчатая. Детальное изучение текстов дает нам возможность увидеть скрытые идеологические смыслы, позволяющие выявить истинные мотивы оратора.

Литература

1. Юдина Т.В. Дискурсивное пространство политической речи: Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 179–187.
2. Кибак И.А. Психология и культура парламентской речи // Белорусский психологический журнал. 2004. №3. С. 13–14.
3. Основные этапы составления политической речи [Электронный ресурс]. [URL]: <http://avantireklama.ru/politicheskaya-tech-osnovny-e-e-tary-podgotovki.html>
4. ЛДПР. Особенности построения парламентской речи [Электронный ресурс]. [URL] http://ldpr.org/index.php?ind=reviews&op=entry_view&iden=15
5. Лассвелл Г. Стиль в языке политики. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 2 (22). С. 165–177.
6. Литман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
7. Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие: пер. с англ. // Макаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. М.: Аспект-пресс, 2000.
8. Лейтес Н.С. Возрастные основы умственного роста [Электронный ресурс]. URL: (режим доступа – открытый). http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/hrestomatia/39.php
9. Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие. Екатеринбург, 2011. 384 с.

Е.Д. Жданова

ПАРЛАМЕНТСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСОБЫЙ КОМПОНЕНТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ

В статье рассматривается парламентская культура как особый компонент деятельности парламентариев в законотворческой деятельности, которая представлена в форме культурно-коммуникационного пространства.

Ключевые слова: *парламентская культура, ценности, парламент.*

Понятие «культура», равно как и различные словосочетания, в состав которых оно входит, слишком многозначны, чтобы их можно было использовать без предварительных ограничений и определений. В данном случае мы условимся понимать под парламентской культурой некоторые качества индивидуального сознания и мышления представителей высшей власти. В современном обществе парламентская культура выступает как закрытая и мало исследованная область культурного человеческого наследования. В книге «Парламентаризм в России: исторический опыт, проблемы и перспективы» под парламентской культурой понимается «публичное поведение депутатов в парламенте, регламентируемое и регулируемое парламентским регламентом, традициями поведения в законодательном органе, комиссией по парламентской этике, если такая предусмотрена регламентом» [1]. Свои корни парламентская культура берет с момента создания совещательных и представительных органов – парламентов, именно в тот момент, когда начинает формироваться морально-политическая атмосфера общества. По мнению исследователей парламентаризма, «парламент – не только «социальный механизм», устроенный и действующий по определенным правилам. Это организация, т.е. совокупность, с одной стороны, структур, правил взаимодействия и, с другой стороны, живого сознания людей, составляющих, как сам депутатский корпус, так и обслуживающий его аппарат. Следовательно, совокупность знаний, привычек, поведенческих стереотипов, социальных установок людей, действующих в парламенте, самым существенным образом влияет на его функционирование» [2. С. 69]. В данном случае под парламентской культурой мы будем понимать совокупность речевых приемов и актов политической коммуникации между представителями высших эшелонов власти, играющих главную роль в решении спорных политических ситуаций между про-

тивоборствующими сторонами. В некотором роде парламентская культура представляется в виде совокупности исходящих от парламентских акторов разнообразных потоков сообщений в сфере публичной власти и области принятия местных и региональных решений и представляет собой культурно-коммуникационное политическое пространство.

Парламентская культура – это те базисные знания о политико-социальной жизни, которые разделяются достаточно большой частью парламентских участников и определяют для нее понимание конкретных политических ситуаций и поведение в них. Знание такого рода отношений между сотрудниками парламента может быть и, как правило, является неосознанным. Именно по этой причине в отсутствие официального опубликования правил парламентской культуры оно и срабатывает автоматически или путем использования индивидуальных установок участников процесса – не потому, что оно адекватно интерпретируемой ситуации, а потому, что нет никаких четких разграничений понятий в коммуникационном процессе: другие способы понимания и поведения просто неизвестны. На мой взгляд, важнейшим типом знаний, определяющих парламентскую культуру, являются ценности. Ценности – сложные символические конструкторы, непосредственно связанные с политической коммуникацией. Ценности выделяют в политической коммуникации особые типы ситуаций и приписывают этим ситуациям определенную степень приемлемости или неприемлемости. В данном аспекте в парламентской культуре выделяется важная базовая степень – категория «справедливость». Справедливость в парламентской культуре стоит рассматривать с точки зрения вынесения справедливого решения в вопросах политики и социальной жизни населения региона или области. Понимание самой структуры ценностей особенно важно при исследовании представительных институтов власти, так как ценности являются основой аргументирующих политических субъектов в парламентских дебатах, а они в первую очередь служат основой субстрата деятельности парламента. Схема политической аргументации – это демонстрация того, что обсуждаемый вопрос повестки дня ведет к такому состоянию, которое будет оценено в двух аспектах – позитивно или негативно и поэтому будет принят или отвергнут. В связи с этим в центре внимания оказывается весьма важный вопрос об иерархии ценностей, так как разные политические стороны в дебатах способны апеллировать к

разным ценностям, и достижение взаимопонимания и консенсуса предполагает существование более или менее общей иерархии ценностей.

Иерархия структуры ценностей – важнейший компонент парламентской культуры, и многие спорные вопросы между активно действующими субъектами в политическом процессе связаны с тем, что при этом также происходит слом установившихся канонов ценностей. Между тем иерархия ценностей – наименее стабильный компонент парламентской культуры во властной системе. Внутренняя устоявшаяся структура ценностей и социальные межличностные отношения участников процесса активной политики гораздо более консервативны. Изменения в иерархии ценностей определяют направление социальной и политической трансформации, или, другими словами, изменения на макроуровне.

На мой взгляд, на сегодняшнем этапе развития политической коммуникации каждый активный участник парламентского процесса должен владеть определенным набором правил и норм поведения в публичных отношениях. Труд парламентариев отличается разнообразием, сложностью и обладает специфической формой. Депутат, должен владеть навыками риторики и высоким уровнем парламентской культуры.

Книга «Азы парламентской культуры» Г.М. Роберта [3] является буквально справочником-путеводителем в системе основ речевых правил парламентской культуры. В данной книге даны естественные примеры организации процессов публичной власти, ведения различного рода собраний и образцы тех устных формулировок, которые используются при внесении предложений и постановке их на голосование. Также обсуждается широкий круг вопросов относительно правил и обязанностей работников парламента и техники ведения переговоров с другими участниками властной деятельности. Парламентарии должны владеть широким спектром специальных знаний, умений и навыков правильного речевого поведения в публичной сфере. Ведь анализируя различного рода публикации в СМИ речей парламентариев, индивид представляет образ интеллектуальной политической элиты в своем сознании. Законотворческий процесс есть искусство создания и моделирования законодательных актов, а парламентская культура есть часть этого творческого акта. Без знания основ парламентской

этики парламентарий теряет важную часть внутренней стороны законодательного ремесла.

Литература

1. *Парламентаризм в России: исторический опыт, проблемы и перспективы*: учеб. пособие / под ред. Н.В. Поправко, К.Н. Ширко. Томск, 2007. 224 с.
2. *Бирюков Н., Сергеев В.* Парламентская деятельность и политическая культура // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 66–75.
3. *Robert H.M.* Robert's Rules of order. New York: Liberty publishing house, 1992. 151 p.

Б.Н. Карипов

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РОССИЙСКИХ КАДЕТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ НАЧАЛА XX В.

Законопроекты кадетов имели несомненные практические достоинства. Либеральные идеологи предложили актуальную, развернутую программу реализации собственной модели изменения политической системы страны. Исходным импульсом выступал тезис о правовой связанности государства, что гарантировало соблюдение прав индивида и личности при одновременной приверженности общества духу государственности. Инструментом реализации являлась правовая реформа, представленная пакетом законопроектов, осуществляемая исключительно мирным эволюционным, парламентским путем, что позволяло концепцию правовое государство превратить в действенный инструмент социально-политических преобразований.

Ключевые слова: Государственная дума, либералы, закон, реформа, правовое государство.

Российские либералы начала XX в. получили возможность посредством законотворческой деятельности в Государственной думе разработать ряд технологий по реформированию политико-правовых институтов. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в преддверии начала работы I Государственной Думы. Программа действий была изложена в так называемом «Адресе», который являлся ответом кадетов на речь императора перед депутатами. Будучи своеобразным изложением программы законотворческой деятельности российского либерализма, «Адрес» включал в себя целый ряд положений, направленных на более активное участие Думы в государственном строительстве. К ним могут быть отнесены такие предложения, как введение всеобщего избирательного права; упразднение Государственного совета; равномерное распределение налогов; решение национального вопроса; отмена ограничений законодательной компетенции Думы [1. С. 74–75, 107, 154].

Новый импульс законотворческая деятельность либералов получила в кратковременный период работы I Государственной думы. В рамках кадетской фракции проходили окончательную доработку либеральные законопроекты, направленные на полное или частичное изменение существовавших законов, относящихся к вопросам государственного строительства. Особенно тщательно рассматривались среди них те фрагменты, которые облегчали процедуры избирательной кампании в высший законодательный орган – российский пар-

ламент; квалифицировали права и обязанности парламентариев; усиливали значимость и самостоятельность одной из высших ветвей власти – судебной; расширяли прерогативы низовых органов власти и самоуправления на местах [2. С. 24]. Анализ содержания этих законопроектов позволяет говорить о трех приоритетных для кадетов направлений правотворческой парламентской деятельности: а) увеличении прав законодательной власти, и в частности Думы; б) обеспечении депутатской неприкосновенности; в) изменении закона о выборах.

К законодательным инициативам кадетов во II Государственной думе можно отнести законопроект о всеобщем избирательном праве, а также участие фракции в прениях по бюджетным вопросам. Здесь кадеты, оставаясь на позициях утверждения принципиального верховенства представительной ветви власти над исполнительной, в рамках действующего законодательства пытались отстаивать реальные возможности парламента влиять на формирование бюджета.

В III Государственной думе можно отметить смену приоритетов. Центр тяжести своей работы кадеты перенесли с предлагаемых законопроектов на их активное обсуждение в различных думских комиссиях. Наиболее показательным с этой точки зрения обсуждение вопроса о депутатской неприкосновенности. На второй сессии было предложено исключить из состава Думы кадетов А.М. Колюбакина и В.Е. Косоротова. Представители кадетской фракции, указав на коллизии в действующем законодательстве, предложили считать Думу свободной в выборе решения по данному вопросу. С целью устранения возникшей коллизии было предложено изменить соответствующую статью Положения о выборах в Государственную думу в том смысле, что «ограничению избирательных прав» могли подвергаться исключительно «лица, лишенные или ограниченные в правах приговором суда» [3. С. 10]. В вопросах разработки нового варианта Наказа Думы, которая в силу особой позиции Сената не имела утвержденного регламента, значительную роль сыграл В.А. Маклаков, председательствовавший в соответствующей комиссии Думы. Несмотря на настороженное отношение думского большинства к проекту Наказа, составленного кадетами еще в период «революционных» Дум, он убедил большинство голосовать за данный вариант.

Важным шагом кадетских юристов стало предложение расширить полномочия Думы в области законодательной инициативы проект, предусматривавший упрощение процедуры прохождения зако-

нопроекта через Думу, что, несомненно, вело бы к увеличению ее роли в законотворческом процессе. Новизна законопроекта обуславливалась следующими положениями:

- устранить деление обсуждения на две стадии: суждения о «желательности» и о самом существовании законопроекта;

- принять за общее правило, что после поступления законопроекта Государственная дума избирает комиссию для рассмотрения вносимого законопроекта; из этого правила допускалось исключение для простых случаев, где предварительное рассмотрение не требовалось;

- сократить срок ознакомления министров с законопроектом с одного месяца до одной недели.

Необходимо отметить, что с формально-правовой стороны данный законопроект являлся документом процедурного усиления думы. Вместе с тем можно полагать, что он мог стать пробным камнем по постепенному реформированию правовой системы России в сфере организации государственной власти, своеобразной проверкой готовности исполнительной власти взаимодействовать с Думой, а шире – законодательной ветвью власти.

К действиям кадетов, нацеленным на изменение характера взаимоотношений законодательной и исполнительной властей, относился проект о личной неприкосновенности депутатов. Импульсом к его разработке послужили соответствующие статьи Учреждения Государственной думы. Согласно этим положениям предусматривалось, что член Государственной думы может быть подвергнут лишению или ограничению свободы исключительно по распоряжению судебной власти, причем для совершения данного действия требовалось предварительное разрешение Думы. Предусмотренные случаи задержания непосредственно при совершении преступного деяния или же на следующий день, а также привлечение депутатов к ответственности за такие преступные деяния, которые могли быть совершены при исполнении или по поводу исполнения обязанностей депутата Государственной думы, являлись в данном случае исключением. Предлагалось считать, что в отношении привлечения депутата к ответственности должен применяться порядок, предусмотренный для высших чинов государственного управления. Между тем исключалось личное задержание депутата за долги.

Подобные трактовки все же оставляли исполнительной власти пространство для маневра по воздействию на оппозиционных депу-

татов административными методами. К примеру, в статье, где наряду с правом задержания депутата непосредственно при совершении преступного деяния предусматривалась возможность его задержания «на следующий день», что открывало простор полицейским провокациям, тем более что понятие «следующий день» в данном случае не определялось. Главным же принципиально неприемлемым основанием депутатской ответственности было положение о возможности привлечения депутата к ответственности в связи с исполнением им депутатских обязанностей.

Предложенный либерально ориентированными юристами законопроект отличался новизной в трактовке соответствующих статей Учреждения Государственной думы. В частности, первая статья законопроекта ограничивала исполнительную власть в возможности возбуждения уголовного преследования члена Государственной думы, ставя саму возможность начала данной процедуры в зависимость от наличия разрешения Государственной думы, причем такое постановление каждый раз должно было иметь особый характер. В прямой связи с этой статьей находится третья статья, которая предусматривала, что уголовное преследование члена Государственной думы или же любое постановление о лишении его свободы, возникающее до открытия сессии, следовало приостановить после открытия сессии до разрешения Думы. Тем самым гарантировалась неприкосновенность личности депутата между сессиями парламента.

Вместо упомянутых выше статей Учреждения Государственной думы о лишении или ограничении свободы депутатов Думы предлагалась другая статья, которая определяла этот порядок. Общие принципы соответствующей процедуры предусматривали исключительно судебную процедуру принятия решения только после предварительного согласия Думы. Весьма важной представляется статья законопроекта, которая предусматривала, что порядок привлечения депутатов к ответственности за преступления, совершенные при исполнении или же по поводу исполнения обязанностей члена Государственной думы, также ставился в зависимость от решения самого парламента и определяется соответствующими статьями законопроекта. Тем самым либеральные парламентарии стремились обеспечить реальную защиту депутатов от неправомерных действий исполнительной власти.

В целом либеральные предложения были направлены на изменение законным путем статуса российского представительного органа

и его членов. Это позволяло расширить права Думы, превратить его в орган, значительно влияющий на функционирование государственной системы. Проект положения о выборах в Государственную думу можно отнести к числу таких предлагаемых либералами практических мер, которые своим содержанием могли повлиять на изменение государственно-властной системы страны. Повышенное внимание к данному проекту было обусловлено тем, что либеральные идеологи именно в народном волеизъявлении видели важный социальный ресурс для своей партии, для реализации либеральной программы преобразования политической системы страны посредством правовых реформ.

В разделе, определявшем принципы проведения выборов, перечислялись основания для ограничения избирательных прав, характеризовались требования к будущим депутатам, регламентировались нормы назначения даты выборов. В одной из статей проекта говорилось, что выборы проводятся на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. В последующих статьях объяснялось, что право на участие в выборах принадлежит всем гражданам России без различия пола и достигшим 21 года. Исключение составляли лица, находящиеся под опекой и попечительством, подвергшиеся по судебному приговору лишению или ограничению прав состояния и т.д. Кроме них, избирательных прав лишались военнослужащие и лица, занимающие должности генерал-губернаторов, губернаторов, вице-губернаторов, градоначальников и их помощников, чинов полиции, а в Царстве Польском – уездных начальников. Общие выборы назначались Высочайшим указом на один из воскресных дней, единый для всей страны. Подобно другим кадетским законопроектам, в него была внесена статья, защищавшая право граждан в целом. Согласно этой статье никто не мог воспрепятствовать гражданину пользоваться своим избирательным правом – ни административные органы своими распоряжениями, ни частные лица.

В законопроекте учитывалась и национальная специфика страны. Так, одна из статей предусматривала широкие возможности использования в избирательных документах наряду с русским и местными языками. Другие статьи устанавливали порядок составления избирательных списков, исходя из особенностей учета населения на территории страны, разделение территории не только по формальному принципу равенства избирательных округов, но и с учетом плотности населения малонаселенных территорий, его национально-

го и бытового состава. Кадетский законопроект предусматривал весьма любопытный механизм, призванный компенсировать разреженность сельского населения. Вместо системы двухстепенных выборов, которая предлагалась партией демократических реформ, кадеты предпочли систему так называемых «заявленных кандидатов». Предусматривалось, что при поддержке двадцати избирателей любой гражданин, обладавший пассивным избирательным правом, мог выдвинуть свою кандидатуру для включения в списки по округу.

Таким образом, законопроекты кадетов имели несомненные практические достоинства. В своей суммарной совокупности они свидетельствовали о том, что либеральные идеологи предложили актуальную на тот исторический момент, развернутую программу реализации собственной модели изменения политической системы страны. Ее исходным импульсом выступал тезис о правовой связанности государства, что гарантировало соблюдение прав индивида и личности, при одновременной приверженности общества духу государственности. Инструментом реализации этой модели являлась правовая реформа, представленная пакетом законопроектов, осуществляемая исключительно мирным эволюционным, парламентским путем. Подобная направленность, по мнению либералов, позволяла постепенно претворять в жизнь концепцию правового государства, превратив его в действенный инструмент социально-политических преобразований.

Литература

1. Государственная дума. Созыв I: стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1906.
2. Новгородцев П.И. Профессор В.И. Герье о первой Государственной думе // Русская мысль. 1907. №2.
3. Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 15.10.08-02.06.09. Отчет фракции. СПб., 1909.

Т.И. Ширко

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ И СТРАТИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1994–2003 ГГ. И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ¹

В статье освещаются вопросы формирования в Томской области в 1994–2003 гг. региональной политической элиты. В результате процессов регионального элитообразования предшествующего периода в 1994–2003 гг. отчетливо проявляется стремление элиты к консолидации и разработке на платформе её общих интересов основополагающего стратегического документа, определяющего перспективу регионального социально-экономического развития.

Ключевые слова: *политическая элита, социально-экономическое развитие, регион.*

Упорядочение политической системы Российской Федерации, закрепленное положениями Конституции 1993 г., определило новый вектор развития российских регионов. В Томской области региональные элитные группы, связанные общностью происхождения и находившиеся в 1990–1993 гг. в состоянии разобщенности и противоборства между собой, по мере стабилизации политической системы региона накануне выборов в региональный парламент в марте 1994 г. при поддержке граждан артикулируют свои интересы в целях дальнейшей стабилизации политической и социально-экономической ситуации в регионе. Об этом наглядно свидетельствуют итоги выборов. Из 21 избранного депутата подавляющее большинство являлись выходцами из советско-хозяйственной и партийной номенклатуры и представляли директорский корпус, научно-образовательный комплекс, «городскую элитную группу» и администрации районов Томской области. Председателем Томской Думы был избран видный хозяйственник-строитель, бывший заместитель председателя облисполкома Б.А. Мальцев [1].

Обеспечив свое представительство в региональном парламенте, в 1995 г. томская элита, в целях легитимации деятельности главы администрации Томской области добилась от федерального центра

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-11-70001.

разрешения на проведение прямых выборов руководителя региона, необходимость которых была предусмотрена законодательством. Это окончательно гарантировало политической структуре региона устойчивость и относительную дистанцированность томской элиты от федерального центра. Всего на пост главы администрации претендовало 4 кандидата, среди которых безусловный политический вес имел действующий глава администрации В.М. Кресс. В своей предвыборной программе он предложил реализовать комплексную программу развития Томской области, учитывающую все сферы общественной жизни региона. В.М. Кресса поддержали практически все элитные группы региона, отметив его многолетний управленческий опыт и «крепкую хозяйскую руку». Однозначный выбор томской элиты также был подтвержден поставленной перед ней задачей не допустить второго тура голосования и обеспечить безоговорочную победу действующего главы администрации, для чего был задействован административный ресурс: использование печатных СМИ, радио, телевидения, блокирование выступлений других кандидатов. На состоявшихся 17 декабря 1995 г. выборах В.М. Кресс одержал победу, набрав 51,87% голосов [2. С. 3].

После выборов глава администрации внес в руководящий состав администрации изменения, соответствовавшие сложившейся к тому времени в области внутриэлитной групповой расстановке. Из прежнего состава администрации сохранили свои посты заместители главы администрации А.Я. Петров и В.А. Жидких. Учитывая цели, стоявшие перед областью и связанные с необходимостью определения перспектив её развития, на работу в качестве заместителей главы администрации были приглашены представители хозяйственно-экономической элитной группы, научной интеллигенции и «городской» элитной группы, являвшиеся выходцами из номенклатурных кругов позднесоветского периода. Таким образом, к 1996 г. в Томской области результате выборов в органах законодательной и исполнительной власти оказываются представленными все основные элитные группы региона, которые ставят перед собой задачи по разработке и реализации стратегической программы социально-экономического развития Томской области на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

В качестве основополагающей идеи перспективного развития Томского региона элитой реанимируется идея интенсификации развития топливно-энергетического комплекса Томской области, пре-

имущественно связанного с нефте- и газодобычей. В декабре 1995 г. депутатскому областному корпусу была представлена для обсуждения разработанная администрацией программа «Реформы и развитие Томской области в 1995–1999 гг.». В программе в качестве основных – «прорывных» отраслей промышленности, призванных обеспечить экономическое благосостояние области, были определены нефтедобывающая и газовая промышленность. Одобрив в целом основные положения программы, депутаты обратили внимание администрации на недостаточную проработку её инвестиционной части и констатировали нехватку финансовых средств для реализации программы и отсутствие льготных условий для их привлечения [4. Л. 69].

Ограниченность инвестиционных возможностей региона заставила томскую элиту обратить внимание на ещё одну формирующуюся элитную группу региона – предпринимательство, которое ещё с нач. 1990-х гг. неоднократно предпринимало попытки активного участия в политической жизни региона. Интерес органов государственной власти Томской области к финансовым и инвестиционным возможностям томского бизнеса и самого бизнеса к политической жизни региона неизбежно приводит к взаимодействию двух заинтересованных групп. Площадкой для такого взаимодействия становятся преимущественно консультативно-совещательные органы, создаваемые при областных органах государственной власти. Особо представительным среди них становится совет по координации банковской деятельности при администрации Томской области, основная функция которого заключалась в разработке финансово-кредитной политики и привлечении инвестиций в экономику региона – основной задачи новой программы социально-экономического развития Томского региона на 1996–2000 гг. [5].

В программе были устранены все недостатки предшествующих доктрин и концепций. Проект программы был представлен для обсуждения депутатам Государственной Думы Томской области в июне 1997 г. и в целом был одобрен. Как и предполагалось, основной целью реализации программы являлось обеспечение выхода Томской области на модель устойчивого развития путем структурной перестройки региональной экономики и стимулирования развития её основной экспортно-ориентированной отрасли – нефтегазовой. При этом в стороне не остался и второй крупнейший ресурс региона – научно-образовательный комплекс, возможности которого планировалось использовать для научно-технологических разработок и соз-

дания рынка высоких технологий и наукоемких производств [6. С. 2].

Реализация программы, заинтересованность томской политической элиты в её результатах увеличивает заинтересованность элитных групп в сохранении существующего политического статус-кво, что демонстрируют результаты вторых выборных кампаний депутатов Государственной Думы и главы администрации Томской области. Выборы в областную Думу состоялись 21 декабря 1997 г. на основе нового законодательства, предполагающего избрание 42 депутатов вместо 21, что, безусловно, увеличило политический вес и значение законодательного органа в политической системе региона. В итоге из 42 избранных депутатов 20 являлись производственниками и руководителями томских предприятий, а 9 человек представляли представительные и исполнительные органы власти различного уровня. Почти четверть депутатского корпуса оказалась избранными на второй срок. Губернаторские выборы сентября 1999 г. также продемонстрировали сплоченность томской элиты. Томского губернатора поддержали многие политические партии и движения, в том числе и «Наш дом – Россия», членом Политсовета которого он являлся с 1997 г. В августе 1999 г. он опубликовал тезисы своей предвыборной программы, усилив её социальную направленность.

19 сентября 1999 г. на состоявшихся выборах В.М. Кресс одержал убедительную победу, набрав 72,93% голосов. После губернаторских выборов с целью укрепления своей власти губернатор провел очередную ротацию кадрового состава своей администрации. При этом обнаруживается тенденция, эквивалентная формированию депутатского корпуса Томской области, – обновление кадрового состава администрации в этот период осуществлялось преимущественно за счет привлечения к управлению лиц, имевших опыт работы в исполнительных и законодательных органах власти и являвшихся выходцами из номенклатуры 1988–1991 гг., а также районных руководителей.

После выборов томская элита предстала как единое, монолитное образование, связанное общностью происхождения – источниками рекрутирования и общими интересами. В начале 2000-х гг. томская элита формулирует уже более четкие цели развития региона, и в Программе социально-экономического развития и финансовой стабилизации Томской области на 2001–2005 гг., пришедшей на смену уже реализованной, особое внимание обращается на развитие муни-

ципальных образований, которым было рекомендовано приступить к разработке своих программ экономической и финансовой стабилизации.

Тем не менее, несмотря на целостность элиты, внутри неё, как и в любой социальной группе, в этот период шла борьба за лидирующие позиции в её истеблишменте. Арбитром в разрешении всех внутриэлитных проблем являлся губернатор В.М. Кресс. К концу 1990-х гг. в томской политической элите определяются две соперничающие группировки, каждая из которых выступает за приоритетное развитие в социально-экономической структуре региона одного из двух его основных ресурсов – научно-образовательного комплекса и нефтегазовой промышленности. Приоритетное развитие образования и науки в Томской области активно лоббируется представителями томской элиты в президентских и правительственных структурах и в целом получает одобрение правительства России. В 1999–2001 гг. в Томской области реализуется межведомственная программа, направленная на совершенствование механизмов реформирования и развития научно-образовательной сферы на региональном уровне. В 2003 г. в Томской области была принята первая в России инновационная стратегия, определившая цель, модель, участников и инструменты формирования региональной инновационной системы, обеспечивающей устойчивое экономическое развитие Томской области на основе использования ее научно-технологического потенциала. Развитие Томской области в долгосрочной перспективе должно было сопровождаться переходом региональной экономики, ориентированной на экспорт сырьевых ресурсов, к развитию наукоемких отраслей, основанных на технологиях.

Смена вектора томского развития не повлияла на целостность региональной политической элиты. Устойчивость занимаемых основными группами политической элиты позиций отчетливо проявилась на губернаторских выборах 21 сентября 2003 г. и выборах в областную Думу третьего созыва в декабре 2003 г. В.М. Кресс, получивший право на третий срок, переизбрался, набрав 71,21% голосов избирателей. А в числе избранных 42 депутатов оказались 14 депутатов, которые уже ранее работали в Думе первого или второго созывов, а четверо из них были избраны депутатами всех трёх созывов. 28 депутатов имели опыт работы в органах власти различных уровней управления, 32 депутата представляли директорский корпус, организации, фирмы и учреждения, а 5 депутатов возглавляли муниципальные органы власти.

ципальные образования. Губернатор области В.М. Кресс на первом заседании Думы охарактеризовал её состав как «звездный» [7. Л. 12].

Таким образом, формирование региональной политической элиты в Томской области в 1994–2003 гг. проходило в условиях постепенной экономической и политической стабилизации и разработки общей стратегии социально-экономического развития региона. Это стало важным условием её консолидации и способствовало выработке общего механизма взаимодействия различных элитных групп региона. Итоги выборов в Томской области подтвердили, что власть на местах постепенно сосредотачивается в руках политиков, значительная часть которых являлась выходцами из номенклатурных кругов, что обусловило высокую степень преемственности политико-управленческих структур.

Литература

1. Законодательная Дума Томской области. I созыв. URL: <http://duma.tomsk.ru/page/19/> (дата обращения: 30.03.2014).
2. *Томская неделя*. 1995. 28 дек.
3. *ГАТО*. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 16.
4. *ГАТО*. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 32.
5. *Томский вестник*. 1997. 29 июля.
6. *ГАТО*. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 92.
7. *ГАТО*. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 103.

И.А. Гаврилов

**ИМИДЖЕВЫЕ ПОТЕРИ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ РФ
ПРИ РАЗРЕШЕНИИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЯМОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ЭФИРА)**

В статье рассматриваются имиджевые потери, которые понес Совет Федерации РФ как орган представительной и законодательной власти, репрезентируемый в прямом телевизионном эфире в процессе рассмотрения обращения президента В.В. Путина об использовании Вооруженных сил на территории Украины. Факторы, оказывающие влияние на имидж субъекта политики, разделены на три группы и оценены с точки зрения позитивных, негативных и амбивалентных характеристик.

Ключевые слова: политический имидж, Совет Федерации, имиджевые потери, прямой телевизионный эфир.

Политический кризис, разразившийся в преддверии избирательного цикла за президентский пост на Украине, стал едва ли не главным событием в мировой повестке дня. Это произошло в первую очередь из-за силового характера противостояния на территории страны постсоветского пространства. В странах Запада, как и в России, развернулась широкая информационная кампания относительно происходящих событий. Ключевым событием в этой кампании не только для России, но и для всего мира стало положительное решение Совета Федерации на внесение президентом России Владимиром Путиным обращения об использовании Вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины. Это поистине историческое событие проходило в режиме прямой трансляции 1 марта 2014 г. по государственному телеканалу «Россия 24».

В исследовании представлена попытка выявления имиджевых потерь Совета Федерации, которые орган представительной и законодательной власти предположительно понес в процессе рассмотрения обращения президента В. Путина о вводе Вооруженных сил РФ в Крым.

Мы проанализируем прямой эфир внеочередного 347-го заседания Совета Федерации, выявим особенности этого заседания и оценим с точки зрения наличия позитивных, негативных или амбивалентных характеристик.

Под политическим имиджем понимается «образ политического лидера, деятеля, партии, который складывается в общественном

мнении и сознании, оказывая воздействие на авторитет и влияние (рейтинг) его носителя» [1]. Имиджевыми потерями, следовательно, считаются факторы, которые оказывают негативное влияние на авторитет выделенных субъектов политики.

Выбор прямого телевизионного эфира в качестве материала для исследования обусловлен следующими соображениями. Прямая трансляция предоставляет зрителю возможность увидеть работу верхней палаты во всех деталях. Прямой эфир является слепком реальной жизни и предоставляет широкое поле для анализа и интерпретации. В противовес этому жанру новостные и аналитические телевизионные сюжеты из-за наличия в такой видеопродукции монтажа, мнения автора и различных художественных приемов являются реальностью конструируемой. Другими словами, организация прямой трансляции на государственном телеканале говорит о том, что зрителям представляется воля государства напрямую, без посредников.

В процессе анализа прямого эфира (60 минут) выявлены следующие группы факторов, оказывающих потенциальное влияние на имидж Совета Федерации:

1. Особенности работы Совета Федерации.
2. Особенности работы в прямом эфире.
3. Ценностные характеристики.

Первую группу факторов, которые относятся непосредственно к самой работе Совета Федерации, следует проиллюстрировать примерами. Забегая вперед, отметим, что в основном эти примеры с точки зрения влияния на имидж являются негативными факторами.

Так, одним их главных недочетов в работе Совета Федерации является спешка при регистрации парламентариев, которая привела к тому, что кворум отсутствовал.

Копия с визуального интерфейса программного комплекса, подсчитывающего количество зарегистрированных сенаторов и отражающего процесс их голосования, представлена на рис. 1. Особенностью организации прямого эфира было то, что изображение с этого интерфейса транслировалось в прямом эфире. Именно эту картинку, на которой из 166 человек (общее количество депутатов) присутствовало 78 человек, а отсутствовало 88 парламентариев, при кворуме в 84 сенатора, и увидела многомиллионная аудитория.

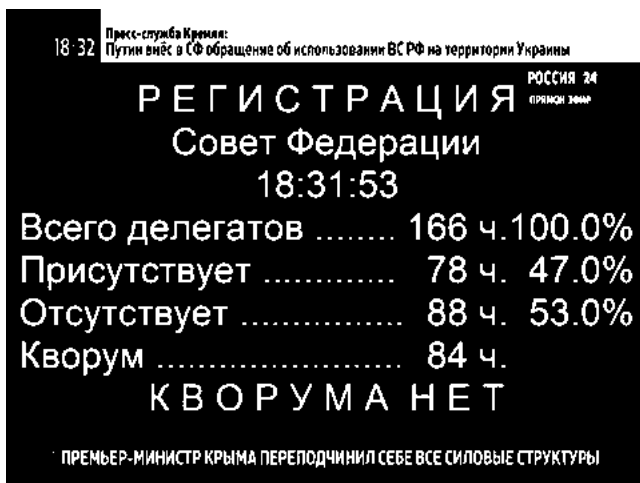

Рис. 1. Отсутствие кворума при регистрации парламентариев

Отметим также, что дизайн программного комплекса организован таким образом, что данные, свидетельствующие об отсутствии кворума, оформляются в красно-желтых тонах, что является символом агрессии и опасности и оставляет негативные впечатления в сознании реципиентов.

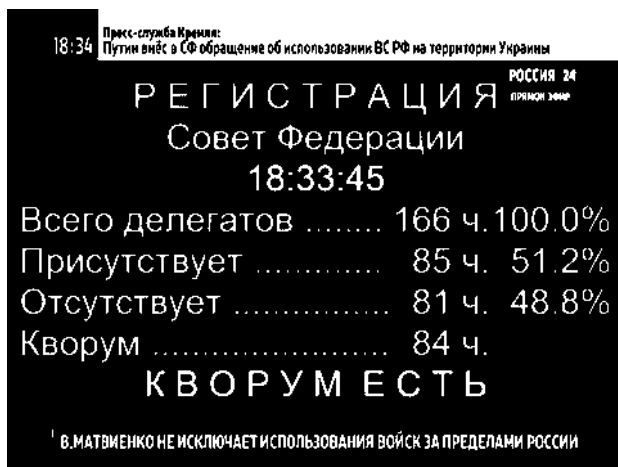

Рис. 2. Повторная регистрация парламентариев

Пытаясь исправить положение, спикер палаты Валентина Матвиенко сначала апеллировала к тому, что это является сбоем в работе программы, затем парламентарии сошлись на том, что «не все успели карточки вставить». При повторном голосовании ошибка была исправлена. Программный комплекс повторно подсчитал количество зарегистрировавшихся парламентариев – таковых оказалось 85 человек при кворуме 84 сенатора. Отсутствовавших оказалось 81 человек (рис. 2).

Следует пояснить, что та зрительская аудитория, которая следила за прямым эфиром с самого начала, безусловно, отметила, что никакого сбоя в работе программного комплекса быть не могло, повторный подсчет зарегистрировавшихся сенаторов проходил после того, как в зал заседания явился лишь один парламентарий, и кворум был при минимальных показателях.

Учитывая наличие чувствительности телевизионной аудитории к «провалам» субъекта политики, отмечаемой многими исследователями, можно констатировать, что описанная выше ситуация негативно повлияет на имидж СФ и окажется фактором, который достаточно трудно поддается исправлению в последующем.

К факторам, которые могут негативно повлиять на имидж СФ, относятся и некорректные фразы из выступления парламентариев.

Так, спикер СФ В. Матвиенко после подсчета голосов перед началом заседания бросила фразу: *«Часть наших коллег, кто не сумел подъехать попросили присоединить их голоса»*. Опасность этой фразы состоит в том, что у аудитории может сложиться впечатление о работе сенаторов как о виде деятельности, которая определяется лишь неформальными договоренностями и т.п. В данном контексте обсуждения важнейшего вопроса для страны другое понимание этой фразы представить сложно. Безусловно, можно предположить, что фраза указывает на наличие корпоративной этики парламентариев, в рамках которой сенаторы руководствуются взаимовыручкой и другими благими намерениями, но в данном случае, повторимся, взаимовыручка понимается аудиторией именно как некое укрывательство.

Среди прочих недочетов в работе Совета Федерации числятся такие факторы, как отключение микрофона, прерывание речи выступающих, отказ некоторых парламентариев выйти к трибуне для выступления и др.

Тот факт, что голосование за использование Вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины было единогласным,

мы считаем амбивалентным. С одной стороны, парламентариев можно критиковать за отсутствие внутрипарламентской дискуссии и за отсутствие широкого обсуждения, однако, с другой стороны, члены Совета Федерации проявили консолидированную позицию относительно важного для государства решения.

Среди особенностей организации прямого эфира позитивным фактором является сам факт прямой трансляции. Включение общественности в процесс принятия политических решений даже на правах зрителя является основой демократического устройства государства.

Среди особенностей, которые носят негативный для имиджа характер, следует указать плохое качество телевизионной картинки, отсутствие общих кадров, на которых должны присутствовать все парламентарии. Все это говорит о неподготовленности события для его репрезентации посредством прямого эфира.

Среди ценностных факторов, которые также негативно влияют на имидж Совета Федерации, можно выделить предмет заседания, а именно вопрос войны и мира. Поскольку в обществе любой страны присутствует негативное отношение к войне, следует считать, что Совет Федерации взял на себя ответственность за негативно окрашенное политическое решение.

Таким образом, несмотря на то, что регламент заседания Совета Федерации не был нарушен, а необходимость принятия решения о вводе Вооруженных сил РФ очевидна, комплекс недочетов в работе Совета Федерации и плохая организация прямого эфира указывают на опасность имиджевых издержек.

Литература

1. *Политология*: словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/162/политический> (дата обращения: 27.02.2014).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Малинова О.Ю.</i> Теория представительства и политический символизм парламента в российском контексте	3
<i>Сунгуров А.Ю.</i> Депутатские комиссии по расследованию как пример реализации контрольной функции парламента	11
<i>Юсубов Э.С.</i> Правовые основы ограничения избираемости граждан в связи с наличием судимости	16
<i>Куценко С.В.</i> Проблемы и перспективы парламентаризма в России	24
<i>Постол В.И.</i> О конструировании парламентаризма: дискурсивные практики	29
<i>Пустовойт Ю.А.</i> Представительная власть в системе локальных политических режимов	35
<i>Мамаева О.А.</i> Перспективы развития российского парламентаризма	40
<i>Буковская Н.В.</i> Парламентаризм и экспертиза политических решений	44
<i>Краснопёров А.Ю.</i> Электронная демократия в России: перспективы институционализации	49
<i>Герашенко С.А.</i> Основания доверия российского электората политическим партиям в условиях избирательной кампании	54
<i>Вольтер О.В.</i> Этапы реформирования избирательной системы в современной России	59
<i>Окунев И.Ю.</i> Парламентский опыт микространств: возможные уроки для российских регионов	65
<i>Чахор Р.</i> Эволюция отношений между парламентом и президентом в Польше в период трансформации	69
<i>Шикер Т.П.</i> Проблема парламентаризма в Китайской Народной Республике: перспективы развития	77
<i>Широченко М.И.</i> Законодательный процесс в США: теоретический анализ ..	80
<i>Шкута Р.В.</i> Сила парламента: опыт Украины	85
<i>Шацкова Я.Ю.</i> Образ региональных органов законодательной власти в СМИ как фактор формирования политической идентичности (на примере Алтайского края)	88
<i>Кисляков М.М.</i> Региональные выборы и региональная идентичность: состояние, проблемы, перспективы	93
<i>Шпагин С.А.</i> Законодательные собрания российских регионов в свете электоральных процессов 2012–2013 гг.	98
<i>Безбрилова К.А.</i> Региональная идентичность в контексте глобализации	103

<i>Десятярова А.И.</i> Участие женщин в работе региональных парламентов на примере Алтайского края и Томской области.....	107
<i>Дубиненко А.А.</i> О публичности депутатов-бизнесменов в представительных органах региональной и муниципальной власти (на примере Законодательной Думы Томской области и Думы Александровского района Томской области).....	112
<i>Кирдяшкин И.В.</i> К проблеме формирования идеологических аспектов молодежного парламентского движения.....	116
<i>Копышенко В.А.</i> Современное молодежное парламентское движение в Российской Федерации.....	120
<i>Беляева Н.М.</i> Молодежный парламентаризм в современной России: процедура формирования и эффективность функционирования.....	127
<i>Ахмедов И.Д.</i> Молодежный парламент как явление гражданского общества и политико-правовой культуры (на примере Томской области).....	132
<i>Щербинина Н.Г.</i> Парламентская культура и парламентская традиция.....	136
<i>Сенцов А.Э.</i> Модель будущего в программных документах парламентских партий (сопоставительный аспект).....	141
<i>Щербинин А.И.</i> Девальвация концепта «легитимность» в российско-украинском конфликте 2014 г.	145
<i>Скочилова В.Г.</i> Парламентаризм как ценностно-символический контекст современных российских партийных идеологий.....	150
<i>Фомин М.Г.</i> Особенности участия в процессе выборов лиц с ограниченными возможностями здоровья.....	154
<i>Якушева А.С.</i> Особенности функционирования пресс-служб региональных представительных органов власти Западной Сибири (на примере Алтайского края).....	158
<i>Юдина А.С.</i> Методы построения и анализа публичной речи политика.....	164
<i>Жданова Е.Д.</i> Парламентская культура как особый компонент деятельности парламентариев.....	169
<i>Карипов Б.Н.</i> Законодательные проекты российских кадетов в Государственной думе начала XX в.	173
<i>Ширко Т.И.</i> Кристаллизация и стратификация политической элиты Томской области в 1994–2003 гг. и деятельность регионального парламента по формированию социально-экономической стратегии развития территории.....	179
<i>Гаарилов И.А.</i> Имиджевые потери Совета Федерации РФ при разрешении украинского кризиса (на материале прямого телевизионного эфира).....	185

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ:
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Материалы III Всероссийской конференции с международным участием,
посвященной 20-летию Законодательной Думы Томской области

Редактор *Т.В. Зелева*
Компьютерная вёрстка *Г.П. Орлова*

Подписано в печать 22.08.2014 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Печ. л. 12,0; усл. печ. л.11,2 ; уч.-изд. л. 11,0. Тираж 300. Заказ 240

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1